«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ШТИРЛИЦА

И.В. Просветов

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-043

«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ШТИРЛИЦА

И.В. Просветов

(ГОД)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Непременно прочитай “Тетрадь, найденную в Сунчоне” Романа Кима. Это вещь!» — советовал Аркадий Стругацкий, будущий знаменитый фантаст, брату Борису в письме с Камчатки осенью 1952 года. Фамилия создателя «этой вещи» на тот момент ничего не говорила любителям приключенческой прозы. Сын бывшего казначея корейского короля, проживший десять лет в Токио. Самый молодой советский профессор-японовед. Специалист по японской литературе, вхожий в круг передовых московских писателей, и одновременно один из лучших оперативников ОПТУ — ГУГБ, в середине 1930-х отвечавший за всю контрразведывательную работу по японской линии в Москве. При Ежове, затем при Берии обвинялся в тягчайшем преступлении — измене Родине, но благодаря своим исключительным знаниям избежал расстрела, был приговорен к 20 годам заключения, а в 1945 году досрочно освобожден и к тому же награжден медалью «За победу над Японией»! К началу 1970-х общий тираж сочинений Романа Кима дорос до знаковой отметки в миллион экземпляров. Но писатель ушел в мир иной, а на литературном небосводе появились новые звезды жанра. Первой величиной среди них стал Юлиан Семенов со своим циклом романов о Максиме Исаеве — Максе фон Штирлице. И мало кто знал, что образ Максима Максимовича подсказал ему автор «Тетради», «Кобры под подушкой» и «Школы призраков».

- Иван ПРОСВЕТОВ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - Приложение 1.
    - Приложение 2.
    - Приложение 3.
    - Приложение 4.

- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248

- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

Иван ПРОСВЕТОВ
«КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ» ШТИРЛИЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Непременно прочитай “Тетрадь, найденную в Сунчоне” Романа Кима. Это вещь!» — советовал Аркадий Стругацкий, будущий знаменитый фантаст, брату Борису в письме с Камчатки осенью 1952 года.

Фамилия создателя «этой вещи» на тот момент ничего не говорила любителям приключенческой прозы. Однако читатели оценили историю японского разведчика, поступившего на службу к американцам, за интригу и экзотичность. А лица, уполномоченные принимать решения в области литературы, — за разоблачительный пафос. За «Тетрадью» последовали шесть шпионских и приключенческих повестей, опубликованных под тем же именем; об авторе сообщалось лишь, что его истории «в значительной мере основаны на фактах». К началу 1970-х общий тираж сочинений Романа Кима, не считая публикаций в журналах и сборниках и заграничных изданий, дорос до знаковой отметки в миллион экземпляров. Но писатель ушел в мир иной, а на литературном небосводе появились новые звезды жанра. Первой величиной среди них стал Юлиан Семенов со своим циклом романов о Максиме Исаеве — Максе фон Штирлице. И мало кто знал, что образ Максима Максимовича подсказал ему автор «Тетради», «Кобры под подушкой» и «Школы призраков».

В архиве Семенова сохранился машинописный рассказ о том, как был придуман Штирлиц: «Летом 1921 года в редакциях нескольких владивостокских газет появился молодой человек. Было ему года двадцать три, он великолепно владел английским и немецким, был смешлив, элегантен, умел умно слушать… Репортером он оказался отменным, круг его знакомств был широкий: японские коммерсанты, американские газетчики и офицеры из миссии, китайские торговцы наркотиками и крайние монархисты. Покойный писатель Роман Ким, бывший в ту пору подпольщиком, знал этого газетчика под именем Максима Максимовича…» Заинтересовавшись этим воспоминанием, Семенов «вырастил» из него роман «Пароль не нужен» о разведчике Всеволоде Владимирове, оперативный псевдоним Максим Исаев. Позже, работая в Польше над сюжетом «Майора Вихря», Семенов узнал, что в окружении начштаба Верховного командования вермахта Кейтеля («когда тот прилетал в Краков из Берлина») находился офицер СД, связанный с глубоко законспирированным подпольем. Вероятно, советский разведчик. «Словесный портрет, данный польским товарищем, удивительным образом совпадал с описанием Максима Максимовича — Роман

Ким совершенно великолепно и очень точно обрисовал мне “белогвардейского газетчика”. Именно это и заставило меня допустить возможность “перемещения” Максима Максимовича в Германию…»[1]

Юлиан Семенов не упомянул, что по окончании Гражданской войны тайная жизнь Романа Кима не закончилась. Впрочем, всего он мог и не знать. Общительный и дружелюбный, Ким время от времени откровенничал о своем прошлом, оставляя при том простор для догадок. «Это был человек-айсберг, — вспоминал прозаик и драматург Лев Славин, знавший Кима с начала 1930-х. — На поверхности мы видели корректного моложавого джентльмена, одетого с изысканной элегантностью, даже модника. На узком смуглом лице Романа Кима играла любезная улыбка, в глазах, прорезанных по-восточному, немеркнущая наблюдательность. Там, в подводной, незнаемой части, возможно, кровавые схватки, тонкие поручения, поступки, приобретшие молниеносную быстроту рефлексов, а когда нужно — бесконечно терпеливая неподвижность Будды…» «Жизнь его была необычайна, — подтверждал писатель Вадим Сафонов. — Когда она будет рассказана, то покажется удивительнее любого романа»[2]. Будучи активистом Союза писателей СССР, Ким удостоился краткой справки в «Литературной энциклопедии»: «Детство провел в Японии, учился в Токийском колледже (1907–1917). В 1917 вернулся в Россию. Окончил восточный факультет Владивостокского университета. В 1923–30 читал курсы китайской и японской литературы в московских вузах. Литературную деятельность начал в 1923. Работает главным образом в жанре политического детектива, основанного на фактическом материале»[3]. Где же тут спряталась необычайность?

Немногие писатели избегают искушения придать собственные черты героям своих сочинений. Роман Ким немножко рассказал о себе (читатели о том даже не подозревали) в повести «Школа призраков»: «Когда я учился в университете, профессора предрекали мне карьеру ученого, и я сам собирался стать историографом. Но во мне, как в знаменитом рассказе Стивенсона, боролись ученый Джеккиль и детективный Хайд. Увы, победил последний и приволок меня к дверям сыщицких курсов». Впервые о связях Кима со спецслужбами напрямую было сказано в 2003 году в биографическом словаре «Люди и судьбы»: «на протяжении многих лет сотрудник НКВД (разведки)»[4]. Спустя пять лет историк Алексей Буяков, работавший с архивами ФСБ, опубликовал послужной список Кима в справочнике «Ведомственные награды ОГПУ — НКВД». Оказалось, что

востоковед и литератор Роман Николаевич Ким носил звание старшего лейтенанта госбезопасности и был награжден за отличия именным оружием (дважды) и орденом Красной Звезды[5]. Японист Александр Куланов посвятил Киму одну из глав книги «В тени Восходящего солнца», вышедшей в 2014 году; основными источниками послужили анкеты и автобиография из оперативного дела Кима, скопированные Буяковым, и воспоминания, собранные Кулановым. Осколки настоящей биографии мэтра шпионской прозы начали складываться в удивительный портрет.

Судьбой Кима я заинтересовался случайно, купив у букиниста «Агента особого назначения» с дарственной надписью автора военному разведчику Юрию Тарскому. Поскольку не на все вопросы имелись ответы, я продолжил собирать биографический пазл. Как и многие видные сотрудники разведки и контрразведки, Ким был арестован в 1937 году, обвинен в шпионаже и осужден. Руководство Центрального архива ФСБ России предоставило мне возможность изучить двухтомное следственное дело Романа Кима, а также следственное дело его жены Марианны Цын (за исключением ряда до сих пор секретных или строго конфиденциальных материалов). Интересные и важные документы нашлись в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ).

Вникая в прошлое писателя-контрразведчика, я не раз призадумывался. О схожих сомнениях я прочитал в предисловии Даниила Гранина к роману «Бегство в Россию»: «Так уж сложилось, что случай не раз и не два сводил меня с некоторыми известными или безызвестными “нашими” шпионами, и меня время от времени подбивали написать о них. Романтику шпионажа поощряли в нашей литературе. Но я в ту пору такого желания не испытывал, хотя, как и многие, с удовольствием смотрел “Семнадцать мгновений весны”, читал Ле Каре, Лоуренса, Грэхема Грина. Может быть, отталкивало то, что эта профессия требует постоянной, умелой, хорошо отработанной лжи…» Разведывательная работа невозможна без умения входить в доверие, притворяться, обманывать, пользоваться человеческими слабостями и личными интересами. Оправданием выступает высокая цель, служебный долг, необходимость противодействия врагу твоей страны — явному, тайному или вероятному. Роман Ким, конечно же, притворялся, обманывал, пользовался…

Но какая все-таки удивительная судьба! Сын бывшего казначея корейского короля, проживший десять лет в Токио. Самый молодой советский профессор-японовед. Специалист по японской литературе, вхожий в круг передовых московских писателей, — и одновременно один из лучших оперативников ОГПУ — ГУГБ, в середине 1930-х отвечавший за всю контрразведывательную работу по японской линии в Москве. При Ежове, затем при Берии обвинялся в тягчайшем преступлении — измене Родине, но благодаря своим исключительным знаниям избежал расстрела, был приговорен к 20 годам заключения, а в 1945 году досрочно освобожден и к тому же награжден медалью «За победу над Японией»!

В результате розысков и размышлений получилась вот эта книга. Автор благодарит руководство и сотрудников всех названных архивов за доброжелательное отношение и содействие в изучении архивных материалов. Отдельное спасибо японисту Александру Куланову за ценные советы и всестороннюю помощь.

Глава 1.
ВОСТОЧНАЯ ШКОЛА

«Подобно Константинополю, Владивосток производит очень выгодное впечатление издали, — записал путешественник, побывавший на окраине Российской империи на исходе XIX века. — При ближайшем рассмотрении он очень много теряет… Преобладающий тип построек — одноэтажные и двухэтажные деревянные домики… Даже главная улица, Светланская, замощена не вся, а только на протяжении 370 саженей. На всех же остальных улицах благополучно лежит девственный грунт… Нет достопримечательностей в настоящем смысле этого слова… Общественные развлечения исчерпываются несколькими клубами…» Но, справедливо связав увиденные недостатки с относительной молодостью города, визитер отметил: «Владивосток растет не по дням, а по часам»{6}.

Если в 1890 году во Владивостоке насчитывалось 13 000 жителей, то на рубеже столетий — почти 30 000. Возводились капитальные здания, мостились площади и тротуары, засыпались овраги. Улицы еще освещались керосиновыми фонарями, но в лучшие магазины и гостиницы уже проводилось электричество. Имелись две гимназии, две морские и пять обычных школ, а в 1899 году первых студентов принял Восточный институт. Как говорилось на открытии — «высшее училище знаний, полезных для всякого человека, а для живущих в сем краю в особенности».

Пограничное положение едва ли не во всем определяло жизнь города. Четыре десятых его населения составляли выходцы из Маньчжурии, Кореи, Японии. Корейцы, трудившиеся носильщиками и чернорабочими («во Владивостоке они пользуются репутацией скромных, а главное, дешевых работников») обустраивались на отведенной для них земле на северной городской окраине. Корейская слободка выглядела совсем неказисто: узкие улочки, маленькие жилища-фанзы, дворики, окруженные глинобитными стенами. Но селились здесь и зажиточные корейцы — торговцы и подрядчики, строившие для себя добротные дома русского типа. В одной из таких состоятельных семей 1 августа 1899 года появился на свет Роман Ким.

* * *

Николай Николаевич Ким и Надежда Тимофеевна Мин, будучи православными, крестили сына в Успенском соборе — главном храме Владивостокской епархии. Крестником новорожденного согласился стать знакомый отца — присяжный поверенный Иосиф Баженов. Для русских Николай Николаевич был успешным купцом из эмигрантов, и лишь самые осведомленные корейцы знали о знатном происхождении Кима и его супруги. Николай Ким — Ким Пен Хак некогда был близок ко двору короля Ли (Коджона), ведал финансовыми делами корейского монарха и женился на сестре королевы Мин. Как рассказывал сам Роман Ким, «отец принадлежал к придворной русофильской партии», но после ее падения «был сослан на север Кореи в город Пукчен, где прожил около десяти лет простым рыбаком»[{7}].

Историю семьи Ким не понять без знакомства с историей Кореи, потому сделаем необходимое отступление.

Страна утренней свежести — Чосон, как называлась Корея при династии Ли, в последней трети XIX века оказалась яблоком политического раздора. Свыше двух столетий Чосон платила дань Китаю. Во внешних сношениях Сеул ориентировался на Пекин и не стремился открывать свои границы. Лишь в 1876 году Япония, пригрозив войной, вынудила Корею заключить межгосударственный договор. Пекин не вмешался. Японские корабли получили доступ в корейские порты, японские подданные — право вести коммерцию внутри страны и покупать земельные владения. Спустя шесть лет Корея подписала торговое соглашение с США, переговоры с Сеулом затеяли Великобритания и Германия.

Среди доверенных лиц короля Коджона был Ким Ок Кюн — лидер неформальной партии реформ, объединившей молодых корейских аристократов. Реформаторы стремились совершенствовать управление страной, укреплять ее самостоятельность, не чураясь заимствований извне. Они добились реорганизации армии и почтовой службы, создания новых ведомств — земельного, финансов, печати. В начале 1884 года Ким Ок Кюн занял пост заместителя министра финансов. Возможно, Ким Пен Хак был его родственником и служил в том же ведомстве либо в государственном казначействе.

Ким Ок Кюн поддерживал связи с японскими политиками либерального толка, но рассчитывал на сближение Кореи с Российской империей. Будучи с дипломатическими миссиями в Токио, он неоднократно встречался с русскими посланниками. Высказывал надежду, что Россия вступит «в дружественные сношения с соседним корейским государством». Объяснял, что

«для ограждения себя от притязаний [Китая на владычество над Кореей] и для обеспечения самостоятельности и независимости Кореи правительство видит теперь одно лишь средство — скорейшее заключение договоров с остальными державами и, в особенности, с соседнею Россией». Напоминал, что «его правительство, все более и более расширяющее круг своих сношений с европейскими державами, очень дорожит заключением трактата с державою, владения коей граничат с Кореею»[8]. В июле 1884 года такой трактат — о дружбе и торговле — был подписан. А несколько месяцев спустя реформаторы решились на переворот с целью отстранить от власти дворян-консерваторов, ориентировавшихся на Китай и пользовавшихся поддержкой королевы Мин.

Король Коджон знал о намерениях заговорщиков. Более того, содействовал им, не подозревая, что смена правительства обернется убийствами видных аристократов. Реформаторы продержались у власти всего три дня. 7 декабря 1884 года дворец, где они обосновались, был взят штурмом отрядом китайских солдат, находившихся в Сеуле. Ким Ок Кюн с ближайшими сторонниками бежал в Японию. Видимо, после этих событий Ким Пен Хака отлучили от двора и отправили в ссылку.

Соперничество Китая и Японии за Корею приутихло. Обе стороны признали права друг друга посылать войска в Страну утренней свежести: Токио — для защиты своих подданных, Пекин — в случае беспорядков, угрожающих корейскому королю. Шаткое равновесие нарушилось в 1894 году, когда в Корее вспыхнул народный мятеж. Последовавшую войну с Японией империя Цин проиграла и от покровительства над Кореей отказалась. Однако самой Чосон конфликт обошелся дорого — война шла на ее территории и разорила страну. Как только иноземные армии ушли (в Сеуле остался лишь японский гарнизон на территории посольства), королева Мин, более не надеявшаяся на Китай, уговорила Коджона удалить из правительства министров, лояльных Японии.

Негласным лозунгом нового политического курса стало «ближе к России, дальше от Японии». В июле 1895 года Коджон отправляет письмо «Почтенному и Дорогому Брату Императору Всероссийскому»: он благодарит Николая II за «добрые отношения между нашими государствами» и «доказательства расположения, которыми Ваше Величество неоднократно почтило меня»[9]. Токио жестко ответил на перемены в Сеуле. В ночь на 8 октября 1895 года японский посланник подстроил нападение отряда солдат, обученных японскими инструкторами, на королевский дворец. Королева Мин была убита. Король Коджон,

стерпев унижение, в феврале 1896-го укрылся в русской дипломатической миссии и около года пытался оттуда править страной. В свой дворец, приняв титул императора, он вернулся убежденным русофилом, пригласил военных и финансовых советников из России.

Примерно в 1894–1895 годах Ким Пен Хак перебрался из Пукчена во Владивосток. «Отдельные деятели русофильской партии с согласия короля начали переводить свои капиталы в Россию с целью создания финансовой базы», — рассказывал Роман Ким, уточняя, что отец занялся коммерцией «на деньги партии Мин». Приняв российское подданство и, при крещении, имя Николай, бывший корейский дворянин приобрел купеческое свидетельство 2-го разряда (для предприятий с годовым оборотом до 300 000 рублей). Разбогател он на подрядах по строительству крепостных сооружений и казарм, полученных по линии Военно-инженерного управления{10}. В городском справочнике за 1902 год его фамилия значится в списке адресов крупнейших строительных подрядчиков: «Ким. — Корейская слободка, дом собственный». В том же году Николай Николаевич арендовал у городской управы три десятины земли (3,27 га) на окраине под кирпичный завод. Николай Ким был единственным корейцем среди почти сотни владивостокских купцов 1-го и 2-го разряда, равно как среди избирателей, имевших право голоса на выборах в гласные городской думы{11}. Помимо строительных дел, он фрахтовал японские пароходы для импорта мяса из Австралии и вообще «вел обширные коммерческие операции с японскими, английскими и другими иностранными фирмами». «Дом моего отца представлял собой своеобразный салон, который привлекал к себе (обычно по субботам) всю местную знать, иностранцев, военные власти (военных инженеров, офицерство)», — вспоминал Ким-младший{12}. Дружба России и Кореи формально закончилась с началом Русско-японской войны. Что мог противопоставить Сеул агрессивному восточному соседу? В феврале 1904 года японцы навязали Коджону «Протокол о взаимной поддержке», по которому Токио взял на себя «обеспечение независимости и целостности Кореи» и закрепил за собой право держать войска на ее территории. Чем тут же воспользовался, обеспечив себе плацдарм в конфликте с Россией. Коджону пришлось аннулировать все договоры, заключенные с Российской империей. Тайно же он известил русское правительство о подготовке восстания против японцев. Отряды Армии справедливости появились по всему Чосону и на севере страны вместе с русской пехотой и казаками сражались с японцами. В Санкт-Петербурге знали, что на севере Кореи «на

прочных началах организована русофильская партия»[13].

Повстанцы продолжали нападать на японские гарнизоны и по завершении войны России с Японией. И еще настойчивее после того, как в ноябре 1905-го Токио вынудил Сеул заключить «Договор о покровительстве», лишавший Корею самостоятельности во внешней политике (Коджон договор не утвердил, но японцев это не смутило). Корейские общины Приморья помогали Армии справедливости деньгами, оружием, собирали в помощь небольшие отряды.

В это время Николай Николаевич Ким решил отправить подросшего сына учиться в Японию.

* * *

Настоящее сумо — борьба силачей-гигантов. Но ее приемы вполне доступны любому выносливому мужчине, даже юноше. Сумо — это упорство и ловкость. Сцепившись с соперником, важно не поддаться его напору, почувствовать возможную слабину и нужным приемом вытолкнуть за круг-тавара или заставить коснуться пола любой частью тела. «В сумо он был для нас как могучий Татияма, и ни я сам, ни Табо не могли оказать ему ни малейшего сопротивления и буквально улетали от его толчка-тэппо, — отметил в своих мемуарах Сига Наодзо, учившийся в колледже университета Кэйо. — Я слышал, что отец Кин Кирю был корейским патриотом и в силу каких-то обстоятельств эмигрировал в Россию»[14].

Кин Кирю — японская транскрипция корейского имени Ким Кирь Он. Второго, семейного имени Романа Кима[15]. На следствии Роман Николаевич объяснял, зачем отец послал его в Японию — «чтобы я имел японское образование и стал дипломатом»[16]. Как мог рассуждать Николай Ким? Япония несравнимо могущественней Кореи и не остановится в своем стремлении подчинить маленькую страну на материке. В борьбе государств дипломатия значит не меньше ружей и пушек. Но будь то открытая или тайная война, в любом противостоянии трудно победить или хотя бы выстоять, когда не знаешь и не понимаешь противника, особенно если уступаешь ему в силе. И нет лучше способа узнать иной народ, иное государство, чем пожить там и поучиться.

Кэйо Гиндзюку считался самым престижным частным учебным заведением Японии, некоторые его выпускники занимали видные посты в правительстве. «Школа Кэйо стремится воспитать своих учащихся так, чтобы они стали источником

достоинства и образцом интеллекта и добродетели в Японии», — декларировал ее основатель Фукудзава Юкити. Выходец из самурайского сословия, он мечтал о процветании нации, полагая, что различия между сильным и слабым обществом, так же как между умным и глупцом, происходят от образования. Под конец жизни либерал Фукудзава «поправел» и даже приветствовал Японо-китайскую войну. Но это не помешало его преемникам следовать идеям прогрессивного воспитания. При университете действовали начальная и так называемая повышенная школа, или колледж. Повышенных школ на всю Японию насчитывалось восемь, и их выпускники были кандидатами первой очереди на поступление в Токийский или Киотский императорский университет. Для поступившего в начальную школу ученика открывался, таким образом, путь наверх.

Ким-младший, надо думать, уже умел говорить и читать по-японски. Выучить язык во Владивостоке, где японская колония числом не сильно уступала корейской, не было проблемой. Николай Ким воспользовался своими знакомствами и связался с Сугиурой Рюкичи, главой токийской торговой компании «Хаяси Йоко»[1]. Поскольку иностранцев в Кэйо «принимали мало», «нужно было иметь опекуна-японца», он попросил Сугиуру взять опекунство над сыном на время учебы в Кэйо. Оформить документы, необходимые для въезда и проживания мальчика в Японии, помог другой знакомый Кима-старшего — Ватанабе Риэ, секретарь японского генерального консульства во Владивостоке{17}. Содействие Ватанабе сыграет впоследствии печальную роль в судьбе Романа Кима. Но кто может предвидеть будущее?

На исходе лета 1906 года Николай Николаевич дал последние напутствия сыну и в сопровождении доверенного лица посадил на пароход, отправлявшийся в Токио. В сентябре Кин Кирю был зачислен в начальную школу Ётися при университете Кэйо. Несколько раз в Токио его навещала матушка. Виделись ли они или переписывались, когда Роман учился в колледже, — неизвестно. Неясно также, что стало причиной размолвки Надежды Мин и Николая Кима. Есть лишь факт: в 1908 году Надежда Николаевна развелась с мужем и уехала в Сеул.

* * *

А Страна восходящего солнца все настойчивее отбирала независимость у соседней Страны утренней свежести.

В июне 1907 года император Коджон послал делегацию на

международную мирную конференцию в Гааге в надежде найти политическую поддержку у сильнейших государств. Япония отреагировала моментально. Генерал-резидент Японии в Сеуле Ито Хиробуми пригрозил Коджону войной, если тот не отречется от престола в пользу своего сына. И отречение случилось. Несколько дней спустя японцы заключили с новым императором «Договор семи статей», превративший генерала-резидента Ито Хиробуми едва ли не в полновластного правителя Кореи. Корейская национальная армия была распущена. Два года японские солдаты усмиряли корейские провинции. Отряды Армии справедливости редели.

26 октября 1909 года Ан Чун Гын, бывший партизанский командир, подкараулил Ито на вокзале в Харбине, куда тот приехал на переговоры с российским министром финансов как председатель Тайного совета Японии. На следствии он говорил, что стрелял в Ито, желая отомстить «за деятельность в качестве наместника Кореи».

«Безрассудность совершенного деяния показывает, как велики муки нашей порабощенной родины и как мучительно страстно стремится она освободиться от жестокого гнета», — сообщала владивостокская газета «Тедонконбо». Газету издавал Петр Семенович Цой — крупный приморский коммерсант, негласно помогавший Армии справедливости. Он вооружал отряд, с которым Ан Чун Гын отправился в свой последний поход из Приморья в Корею летом 1909 года. В доме Цоя в селе Новокиевское партизанский вожак готовился к покушению на Ито Хиробуми. По словам Романа Кима, его отец был знаком с Ан Чун Гыном, а после известия об успехе покушения устроил в своем доме настоящий пир[18].

Убийцу казнили, а Япония довела подчинение Кореи до победного конца. 22 августа 1910 года император Сунджон «полностью и бессрочно» передал императору Японии «все суверенные права на управление Кореей».

В своих советских автобиографиях Роман Ким объяснял, что после аннексии Кореи его отец разорился, лишившись капиталов, которыми распоряжалась русофильская партия, и стал обычным десятником — старшиной над рабочими-строителями[19]. Он слукавил, скорректировал нужным образом свое социальное происхождение: сын бывшего дворянина и бывшего купца. На самом деле Николай Ким не обанкротился. В конце 1908 года его кирпичный завод был снесен по распоряжению военных властей, готовившихся к строительству главной линии обороны Владивостока. Купеческое свидетельство на 1909 год Николай Николаевич не приобрел и стал жить как рантье, благо владел

тремя домами: № 41 и № 43 на улице Фонтанной и № 16 на Китайской улице. Спустя какое-то время он продал один из домов на Фонтанной и купил другой — на Комаровской улице (к слову, вдвое менее доходной по арендным ставкам). Николаю Киму также принадлежала шаланда грузоподъемностью 2400 пудов, одна из крупнейших во Владивостокском торговом порту[20]. Он оставался обеспеченным человеком и мог тратить на обучение сына в Японии большие деньги — 30 иен в месяц, или чуть более 30 рублей по курсу того времени (для сравнения, годовая плата за занятия во Владивостокской мужской гимназии составляла 40 рублей). Ким-младший благополучно окончил школу Ётися и перешел в колледж Кэйо.

Часть своих доходов Николай Ким передавал на нужды корейской общины. Известно, что он пожертвовал крупную сумму на новую школу в слободке. Возможно, внес свой вклад в снаряжение отрядов для Армии справедливости. В 1911 году Петр Цой привлек Кима к организации общества «Развитие труда» («Квонопхве»). «Если каждый [из нас] своим трудом создаст материальные силы, то достаточно подготовится к тому, чтобы в одно прекрасное утро подняться для восстановления независимости Кореи», — говорил Петр Семенович на учредительном съезде «Квонопхве». Русские власти благосклонно отнеслись к появлению общества, обязавшегося содействовать сельским и промысловым предприятиям и просвещению приморских корейцев. Но скрытно наблюдали за ним. В марте 1912 года полицмейстер Владивостока получил рапорт, из которого следовало, что «Квонопхве» «преследует цели» запрещенного антияпонского общества «Кунминхве». Среди «истинного состава» руководства упоминался «директор по дипломатической части Николай Николаевич Ким»[21]. В 1914 году, когда отделения общества работали по всей Приморской области, Николай Ким состоял членом правления «Квонопхве»[22].

Петр Цой действительно готовился продолжать борьбу за Корею. Вместе с другими лидерами «Квонопхве» он создал Военное правительство возрождения родины, планировал собрать армию не менее чем в 10 000 бойцов. Японцы, обеспокоенные активностью Цоя, предъявили губернатору Приморья компрометирующие материалы о «Квонопхве» и потребовали его закрытия. В августе 1914 года общество было распущено.

О каких делах и событиях Николай Ким писал сыну в Токио? Как следил за его учебой и жизнью в чужой, а для истинного корейца — враждебной стране? Что сообщал Ким-младший родителю? Знал ли, какие надежды возлагает на него отец? И

каким Николай Николаевич хотел видеть своего единственного наследника? Увы, взросление Романа Кима можно представить лишь в самых общих чертах.

* * *

«Кин Кирю был развит не по годам, — вспоминал Сига Наодзо. — Он вел себя как настоящий токиец, со всеми характерными для токийцев привычками и вкусами, рассказывал об улочках с забегаловками, где стоя едят суси, и очаровывал нас своими подражаниями знаменитому рассказчику кайданов (историй о привидениях) Дану… Когда мы учились во втором или третьем классе общего отделения, он принес показать нам журнал по искусству очень большого формата на русском языке, сказав, что его прислал ему отец. В журнале были помещены многочисленные работы примитивистов: Гогена, Сезанна, Шагала и других. Я даже сейчас помню, как он недоумевал тогда, почему это “не напечатали Ван Гога?”. Хорошо помню я еще и то, как таращил от удивления глаза, рассматривая работы Шагала, полные загадочного и удивительного очарования. Кин Кирю иногда резал на дереве для разовой печати гравюры довольно фривольного содержания. Это было возможно, наверное, потому, что господин Сугиура Дзюго как смотритель “учебного кабинета” принца Хигасиномия был слишком занят, чтобы заглядывать в комнатку своего ученика, находившуюся сбоку от входа в дом»[{23}].

Однокашник Кима не пояснил, почему юного корейца приметил сам Сугиура Дзюго — член попечительского совета Кэйо, воспитатель наследного принца Хирохито, смотритель дворцовой библиотеки. Как бы то ни было, такое покровительство многое значило и многого стоило. Летом 1916 года, завершив обучение в колледже, Роман Ким готовился держать экзамены на историко-филологический факультет Токийского императорского университета. И вдруг… бросил все. Взял проездное свидетельство в русском генеральном консульстве и вернулся во Владивосток.

Версия отъезда, которую он излагал в конце 1930-х на допросах в НКВД, звучала так. В Токио прибыли из Владивостока на практику три студента Восточного института. Ким познакомился с ними случайно, проходя мимо гостиницы, где они остановились. Узнав, что «в России очень мало японоведов» и у способного выпускника института есть перспектива «быть видным японоведом», Роман загорелся мыслью сделать карьеру в

той стране, где родился. Вернувшись во Владивосток, он изложил отцу «желание стать профессором-японоведом» и получил его согласие{24}.

Об иной причине он предпочел умолчать. Кин Кирю влюбился в дочь самого Сугиуры Дзюго. «Это была первая его девушка, и она, похоже, ни о чем не догадывалась. Когда же он делился с нами о своих горестях неразделенной любви, мы все, его приятели, слушали со смешанными чувствами, испытывая, по меньшей мере, зависть и ревность», — запомнилось Сиге Наодзо. Однажды родичи Сугиуры, не имевшие детей, завели речь об усыновлении Кин Кирю. О намерении известили отца. Когда Николай Ким, приехав в Токио, переговорил с сыном, тот сказал, что полюбил Японию и будет рад стать японцем, коль такая возможность представилась. Николай Николаевич вспыхнул от гнева и приказал ему возвращаться домой[2].

Десять лет жизни в Японии, конечно же, не могли не повлиять на мироощущение, взгляды и привычки юного корейца. Роман Ким действительно увлекся культурой и традициями Страны восходящего солнца. Это видно хотя бы по тем заметкам, что он сочинил в середине 1920-х. Вот, например: «История европейского алфавита скудна фактами, как биография трамвайного контролера. История иероглифического письма — это пышная многотомная история одной из великолепных отраслей изобразительного искусства… В то время, когда по Европе рыскали десантные батальоны викингов, в Японии были в моде так называемые асидэ — картины, смонтированные из одних иероглифических начертаний, полных или сокращенных. Вы на асидэ видели течение воды, камни, деревья, скалы, бамбуковые рощи, крыши буддийских храмов, пики гор, облака, птиц и в то же время читали в них иероглифы. Девять веков тому назад на Японских островах умели тонко наслаждаться!»{25}

Европейски-тщательное изящество днем, кимоно и веер — укладываясь спать. Так спустя много-много лет описал привычки пожилого Кима один из его друзей-писателей…

* * *

Отозвав сына из Японии, Николай Ким не имел ничего против его желания стать японоведом. Поскольку свидетельство об окончании токийского колледжа не могло быть учтено при поступлении в русский институт, Роману пришлось поступить в гимназию — экстерном сдать экзамены за шестой класс, чтобы отучиться затем в двух старших классах.

Владивостокская мужская гимназия располагалась в том же здании, что и Восточный институт, в правом его крыле. Гимназисты каждый будний день проходили мимо загадочных древних каменных львов «ши-цза», охранявших порог института. И, наверное, завидовали студентам, носившим по торжественным случаям красивые мундиры темно-зеленого сукна и парадные шпаги. Но Роман Ким, в силу возраста, знакомств и прошлого образования, мог держаться с будущими востоковедами почти на равных. Он вообще выделялся своей активностью. Председательствовал в городском союзе учащихся. Руководил художественным кружком при гимназии. Кружок посещали и гимназистки. С одной из них — Зоей Заикой — у Кима, как говорится, завязались отношения{26}.

Летом 1918 года Роман Ким подал прошение о зачислении в Восточный институт. Студентов принимали без экзаменов, по старшинству средних аттестационных отметок. Предпочтение отдавали обладателям дипломов высших учебных заведений, следом рассматривали прошения выпускников гимназий, реальных, коммерческих, технических и военных училищ. Со второго курса студенты распределялись по отделениям, согласно изучаемым языкам: китайско-японскому, китайско-корейскому, китайско-монгольскому и корейско-маньчжурскому. Общими для всех предметами были английский язык, география, этнография, новейшая история и политическая организация Китая, Кореи и Японии, политэкономия, международное право, российское гражданское и торговое право. Ограничения на набор студентов (не более 60 человек, и только мужчины) в 1918 году были сняты. На первый курс взяли 139 юношей и девушек, не считая двух десятков вольнослушателей. Прошел конкурс и Роман Ким. В сентябре начались занятия.

Но, позвольте, какие науки, когда в России — революция, Гражданская война? Да, империя рухнула, разгорелась смута. Однако Владивосток оказался в особом положении.

Глава 2.
ОТ БЕЛЫХ К КРАСНЫМ

Владивосток в 1917 году бурлил вместе со всей бывшей империей. Правда, здесь не ставили к стенке флотских офицеров, как в марте в Кронштадте. Рабочие и солдаты не затевали демонстрации с винтовками, как в июле в Петрограде. Крепостные форты не штурмовались красной гвардией, как Московский Кремль в октябре. Сначала власть в Приморье более-менее мирно делили комиссар Временного правительства и Исполком краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Во Владивостоке городская дума договаривалась с городским исполкомом. После Октябрьского переворота в Петрограде приморский исполком признал новое правительство — Совнарком, а комиссар Временного правительства — нет. Свои полномочия он передал Приморской земской управе. Краевой съезд Советов, в свою очередь, объявил, что забирает власть в свои руки, но согласен сотрудничать с земствами.

На выборах в Учредительное собрание во Владивостоке на первом месте по числу голосов шли народные социалисты, на втором — конституционные демократы. В Петрограде и Москве по числу сторонников они тоже оказались на втором месте, но после большевиков. Кадеты призывали довести войну с Германией до победного конца и строить новую Россию, в которой все классы нашли бы удовлетворение своих справедливых нужд. Спустя две недели после выборов Совнарком объявил их «партией врагов народа». Учредительное собрание заседало в Петрограде лишь один день и было распущено 6 января 1918 года по распоряжению Ленина. А в апреле очередной съезд Советов Приморья постановил распустить местные земские управы и городские думы.

Роман Ким как-то признался, что в 1917 году сочувствовал кадетам{27}. Хотя политические страсти вряд ли занимали его больше дел учебных и сердечных.

Гимназист Ким сдавал выпускные экзамены, когда до города добрался первый эшелон с солдатами чехословацкого корпуса бывшей Российской армии, которых большевики решили отправить на родину кружным путем — через Владивосток. В мае — июне 1918 года чехословацкие части стали опорой антисоветских восстаний от Поволжья до Приморья. 6 июля Верховный совет Антанты с согласия Временного правительства автономной Сибири объявил Владивосток зоной контроля

государств антигерманской коалиции. В бухту Золотой Рог прибыли корабли с британскими, французскими, японскими и американскими войсками.

Япония и США обязалась направить на восток России по 9000 военнослужащих. Но к февралю 1919 года японский экспедиционный корпус разросся до 25 600 солдат и офицеров, распределенных по гарнизонам от Владивостока до Николаевска на севере и Читы на западе[28]. «По городам и селам распространялись японские декларации, что их войска введены в Россию из чувства человеколюбия, что у них нет завоевательных намерений, они бескорыстно помогают восстановлению России и совершенно нейтральны в борьбе партий, и только безусловно не допустят вооруженных столкновений между партиями», — вспоминал участник войны на Дальнем Востоке[29]. Каждый раз, когда японские роты проходили маршем по Светланской улице, они впечатляли своей дисциплиной. Отлаженный механизм, готовый беспрекословно выполнять приказы. Вопрос в том, какими будут эти приказы.

* * *

Владивосток жил жизнь тылового города, принимавшего беженцев из Советской России и военную помощь от союзников. Если не считать потасовок, которые иногда затевали американские матросы, в городе в целом было спокойно. Работали «Общедоступный театр-иллюзион» и Народный дом с библиотекой и шахматным клубом, существовали литературно-художественное и спортивное общества. При Восточном институте открылся частный историко-филологический факультет, благо в преподавателях и студентах не было недостатка. Появился даже еще один вуз — Политехнический институт.

Газеты печатали сообщения о победоносном наступлении Русской армии за Уралом. И с большой осторожностью — о партизанской войне в Приморье. Красные партизанские отряды не давали покоя колчаковским тылам, и, если бы не японские штыки, бороться с повстанцами было бы чрезвычайно трудно. Колчаковские мобилизации и военные рейды с участием японских солдат только распаляли партизанское движение.

Революция и смута разделили и приморских корейцев. Большевики обещали крестьянам бесплатное распределение земли, и первый корейский отряд уже летом 1918 года сражался за красных. Корейская интеллигенция, промышленники,

коммерсанты, зажиточные земледельцы сторонились революционного передела. Корейский Национальный Совет, избранный в мае 1918 года на съезде корейских общественных организаций в Никольске-Уссурийском (в числе его руководителей был Петр Цой), заявил о признании Временного правительства Сибири единственной правомочной властью. Правда, левых и правых роднила национальная идея. В марте 1919 года в Корее вспыхнуло антияпонское восстание, началом которому послужила демонстрация в Сеуле с публичным чтением Декларации независимости.

«Корейская слободка во Владивостоке разукрашена национальными и красными флагами, — запомнилось очевидцу. — Корейская манифестация двигается от слободки по городу. На автомобилях разбрасывают Декларации независимости Кореи… Всем консулам специальная корейская делегация вручает Декларацию независимости, напечатанную на английском, русском, китайском и корейском языках. Японская жандармерия присматривается, шмыгает по корейским фанзам, срывает декларацию… Японскому консулу бросили пачку деклараций в окно…»{30}.

В эти дни Романа Кима призывают в армию. Поход белогвардейцев к Волге истощил их силы. В марте — апреле 1919 года в городах Сибири и Дальнего Востока объявили мобилизацию мужчин 18–35 лет с образованием не ниже четырех классов гимназии или одного курса технических школ и высших начальных училищ. Призывников направляли во вновь формируемые стрелковые дивизии, на ускоренные курсы военных училищ и в учебно-инструкторские школы. Во Владивостокском уезде мобилизовали 1478 человек{31}. Среди них были и учащиеся Восточного института.

* * *

Киму повезло. Он попал в разведку.

Мобилизованных студентов Восточного института отправили в военное училище. Кроме нескольких японистов — их зачислили чиновниками военного времени в Военно-статистический отдел штаба Приамурского военного округа. За скромным названием скрывалась полноценная спецслужба со своей сетью резидентов, агентов и осведомителей в Приморье и Забайкалье. Руководил ею подполковник Цепушелов — выпускник Восточного института, в годы мировой войны бывавший в секретных командировках в Японии и Китае. Японцы помогали охранять железные дороги и

отбиваться от партизан, поставляли пушки, снаряды, винтовки, пулеметы, патроны. Но Колчак им не доверял — слишком заинтересованно японцы вникали в русские дела. Потому в числе главнейших забот ВСО была слежка за действиями японских войск и военной разведки на Дальнем Востоке{32}.

К работе с секретными отчетами и донесениями Кима, разумеется, не допукали. Зато он научился анализировать открытые источники информации: «Я обрабатывал японскую прессу и составлял сводки по различным военно-политическим вопросам». В частности, по поручению Цепушелова отслеживал публикации, доказывающие «исторические права» Японии на Приморье и Корею{33}. Летом 1919 года Кима перевели «в качестве чиновника военного времени в отделение культурно-просветительское и печати». Казалось бы, должность нейтральная, но Роман Николаевич упомянул о ней лишь однажды в служебной автобиографии{34}. Отделение было частью Осведомительного отдела штаба округа, отвечавшего за военную пропаганду. Неясно, чем занимался там Ким (сам он уверял, что, как и прежде, «составлением обзоров английской и японской прессы»), но на тот момент для армейского командования пропаганда была не менее важна, чем разведка. Белые отступали, за июль сдали красным Пермь, Екатеринбург, Уфу, Челябинск. О поражении не думали, готовились к контрударам.

Ким не понимал эту войну. В сентябре штаб Приамурского округа переформировали. Появились слухи, что часть работников штаба определят в военные училища или направят в Омск, где находился штаб Колчака, и он решил всеми способами уклониться от военной службы. Ким явился в японское консульство и был принят генеральным консулом Кикучи. Он рассказал, что по рекомендации Ватанабе (на тот момент не служившего в консульстве) учился в Японии и считает себя японцем. Доказательство: удостоверение колледжа Кэйо с фамилией опекуна — Сугиура. Можно ли получить свидетельство о японском подданстве? Кикучи просьбу удовлетворил. «Военные власти были настолько зависимы от японцев, что полковник [в отделе], которому я предъявил удостоверение о японском подданстве, даже извинился». Не дожидаясь приказа об увольнении, Ким перестал ходить на службу{35}.

Никто не хватился чиновника-переводчика. Командованию было уже не до сводок и обзоров. Восточный фронт рушился на глазах. Началась эвакуация войск и учреждений из Омска. 14 ноября город заняли большевики. 22 ноября пал Красноярск. Во Владивостоке — мятеж: чешский генерал Гайда сговорился с социалистами. Мятеж удалось подавить. Колчак надеется

закрепиться у Иркутска. 5 января 1920 года и там случилось восстание, власть переходит к эсеровскому Политцентру. Колчак слагает с себя полномочия Верховного правителя России. Представители Политцентра арестовывают адмирала. В Чите остается атаман Семенов со своими казаками. Армия генерала Каппеля, погибшего под Иркутском, еще боеспособна. Но белой Сибири больше нет.

Во Владивостоке вновь собралась земская управа.

* * *

Это был необычный переворот и столь же необычное правительство. 25 января 1920 года во Владивостоке взбунтовался егерский батальон, бунтовщиков разогнали, но в итоге генерал Розанов добровольно уступил власть Приморской земской управе, объединившей умеренных социалистов и большевиков. Гарнизон Владивостока встал на ее сторону. 31 января в город без единого выстрела вошли партизанские отряды.

Владивосток устал от Гражданской войны, хотя страдал меньше иных городов бывшей империи. «Я дошёл до переполненной народом Светланки. Куда девались нарядные платья дам? Все как-то в один день обнищали и обносились, но зато всюду бросались в глаза красные банты, — вспоминал Владимир Аничков, служивший при Колчаке в министерстве финансов. — Людей без банта я не насчитал и одного десятка. Даже на двух маленьких кадетиках в шинелях без погон виднелось по красненькому бантику…»{36}

Роман Ким сжег свидетельство о японском подданстве и вновь стал ходить на лекции в Восточном институте. По рекомендации профессора Спальвина его взяли на службу в Приморское телеграфное агентство, нуждавшееся в переводчиках. Поработав совсем недолго рядовым сотрудником, Ким занял должность заведующего иностранным отделом «ПримТА». Встречался с японскими, английскими и американскими журналистами: «официально информировал по интересующим их вопросам положения на Дальнем Востоке». Нежданно-негаданно во Владивосток в должности консула вернулся Ватанабе Риэ. Разумеется, он напомнил о себе. «Ватанабе не стеснялся задавать шпионские вопросы — о местонахождении воинских частей, количестве рабочих на механических заводах и т.д., — рассказывал Ким на следствии. — Однако никогда не делал попыток вербовать меня. Я тогда был незначительной фигурой…»{37}

Полномочия новой приморской власти не оспаривались Антантой. Великобритания, Франция и США решают отозвать свои войска. Но японцы (12 000 солдат во Владивостоке и около 14 000 — в Хабаровске и Никольске-Уссурийском) просто так уходить не собирались. У Страны восходящего солнца на Дальнем Востоке имелись свои интересы. Не только коммерческие — лесные, рыболовные и добывающие концессии. Японцы опасались, что огонь русской смуты перекинется на Корею, где всего год назад было подавлено народное восстание. Свыше четырех тысяч приморских корейцев воевало в красных партизанах. Некоторые отряды переходили границу, чтобы помочь собратьям на родине.

Приморские большевики не скрывали, что перемирие с японцами у них временное, пусть Красная армия не продвинулась дальше Иркутска, а Москва хочет создать на Дальнем Востоке буферную республику. Рабочие и крестьяне Приморья могут собственными силами ликвидировать интервенцию и установить советскую власть! «В глаза угрожающего японского империализма мы смотрим открыто, мы смотрим, как победители», — высказался на заседании Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов Сергей Лазо, заместитель председателя военного совета земской управы. И командование японского экспедиционного корпуса предпочло действовать на упреждение. 1 апреля 1920 года генерал Ооой, дождавшись ухода союзников, предъявил главе Приморской земской управы ультиматум: признать все сделки, заключенные прежними русскими властями с японцами, прекратить всякие действия, угрожающие безопасности японских войск, миру и спокойствию в Корее и Маньчжурии (то есть разоружить корейских партизан) и «приложить все старания к обеспечению жизни, имущества и других прав японских подданных, проживающих в Дальневосточном крае»{38}.

После трудных переговоров приморское правительство приняло все требования. Однако японцы не стали ждать подписания соответствующего документа. 4 апреля неизвестные лица обстреляли японский гараж во Владивостоке, поздно вечером — военный патруль. Соглашение нарушено! В ночь на 5 апреля японские батальоны, расквартированные в городе, взяли штурмом здание управы и казармы Народно-революционной армии. В Никольске-Уссурийском, Спасске и Хабаровске дело дошло до упорных уличных боев с партизанами и солдатами НРА. Уцелевшие партизанские отряды отступили в тайгу.

«Корейцы, проживающие в русских владениях, особенно в районе Никольска-Уссурийского, после русской революции

начали усиленно развивать антияпонскую пропаганду, а также нападали на корейцев-японофилов, оскорбляли японские войска. 4 апреля ночью, после открытия военных действий между русскими и японскими войсками, корейцы обнаружили стремление выступить с поддержкой русских, — пересказывала газета “Дальневосточное обозрение” сообщения японской прессы. — В Никольске были установлены обстрелы японских войск со стороны корейцев. Поэтому японская жандармерия, при поддержке военных частей, приступила к арестам и отобранию оружия. Большинство корейцев, ввиду выраженного ими желания исправиться, были выпущены»[39].

Накануне японского выступления Роман Ким приехал в Никольск-Уссурийский вместе с русскими и иностранными журналистами — освещать Съезд трудящихся Приморской области. Японцы съезд распустили, Кима арестовали как подозрительного корейца. За решеткой он пробыл три дня[40]. Вернувшись во Владивосток, Ким узнал, что японцы разгромили корейскую слободку. Он увидел сожженную школу, строить которую помогал его отец. Мог слышать такие рассказы: «Десятки корейцев в качестве живых “трофеев” были уведены в город по направлению к японскому штабу. Несколько раз палачи часами производили в слободке повальные обыски. Плохо приходилось корейцам, у которых обнаруживали национальный флажок…» «Центр города стал неузнаваем, на улицах валялись трупы людей и животных, везде было битое стекло, лежали поломанные вещи, сбитые выстрелами кирпичи, телеграфные столбы, а среди этого хаоса с радостными лицами прохаживались, любуясь делом своих рук, “победители”…» «Все японское население Владивостока вышло на улицу торжествовать победу. Прачечники, парикмахеры, часовщики и тысячи японских проституток шли сплошной воблой по улице, дома которой были утыканы японскими флагами цвета яичницы. Многих твердолобых советоненавистников в этот день японцы научили верности своей стране»[41].

Вскоре пришло известие о гибели Петра Цоя, одного из самых уважаемых корейцев в Приморье, члена земской управы. Японские жандармы арестовали его в Никольске вместе с тремя другими корейскими лидерами. При этапировании во Владивосток арестованные якобы пытались бежать, оказали сопротивление при задержании и были расстреляны. Спустя четыре месяца уцелевшие руководители Национального совета, добравшись до Благовещенска, опубликовали воззвание к соотечественникам: «Черные силы Японии стараются погасить последнюю искру надежды на свободу в корейском народе… В

такой тяжелый момент Всекорейский Национальный совет ясно видит, что спасение нашего народа только в Советской России… Вполне веря в чистоту принципов Советской России, имея очевидные и реальные доказательства ее сочувственного отношения к нашему народу, — мы бесстрашно и также твердо будем следовать по тому пути, который предначертан Советской Россией…»

Что переживал Роман Ким, о чем говорил с отцом? Ответов нет, только догадки. Когда на допросе в 1937 году Кима спросили, почему японцы содействовали его учебе в Токио, он ответил: вероятно, в расчете на то, что «буду полезным японскому государству в смысле продвижения японского влияния». «Надежд я не оправдал, узнав отрицательные стороны японской культуры»{42}. Отрицательные стороны он узнал в том самом апреле. Много лет спустя Роман Николаевич напишет рассказ о событиях 1920 года. Повествование идет от лица японского офицера, уверенного в безусловной правоте, своей собственной и своего командования. Агрессия укладывается в рамки самурайской логики — угрозу надо подавлять в зародыше, без всяких церемоний. В финале рассказчик бесстрастно описывает расправу с пленными корейскими националистами на морском берегу: «Было прохладно. Мы разожгли костер около шаланды и начали…»{43}

Корейский юноша, прежде державшийся в стороне от политики, сделал вывод. Обычный вывод на войне: враг моего врага — мой друг. Будем сообща бороться с врагом.

* * *

Показав свою силу, японцы притормозили. 9 апреля 1920 года они вступили в переговоры с представителями земской управы. 29 апреля было подписано соглашение «О сохранении порядка в Приморской области». Легитимность управы признавалась при условии установления особой зоны вдоль Уссурийской железной дороги под контролем японских войск. Численность вооруженных сил — народной милиции Приморья ограничивалась 4500 человек. Притом что осенью 1920 года после вывода имперских дивизий из Читы и Хабаровска (японцы нехотя признали провозглашенную в апреле Дальневосточную республику, формально независимую от Советской России) в Приморье сосредоточились свыше 35 000 японских штыков и сабель.

Как ни странно, в числе первых решений управы после

возобновления работы было постановление о создании Государственного Дальневосточного университета, объединившего Восточный институт, преобразованный в восточный факультет, и частные историко-филологический, юридический и экономический факультеты (последние два открылись в начале 1920 года). Роман Ким учился и работал все в том же телеграфном агентстве, которое после присоединения Приморья к ДВР стало филиалом «ДальТА».

14 ноября Приморская земская управа приняла декларацию о признании центрального правительства Дальневосточной республики в Чите. В начале декабря Народное собрание во Владивостоке поддержало решение читинской конференции областных правительств Дальнего Востока об объединении. Управа стала областным управлением. Японцы аккуратно выразили недовольство. Генерал Ооой заявил представителям Народного собрания, что читинская конференция «не имела законного права принимать резолюцию об установлении Дальневосточного объединенного правительства».

Соглашение об особой зоне под японским контролем продолжало действовать. В декабре 1920-го — январе 1921 года в Приморье появляются казачьи полки атамана Семенова и части Дальневосточной армии (каппелевцы), эвакуировавшиеся из Забайкалья через Маньчжурию. Семеновцы расположились на станции Гродеково близ китайской границы, каппелевцы — в Никольске-Уссурийском, селе Раздольном на полпути к Владивостоку и в окрестностях самого Владивостока. Обеспокоенные Москва и Чита не имели возможности влиять на ситуацию в Приморье. В конце марта 1921 года во Владивостоке беспрепятственно (ДВР, как буферная республика, была обязана быть многопартийной) прошел Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока. Участники заявляли: установившуюся в России верховную власть нельзя считать законной, ДВР — независимой, а приморское управление — дееспособным. Вскоре областная Госполитохрана раскрыла и пресекла попытку контрреволюционного переворота во Владивостоке.

К следующему выступлению заговорщики подготовились тщательно. 26 мая 1921 года сосредоточившиеся в городе группы белых офицеров подняли мятеж. С окраины к ним на помощь подошел отряд каппелевцев. Японцы не вмешивались. Каппелевцы быстро заняли Владивосток, подавив сопротивление народной милиции. Совет Съезда несоциалистических организаций сформировал Временное Приамурское правительство. Белые генералы начали готовить поход на

Хабаровск. Конечная цель — Москва. Это был последний, отчаянный акт борьбы за Россию без диктатуры коммунистов. Японцы наблюдали за развитием событий и помогали белым оружием и боеприпасами.

Большевистские организации перешли на подпольное положение. Революционным центром края стало таежное село Анучино, где обосновался Приморский областной комитет РКП (б) и был создан Военный совет партизанских отрядов. Во Владивостоке они держали связь с агентурной сетью, созданной еще областной Госполитохраной и так называемым техническим отделом Революционного штаба Приморской области. Дальбюро ЦК РКП (б) и Госполитохрана ДВР направили в столицу Приморья нескольких опытных чекистов, прибывших из Советской России, и разведчиков, находившихся в Чите и прежде работавших во Владивостоке{44}. Среди них был и Максим Максимович.

* * *

«Товарищ Исаева по борьбе, чекист Чен, списан мною во многом с замечательного человека, хорошего писателя и мужественного борца за революцию Романа Николаевича Кима, — объяснял Юлиан Семенов в журнальной заметке, сочиненной к премьере кинофильма “Пароль не нужен”. — Нелегал, работавший во Владивостоке всю оккупацию, человек, днем посещавший университет, а по ночам выполнявший головоломные операции против белых, Роман Ким еще заслуживает многих страниц в книгах…»{45} Что Ким говорил о себе, увы, неизвестно.

По словам Ольги Семеновой, дочери писателя, записей по итогам бесед с Кимом в архиве Юлиана Семенова нет. И вот какая странность… Роман Николаевич нигде и никогда — в служебных анкетах и автобиографиях, на допросах в 1937 году, на доследованиях в 1939 году, когда надеялся на оправдание, и в 1945 году, накануне освобождения из тюрьмы, — не рассказывал о подпольной работе во Владивостоке.

Неужели Максим Максимович — всего лишь его фантазия или пересказанная легенда? Юлиан Семенов исследователем был дотошным и на одни лишь устные рассказы не полагался. В Хабаровском краевом архиве он обнаружил копию записки Постышева Блюхеру: «Сегодня перебросили через нейтральную полосу замечательного товарища от Фэда: молод, начитан, высокообразован. Вроде прошел нормально». «Несколько раз в его записках потом упоминается о “товарище, работающем во

Владивостоке очень успешно” По воспоминаниям Романа Кима, юноша, работавший под обличьем белогвардейского журналиста, имел канал связи с Постышевым»{46}.[3] А в следственном деле Кима имеется выписка из его же личного дела: «Определен на работу [в ОГПУ] согласно указаний т. Дзержинского, который был уже осведомлен о его прошлом, в частности о знакомстве во Владивостоке с т. Кушнаревым в годы интервенции»{47}. Иосиф Кушнарев, бывший комиссар Владивостокского порта, министр транспорта Приморской земской управы, с апреля 1920 года руководил Революционным штабом Приморской области, а в 1921–1922 годах представлял ДВР в Москве.

Максим Максимович, судя по всему, был глубоко законспирированным агентом, действовавшим отдельно от осведомительной группы Приморского обкома. Роман Ким, после закрытия филиала «ДальТА» работавший в газетах «Голос Родины» и «Воля», мог видеть его в редакциях и знать как журналиста со связями. А о разведывательной миссии догадаться после освобождения Владивостока, увидев Максима Максимовича в военной форме[4]. Или все-таки он был связан с ним? Намек — только в романе Юлиана Семенова.

В конце октября 1921 года белой контрразведке удалось раскрыть осведомительную сеть и арестовать ее руководителей и агентов. Но не всех. Не разыскали, например, агента «К», известного в группе как Дмитрий Васильевич Цой{48}. На допросе помощник начальника группы Андрей Одинцов показал: «Связь с ним принял в первых числах августа. По словам Цоя, он стоял во главе целой группы агентов (*4*–5 чел.), но никого из них не показывал нам… Информацию давал только о японцах, четыре раза в неделю. Информация рукописная, иногда с приложением документов с их переводом. Подлинные документы возвращались при следующем свидании обратно Цою. Сведения Цоя, первоначально очень подробные, к сентябрю стали мельчать и были настолько вздорны, что вызывали подозрение в инспирации. Это побудило Володю [конспиративная кличка представителя обкома] дать распоряжение о его увольнении…»{49}

Непонятно, насколько правдивы признания молодого чекиста, делегированного во Владивосток из Москвы. Агент «К», по словам Одинцова, работал на подпольщиков якобы «за крупное жалованье». Об осведомителе Трофиме Юркевиче, бывшем прапорщике штаба Приамурского военного округа, служившем переводчиком в штабе японского экспедиционного корпуса, Одинцов рассказал: «Информация его носила характер интервью по вопросам самым разнообразным, как, например, о настроениях в японском штабе, о направлении японской прессы… Сообщал он

также новости из Консульского корпуса, но ничего серьезного и документального никогда не давал»[50]. На самом деле сведения Юркевич предоставлял ценные. В Читу поступали донесения: «Наш человек, работающий в японштабе, сообщает, что японокомандование ищет предлога для ввода своих войск в Хабаровск»; «Из имеющихся у нас документов, полученных из японских штабов, видно, что японцы считают правительство ДВР коммунистическим, а потому нежелательным для них, но все же намерены вести переговоры с ним, поддерживая одновременно антикоммунистические группировки. Если переговоры будут для них неблагоприятны, то они выдадут Приамурскому правительству оружие…»[51]

Помимо службы в японском штабе Трофим Юркевич, некогда учившийся в Восточном институте, преподавал японский язык и экономическую географию на восточном факультете ГДУ. Ким знал Юркевича «по институту» и слышал от него уже после Гражданской войны, что он «был связан с подпольным работником Фортунатовым, задания которого выполнял»[52].[5] Арестованный Юркевич отрицал причастность к подпольщикам, улик против него не имелось, и Приморский окружной суд приговорил переводчика к высылке за пределы области. Однако постановление исполнено не было. Юркевича освободили из-под стражи, и он, как ни странно, прослужил у японцев до августа 1922 года[53].

С какого момента, какие задания выполнял Роман Ким? С кем держал связь? Если он знал Кушнарева, то мог предложить свою помощь еще Госполитохране, от которой подпольный обком принял агентурно-осведомительную сеть во Владивостоке. Какого рода помощь? Переводы секретных документов? Составление листовок на японском языке? Или участие в рискованных операциях, где требовались наблюдательность, ловкость и умение остаться вне подозрений? Могло быть и то, и другое, и третье. В переиздании своего рассказа об апрельских событиях 1920 года Роман Николаевич упомянул, что пользовался записями майора из японской военной разведки, добытыми «в числе других документов особой группой, действовавшей среди японцев» по заданиям подпольной организации большевиков[54].

К весне 1922 года осведомительная сеть и каналы связи партийной разведки во Владивостоке были восстановлены. А у Кима появилось отличное прикрытие. С сентября 1921 года он редактор владивостокского отделения «Тохо цусинся» — информационного агентства, подконтрольного японскому Министерству иностранных дел. Должность Ким получил, с одной стороны, по рекомендации профессора Евгения Спальвина,

декана восточного факультета. Директор отделения «Тохо» Отакэ Хирокити одно время работал у Спальвина ассистентом на кафедре японской словесности. С другой стороны, благодаря личному знакомству с Отакэ. В апреле 1920 года японец приехал в Никольск-Уссурийский как корреспондент газеты «Ничи-Ничи», вместе с Кимом попал в жандармскую облаву, но был вскоре отпущен. «Он был наиболее либеральным журналистом и тогда уже являлся сторонником эвакуации японских войск с Дальнего Востока. Мои взгляды во многом сходились со взглядами Отакэ»{55}.

Чен из романа «Пароль не нужен» — студент университета. Он свой человек среди биржевых спекулянтов и наркоторговцев (канал нелегальной почты) и приторговывает ради поддержания нужной репутации политическими слухами и скандальными сведениями — как на бирже, так и в редакциях иностранных газет. Он умеет быть двуличным: «Чен снимает свой модный костюм, вешает его на плечики, укрывает марлей и ложится на циновки. Спит он ровно час, как будто будильник ставил. Из своей каморки он выходит беззаботным франтом с гаденькой угодливой улыбочкой и отправляется на биржу — к своим “друзьям-спекулянтам”». Чен не забывает, что от него ждут: «Максим, в порт пришли три японских парохода со снарядами и патронами. Там же танки и тридцать новеньких орудий…» Он знает, с кем и как нужно договариваться. «Из-за пакгауза выскочил Чен — как обычно франтоват, в руке тросточка с золотым набалдашником, пальто — короткое, как сейчас вошло в моду в Америке, шапка оторочена блестящим мехом нерпы… Подскочил к унтер-офицеру, что-то сказал ему по-японски, быстрым жестом сунул в руку зелененькую банкноту. Унтер отвернулся, и Чен провел Исаева с Сашенькой сквозь строй японских солдат. — Что вы ему сказали? — спросила Сашенька. — О, я прочел ему строки из Бо Цзю-и, — ответил Чен…»

От реального Кима в этом портрете — умение носить и менять маски, приспосабливаться к среде, приятельствовать с самыми разными людьми и… умение быть элегантным. Головоломные операции — наверное, преувеличение. Но для разведывательной работы у Кима имелись все возможности: редактор японского информагентства, учился в Токио, прекрасно знает характер и привычки японцев. А японские военные чины во Владивостоке любили общаться именно с японской прессой. К тому же у шефа Кима — превосходные отношения с Идзуми Рёноскэ, издателем газеты «Урадзио-ниппо», учрежденной влиятельными японскими коммерсантами, и ее русскоязычной версии «Владиво-ниппо», созданной для «справедливой оценки»

политики японского военного командования в Приморье{56}.

Чена ловят после диверсии в порту, и он погибает на допросе в контрразведке. Киму пришлось прятаться от мобилизации, объявленной в августе 1922 года генералом Дитерихсом. Взяв Хабаровск на исходе 1921 года, белая армия удерживала город немногим более месяца и под напором Народно-революционной армии ДВР, сильно поредевшая, отступила к Владивостоку. «Отакэ мне посоветовал скрываться в японской гостинице на Фонтанной улице, — рассказывал Ким. — Скрывался примерно три недели под фамилией Мидзобе»{57}.

Гражданская война завершилась спешной эвакуацией остатков белых войск из Владивостока. Японцы договорились с главкомом НРА Уборевичем о мирном уходе. «Наш город вновь стал русским городом и может возродиться к мирному труду! — торжествовала газета “Голос Родины” 26 октября 1922 года. — [Вчера] на Светланской улице около городского сада образовалась в ожидании прихода войск ДВР большая толпа народа… В 3 часа в город входит конная разведка. Офицер и некоторые из солдат народно-революционной армии имеют в руках букеты цветов. Спустя несколько минут за разведкой показывается лошадь с военным, который держит в руках несколько букетов цветов. Далее идет кавалерия. У каждого из бойцов красный бант на груди…»

* * *

«Когда я переехала к ним, то у них ничего не было, жили бедно», — вспоминала Зоя Заика, венчавшаяся с Романом Кимом в 1922 году, еще в белом Владивостоке. Как и почему разорился Николай Николаевич — неизвестно и непонятно. В 1920-м, если верить городскому адрес-календарю данного года издания, он оставался владельцем трех домов. Роман Ким, заполняя в 1930-х служебную анкету, написал: «отец в годы интервенции занимался продажей остатков своего имущества, жил на проценты капитала, вложенного в Русско-Азиатский банк»{58}. Как бы то ни было, Зоя вышла замуж за образованного и обходительного юношу из семьи, о прежнем достатке которой она только слышала. И по примеру мужа поступила на восточный факультет Государственного Дальневосточного университета.

15 февраля 1923 года постановлением испытательной комиссии ГДУ студент Роман Ким был признан выдержавшим выпускные экзамены с отличным успехом. Дипломную работу он подготовил на тему «Мэйдзийская революция 1868 года». При ее

прочтении складывается впечатление: автор — въедливый, старательный историк. Лишь отдельные яркие эпитеты показывают, что не совсем педант и «сухарь». Ким использовал только японские монографии и исследования, причем самые последние по времени издания. Он последовательно объяснял: государственный переворот в Японии, положивший начало кардинальным политическим, экономическим и социальным реформам, — это типичная буржуазная революция[6].

«Профессора предрекали мне карьеру ученого, и я сам собирался стать историографом…» Талантливого выпускника оставили на должности научного сотрудника по кафедре истории стран Восточной Азии. Но уже в мае Ким с женой уехал в Москву.

В архиве Государственной академии художественных наук СССР я обнаружил краткую автобиографию Кима: «В 1923 г. был избран преподавателем по истории Японии и японскому языку Института востоковедения при ЦИК СССР; в 1926 г. назначен профессором по кафедре истории Японии. С 1924 по 1926 г. состоял преподавателем Военной академии (по японскому языку и истории). В настоящее время работаю в Институте народов Востока (с 1927 г. научный сотрудник 1 разряда) и читаю лекции по истории дальневосточной литературы на Высших литературных курсах. Член совета Музея восточных культур». На справке стоит резолюция: «Зачислен временным научным сотрудником по литературной секции 10/V–29 г.»{59}. К этому стоит добавить, что в «Сибирской советской энциклопедии» 1929 года Роман Ким назван в числе лучших преподавательских кадров советской японистики.

Блестящая научная карьера, не так ли?

Глава 3.
РЕЖИМ СЕКРЕТНОСТИ

«Я видел, как вели на допрос Сиднея Рейли». Мэтр приключенческой прозы чуть улыбнулся, заметив удивление в глазах собеседника. Ленинградский писатель Михаил Хейфец познакомился с Романом Кимом зимой 1967 года на встрече в местном отделении Союза писателей СССР. Слово за слово, обсудили и только что вышедший на телеэкраны фильм «Операция “Трест”» — историю ареста чекистами в 1925 году британского суперагента Сиднея Рейли. Ким посетовал, что сценарий доверили писать не ему: «Я же всех персонажей лично знал…»[{60}].

Персонажи «Треста» — это прежде всего начальник советской контрразведки Артур Артузов, разработавший операцию по заманиванию Рейли в СССР, и его заместитель Владимир Стырне. Но что могло связывать молодого преподавателя японской истории и языка с одной из самых секретных советских служб и ее руководителями? Только секретная служба. Как выпускник Дальневосточного университета оказался в центральном аппарате ОПТУ — Объединенного государственного политического управления, преемника ВЧК?

Вернемся обратно во Владивосток.

* * *

«Город, переживший многое за период интервенции, сохранил весь свой капиталистический уклад, с частной торговлей и частными предприятиями, кабаками и развлекательными заведениями, — вспоминал оперуполномоченный Приморского губотдела ГПУ Иван Булатов, прибывший из Читы (15 ноября 1922 года Дальневосточная республика присоединилась к РСФСР, и Госполитохрана ДВР влилась в структуру ГПУ). — А если к этому прибавить еще наличие множества иностранных торговых и иных представительств, сотрудники которых усиленно занимались разведывательной работой, то можно понять, какая работа ожидала нас здесь»[{61}].

Отделение «Тохо» закрылось, Отакэ отбыл в Токио. Роман Ким усиленно готовился к экзаменам. Он рассчитывал остаться преподавать в университете. Научная карьера, помимо

самореализации, была для него единственным способом содержать семью — жену-студентку и престарелого отца. Ректор ГДУ Владимир Иванович Огородников благоволил Киму и в январе 1923 года продвинул его на пост секретаря Дальневосточного отделения Всероссийской ассоциации востоковедения{62}. Ким на тот момент числился секретным сотрудником ГПУ.

«Сам я никогда бы на эту работу не пошел», — уверял Роман Николаевич, будучи под следствием. На исходе ноября 1922 года к нему домой заглянул Борис Богданов, учившийся на китайском отделении восточного факультета и уже служивший в губотделе ГПУ. «Он сказал, что [мне] доверяют как хорошему и преданному работнику…» На доследовании в 1945 году Ким добавил, что ему «польстило предложение работать в органах ГПУ… Вначале мне заявили, что я буду составлять обзоры, делать экспертизы, выполнять ответственные переводы и т.д., что меня как японист вполне устраивало. В дальнейшем, когда мне поручили выполнять специальные задания — знакомиться с влиятельными японцами во Владивостоке и выявлять их взгляды и настроения, это меня заинтересовало и с точки зрения детективной»{63}.

— Разве у вас было к этому стремление? — удивился следователь.

— Да, — коротко ответил Ким.

Не понять, придумал ли он такое объяснение или по прошествии лет подвел итог, дав простое определение давнему интересу. Своим будущим коллегам по Союзу писателей СССР Ким в 1947 году рассказывал о романтике раскрытия тайны, удовольствии от победы логики над тайной и о том, что разведчики «тоже работают путем логики»…{64}

В чем нет сомнений — контрразведчиком Ким стал не из идейных соображений. Пламенным революционером он не был. В анкете протокола допроса Кима в 1937 году в графе «Сведения об общественно-политической деятельности» значится: «Не вел никакой». Занимая в аппарате ОГПУ — НКВД должность, связанную с заданиями государственной важности, он даже не пытался вступить в партию. В статьях о пролетарской литературе (японской) и «задачах оборонных писателей» (советских) не цитировал ни Ленина, ни Сталина, и не написал ни строчки о достижениях и всемирно-исторической миссии страны победившего социализма.

«Корейцу, так же как и ирландцу, трудно быть непогрешимо объективным, когда речь идет о соседних островитянах», — заметил Ким в предисловии к одному из своих сочинений. Он едко отзывался о банзай-патриотизме и в то же время восхищался

литературой и искусством Страны восходящего солнца. Кажется, Роман Николаевич не лукавил — на сотрудничество с ГПУ он согласился, чтобы изучать Японию, но с теневой стороны. Та рискованная игра, вкус которой он почувствовал в годы Гражданской войны, менялась на менее опасное, но более сложное интеллектуальное противоборство, каким является контрразведка. Предполагал Ким или нет, что правила на этом поприще отличаются от обыденных представлений о нравственности, но он принял их.

Выпускник токийского колледжа, прекрасно знающий язык, традиции и привычки японцев, студент-востоковед из уважаемого университета, бывший сотрудник японского информационного агентства, знакомец консула Ватанабе и к тому же «свой человек» в корейской общине — лучшего агента чекистам было не найти. Приморские чекисты подозревали, что после ухода японских войск из Приморья разведывательная работа перешла в ведение японского генконсульства. «Особую заботу вызывала оставленная интервентами агентура. Занимался ею Иоган Ломбак, — рассказывал Иван Булатов. — Помню, нам удалось добыть весьма ценные материалы, которые уличали японских дипломатов в их шпионской деятельности». По словам Романа Кима, связь с ним поддерживал начальник отделения ПримГПУ Ломбак{65}.

«Ватанабе был офицером Генерального штаба, — утверждал в своих мемуарах полковник КГБ Дмитрий Федичкин, служивший в 1923–1924 годах уполномоченным, а затем заместителем начальника отделения ПримГПУ. — В нашем распоряжении было немало документов, изобличавших его и сотрудников консульства в шпионаже — военном, экономическом, политическом»{66}.[7] В конце 1922 года во Владивосток прибыл секретарь МВД Японии Катами Такэо для сбора информации об антияпонских планах и настроениях приморских корейцев. Действовал он через корейских агентов, а поскольку некоторые из них работали на ГПУ, то чекисты взяли Кагами под наблюдение и в апреле 1923 года пресекли его деятельность{67}.

Тем, что японцы вербовали осведомителей, прислугу, переводчиков среди корейцев, пользовалась еще царская контрразведка, большевистская разведка в годы интервенции и чекисты после победы советской власти. У ПримГПУ имелись агенты-корейцы среди обслуживающего персонала японского генерального консульства. «Особенно нам помог молодой парень Ким, — вспоминал Дмитрий Федичкин. — Он много видел и многое знал о работе консульства и о делах его сотрудников. А его не замечали, как не замечают вещь в доме, предназначенную лишь для того, чтобы служить господину». В 1923 году благодаря

сигналу от Кима (разумеется, лишь тезки Романа Кима) чекистам удалось задержать во владивостокском порту японского разведчика — бывшего белого офицера, шпионившего в Приморье под видом коммивояжера или странствующего монаха. Разведчика пытались вывезти за границу в дипломатическом багаже[68].

Степень участия Кима во всех этих разоблачениях неизвестна. По всей вероятности, он не только пользовался своими знакомствами среди японцев, но и был вовлечен в работу с корейской агентурой.

ПримГПУ удалось установить, что секретарь японского общества во Владивостоке, правление которого объединяло представителей крупнейших торговых фирм, является резидентом разведки. Агентурная сеть была нацелена на сбор сведений о воинских частях в Приморье и во Владивостоке, вплоть до выяснения, сколько корейцев служит командирами в Красной армии. Чекисты разом ликвидировали ее в марте 1924 года, арестовав еще и коммерсанта, руководившего работой агентов. Он оказался бывшим начальником штаба японской военной разведки во Владивостоке[69].

Если Ким, обосновавшись в Москве, и узнал об успешном завершении операции, то вряд ли сожалел о своем неучастии.

* * *

В феврале 1923 года Ким получил письмо от Отакэ. Бывший шеф сообщал: «Тохо цусинся» открывает корпункт в Москве, назначает его своим представителем, и он предлагает Роману должность секретаря. Ким доложил о письме начальству. Спустя три недели, после консультаций с Центром, Каруцкий ответил: надо согласиться и «выехать в Москву с целью агентурной разработки Отакэ». Пока руководство размышляло, Ким повторно получил приглашение — на этот раз через Хироока, корреспондента «Тохо» во Владивостоке. Уезжать он не хотел, не желая ломать только-только начатую карьеру япониста, но последовал приказ — ехать[70].

Ким успел прочитать в университете одну-единственную лекцию. Сохранился отзыв декана восточного факультета Гребенщикова от 10 мая 1923 года: «Серьезное знакомство с первоисточниками по японскому и китайскому языкам, уменье распоряжаться материалами, правильный научный подход к таковым, наличие критического отношения к источникам — вот те основные элементы подготовленности Р.Н. Кима, выявленные

им в своей пробной лекции. Считаю, что лекция проведена весьма удовлетворительно и что в лице Р.Н. Кима восточный факультет приобретает вдумчивого и серьезного работника»{71}.[8] В том же мае «вдумчивый работник» распрощался с альма-матер и, получив от Хироока весьма весомое жалованье и подъемные (около 500 рублей золотом в пересчете на довоенный рубль), отбыл в Читу. Там он встретился с Отакэ, прибывшим из Харбина. И Отакэ, и Ким были с женами. «Ким мне говорил, что работает в ГПУ и засекречен, а что делает, не говорил, — вспоминала Зоя Заика. — Полагаю, что он ехал в Москву по заданию ГПУ».

В столице все вместе сначала поселились в гостинице «Княжий двор», позже Ким снял для себя и супруги квартиру на Трифоновской улице. Через неделю по прибытии его вызвали на Лубянку — к самому Артузову, создателю контрразведывательного отдела Главного политического управления РСФСР (Объединенное ГПУ появится в ноябре 1923 года после образования СССР){72}.

«В маленькой комнате на диване лежал одетым усталый сонный мужчина средних лет, а рядом на стуле, задом наперед, сидел и курил мужчина помоложе, брюнет, раскосый… Лежал Артур Христианович Артузов, а сидел Миша Горб, тогдашние руководители нашей разведки. Мне шел двадцать пятый год, я был недурен собой и одет в мой лучший костюм, что особенно бросалось в глаза на фоне толстовок и тапочек московских студентов. На лице Горба отразилось явное недоброжелательство. Артузов, напротив, с видимым интересом принялся рассматривать меня и мой костюм, не скрывая доброжелательную улыбку.

— Ну, давайте знакомиться. Рассказывайте все о себе. Не тяните, но и не комкайте. Я хочу знать, из какой среды вы вышли.

Я рассказал все честно и прямо о своем происхождении. Горб нахмурился и окончательно помрачнел…

Выслушав мой рассказ, Артузов обратился к Горбу:

— Ладно, ладно, Миша, все проверим, все в наших руках. Но товарища мы к делу пристроим. Испытаем в работе, а там будет видно…»{73} Разговор этот в действительности случился не с Кимом, а с будущим разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым в 1925 году, и не на Лубянке, а в одном из московских особняков. Но с приезжим из Владивостока все могло быть ровно так же, и при встрече мог присутствовать Иоган Тубала, ведавший у Артузова контрразведкой на японском и китайском направлениях. Ким ничуть не походил на потенциального контрразведчика — задумчивый юноша с мягкими чертами лица, такие нравятся романтическим

барышням. Происхождение, мотивы вызывают вопросы. Но имеются рекомендации, и начальник КРО умел разбираться в людях (в дальнейшем Ким познакомится и с Михаилом Горбом, у них даже будут совместные дела).

Как объяснил Артузов, Отакэ Хирокити «прибыл в качестве неофициального дипломатического представителя с целью подготовить почву для открытия японского посольства». Задача Кима — знакомиться со всей корреспонденцией Отакэ и следить за связями, которые он устанавливает в Москве. При возможности осторожно обрабатывать японца «в просоветском духе». После этой установочной беседы Ким иногда встречался с Артузовым, но в основном «был на связи у Шпигельглаза»{74}.[9] С 15 июня 1923 года он числился переводчиком 5-го (восточного) отделения КРО ОГПУ. Должность была условной, хотя подразумевала знание иностранных языков — так оформляли многих негласных сотрудников ОГПУ и разведчиков-нелегалов.

В Москву Ким привез рукопись «О фашизме в Японии». Работая с японской прессой в белой контрразведке, «ПримТА» и «Тохо», он собрал богатый материал об ультраправых организациях Страны восходящего солнца. Если не обращать внимания на стилистику, типичную для тех лет, все равно заметно, насколько претит автору активность японских «профессионал-патриотов» (пропаганда национального превосходства и беспредельной верности императору, агрессивность ко всем поддавшимся «заморским опасным веяниям», особенно рабочим, отстаивающим свои права) и покровительственное отношение к ним со стороны властей{75}. Статью публикует «Новый Восток» — журнал Всероссийской ассоциации востоковедения.

Для выпускника ГДУ находится должность преподавателя в Московском институте востоковедения им. Нариманова. Издательство «Новая Москва» при Моссовете принимает у него переводы двух рассказов Акутагавы для альманаха «Восточные сборники». На русском языке молодой классик японской литературы печатался впервые. Акутагава Рюноскэ, считавший, что «человеческая жизнь похожа на коробку спичек: обращаться с ней серьезно — смешно, несерьезно — опасно», любивший исследовать парадоксы людских желаний и поступков, был любимым писателем Кима. «Акутакава славится своими short stories, некоторые из них по совершенству композиции и техники выполнения могут сравниться с рассказами Чехова, Мопассана, Генри, Замятина и др. мастеров новеллы. Во многом Акутакава подражает Анатолю Франсу, от которого перенял иронический тон, любовь к сентенциям, пропитанным изящным скептицизмом,

и умение стилизации. Язык его рассказов в высшей степени прост и ясен, и тому, кто хочет ознакомиться с лучшими достижениями новейшей японской прозы, необходимо обратиться к произведениям этого писателя»{76}.

В 1924 году у Романа Кима рождается сын. Довольный отец нарекает младенца едва ли не самым необычным именем из тех, что мог выбрать — Аттик (имя древнегреческого корня, носили которое и знаменитые римляне, и христианские мученики).

Ким и Отакэ окончательно сдружились, вместе они даже снимали под Москвой дачу на лето. Японская газета «Osaka Asahi» (по всей вероятности, при посредничестве Отакэ) опубликовала очерк Кима «Новейшая японская беллетристика». И в то же время… «Имея задание ОГПУ быть в курсе всех его русских и японских связей, я систематически сообщал о всех, кто вызывал подозрения. У Отакэ я пользовался доверием, и он мне открыто, иногда намеками, сообщал о характере его знакомств…» Так, Ким доложил руководству, что профессор Института востоковедения Михаил Попов, приставленный к Отакэ от НКИД заверять переводы телеграмм из Токио на русский язык, «дает за деньги чистые бланки со своими подписями», а Кодама, секретарь основателя Компартии Японии Сэна Катаямы, жившего тогда в Москве, собирается бежать из СССР. Московский сотрудник «Тохо» Павел Шенберг признался Отакэ, что получил от ОПТУ задание «освещать» его деятельность. Ким сообщил об откровениях Шенберга, журналиста арестовали и осудили на пять лет лишения свободы{77}.

Как Роман Ким мог жить настолько двойной жизнью? Понять непросто. Акутагава бы призадумался.

* * *

«Высокие договаривающиеся стороны торжественно подтверждают свое желание и намерение жить в мире и дружбе друг с другом, добросовестно уважать несомненное право каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по своему собственному желанию, воздерживаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии, — гласила Конвенция об основных принципах взаимоотношений между

СССР и Японией, подписанная в Пекине 20 января 1925 года. — Ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет разрешать присутствия на территории, находящейся под ее юрисдикцией: а) организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны, или б) чужеземных подданных или граждан, относительно которых было бы обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп»[78].

15 июля 1925 года посол Японии в СССР Танака Токити вручил верительные грамоты наркому иностранных дел Георгию Чичерину. По завершении церемонии сотрудники японского посольства сфотографировались на балконе здания НКИД на Софийской набережной, на фоне Большого Кремлевского дворца. Двенадцать человек во главе с Танакой. Был ли среди них тот, кто вскоре вольно или невольно стал источником информации КРО ОГПУ, мы вряд ли узнаем. Роман Ким признавался, не раскрывая подробностей, что по заданию ОПТУ неоднократно встречался с Сасаки Сейго — вторым секретарем посольства в середине 1920-х. В архивных материалах упоминается, что Ким с 1926 года был причастен к добыванию секретных японских документов[79]. Так или иначе, в руках у Артузова оказалась копия инструкции Генштаба Японии военному атташе в Москве, датированной 11 декабря 1925 года:

«1. Собирать материалы, касающиеся организации войск в мирное время для определения организации Красной армии в военное время.

2. Собирать материалы для установки особенностей тактики Красной армии.

3. Изучать военное снаряжение Красной армии…

4. Собирать советские материалы для установки квалификации и характеристики офицерского и рядового состава Красной армии.

5. Собирать материалы об организации связи в Красной армии и о постановке разведывательной работы.

6. Собирать материалы… характеризующие общее положение Сибирской ж. д. и железных дорог Европейской России, для определения провозоспособности людского состава и военных материалов в военное время из Европейской России по Сибирской ж. д.

7. Изучать мероприятия Советского правительства в отношении советских национальных республик и отношение последних к центральному правительству для определения вопроса о возможности использования национальных меньшинств Советской России во время войны.

8. Ввиду того, что идеологическая пропаганда Советской России в отношении иностранных государств, а в особенности в отношении Японии имеет тесную связь со стратегическими заданиями, на втором месте после собирания военных секретных сведений ставить собирание материалов по этому вопросу о пропаганде (внутри и вне СССР) наряду с агентурными сведениями военного характера. Обращать особое внимание на материалы по Китаю, ввиду того, что позиция СССР… имеет в связи с нынешним положением в Китае колоссальное значение для дела государственной обороны Японии»{80}.

Несмотря на все заверения о мире и дружбе, Япония считала Советский Союз одним из главнейших внешних врагов. В 1923 году в Токио на совещаниях военно-политического руководства империи были определены направления японской экспансии на будущее: южное предполагало борьбу с США за господство на Тихом океане, северное — подчинение территорий на востоке Азии, прежде всего Маньчжурии и советских Приморья и Приамурья{81}. СССР воевать с Японией не собирался, но не отказывался от подготовки мировой революции посредством всемерной поддержки коммунистических организаций в капиталистических странах. В том числе в Азии. Летом 1924 года в Москве прошел V Конгресс Коммунистического Интернационала, принявший резолюцию по вопросам тактики: «Необходимо обратить гораздо больше, чем до сих пор, внимания на Восток… В Индии, Японии, Китае, Турции за истекший период создались первые ячейки коммунистического движения. Коминтерн должен уделить самое усиленное внимание этому движению [как составной части] того великого освободительного движения, которое только и может привести к победе революции… в мировом масштабе»{82}.

* * *

В 1926 году Отакэ Хирокити, завершив дела, отбыл в Токио. Ким, оставшись без секретарской зарплаты, переехал с женой и маленьким сыном в комнату, предоставленную от Института востоковедения в коммунальной квартире на улице Энгельса, 57.

Он сочиняет статьи по японской истории и литературе для энциклопедий и журналов. Переводов новелл Акутагавы у Кима набирается на целый сборник (издавать книгу в 1929 году собиралась «Федерация», но по неясным причинам выпуск не состоялся). Борис Пильняк, писатель известный и оригинальный, предложил Киму подготовить комментарии-глоссы к своей книге

очерков «Корни японского солнца». И Роман Николаевич постарался — прошел по грани между серьезностью и легковесностью, подготовив умные и занимательные заметки о самураях, иероглифах, японском театре, живописи, эротике, сказочных существах, современной Японии. Одну из глосс стоит процитировать большими фрагментами — ее стиль и содержание многое говорит о взглядах и настроениях автора.

«Два принципа кардинальных, всеопределяющих, лежат в основе бусидо-этики японских самураев… Беззаветнейшая преданность господину своему, т.е. чувство великого долга перед сюзереном, и вытекающее отсюда неумолимое последовательное до конца презрение к смерти, торжественный отказ от всякого страха перед небытием; эти два принципа — наивысшего долга и величавого пренебрежения к смерти, эти опорные колонны самурайской идеологии с неустанным рвением и тщанием укреплялись и полировались в течение семи феодальных столетий, и что удивительного, если эти колонные принципы были доведены до небывалой прочности и слепящего блеска и вызвали шумное изумление европеян, в XIX веке вторично открывших Японию; что удивительного, если в течение семи веков изо дня в день, из часа в час представители правящего класса словом и делом демонстрировали свое неистощимое презрение к смерти, измывались над ней, как над последней девкой из Кандаских лупанарных бань, и напряженной волевой гимнастикой вытравили дочиста из своих душ всякий страх перед призраком безносой; к этим двум принципам-доминантам неразрывно примыкает третий, заключающийся в доведенном до пределов стоицизме, непроницаемой охране своей души от чужого взора, замуровывании всех своих чувств под неподвижной маской лица, ибо преданный самурай, готовый в любой момент швырнуть свою жизнь без сожаления, как лопнувшую сандалию, к ногам владыки, должен переносить молча все лишения и никогда не выказывать наружу презренных судорог души… Когда мы говорим о бусидо в его феодалистическом и сегодняшнем банзайпатриотическом аспектах, взор невольно останавливается на выпуклых одиозных очертаниях и не хочет итти дальше вглубь, сквозь наружную, густо наляпанную, лакировку; но не следует с торопливым нетерпением делать сокрушительный вывод… Но неужели же в нем, питавшем в течение стольких столетий один из культурнейших народов мира, нет ничего, ничего, что могло бы быть нами, неяпонцами, — корейцами, китайцами, русскими, европейцами, — принято хотя бы с кое-какими осторожными оговорками или, может быть, даже сочувственно оправдано? На это отвечаем: есть. Для этого надо взять те два основоположных

принципа самурайской морали, выхватить их из контекста феодальной эпохи, освободить их от кожуры классовых атрибутов самурайства и отчетливо отделить от казенно-казарменного культа сына неба; и вот тогда эти два принципа, взятые вне времени, предельно абстрагированные, будут означать: всепоглощающее чувство долга и радостную готовность пожертвовать собой ради дела всей жизни. И сорок семь самураев начала XVIII века, которые знали это чувство долга и выполнили этот долг целиком, без остатка, разве они не достойны искреннего и проникновенного сочувствия? Сорок семь человек, нерасторжимо связавших друг друга братской клятвой; безукоризненно проведших с начала до конца изумительную конспирацию в сплошь шпионском Эдо, сокрушивших все заставы бдительности сиятельного врага; не дрогнувших ни разу с первой минуты заговора до последней секунды жизни; давших незабываемый пример монолитно спаянного коллектива; доведших дело всей своей жизни до испепеляющего конца!»{83}

Благодаря Пильняку молодой профессор-японист появляется в кругу столичных литераторов. Виктор Шкловский, основатель Общества изучения поэтического языка, в письме Юрию Тынянову в 1929 году сообщал: «Просится в ОПОЯЗ один кореец, “опоязовец” Ким. Ты его мог знать по примечаниям, им сделанным к Пильняку, под названием “Ноги к змее”…»{84},[10]

Вот удивились бы литераторы, даже бывалый авантюрист Шкловский, если бы вдруг узнали, с кем имеют дело!

* * *

В любой секретной организации есть сверхсекретные дела. В структуре ОПТУ таковыми занимался Специальный отдел, созданный Глебом Бокием — сумрачным гением тайных операций. Спецотдел ведал криптографией, радиоразведкой, дешифровкой перехваченной переписки, изготовлением конспиративных документов и подчинялся не председателю ОПТУ, а напрямую ЦК ВКГТ(б). Сотрудников Бокий подобрал первоклассных — например, специалистов по шифрам, работавших в царском Министерстве иностранных дел, военной разведке, департаменте полиции. К этой компании в 1927 году присоединился Роман Ким, затребованный в помощь как знаток японского языка: «В Спецотделе ОПТУ я выполнял работы по анализу японских шифров»{85}.

О специфике дешифровки он расскажет в повести «По прочтении сжечь» (время, место и персонажи совершенно другие,

но методы работы разведок везде одинаковы): «Специалисты по разгадыванию кодов нуждались в помощи людей, безупречно знающих японский язык. Японоведы должны были подсказывать, какая буква или слово может быть в том или ином месте расшифровываемого текста, — без их консультации нельзя было строить правильные догадки». Именно в 1927 году, как известно из скудной на подробности истории Спецотдела, в ведомстве Бокия «взломали» японские коды и начали читать секретные радиограммы Москва — Токио[86].

Летом 1927 года (предположительно, в конце июля или в августе) Роман Ким по заданию КРО отправился в Крым, в Балаклаву, «узнавать о ходе работ по подъему “Черного Принца”»[87]. Британский винтовой пароход «Принц», прозванный «Черным», затонул в Балаклавской бухте в 1854 году во время сильнейшего шторма. На его борту находилось 500 000 фунтов стерлингов в золотой монете — годовое жалованье солдатам, осаждавшим Севастополь. Японская фирма «Синкай Когиоссио» предложила советскому правительству поднять этот груз на условии оставить за собой 40% найденных ценностей. Переместив тонны скальных обломков, исследовав остатки корпуса «Принца», японцы нашли всего пять золотых монет и одну серебряную. Сделав вывод, что англичане подняли золото после крушения, представители «Синкай Когиоссио» в конце октября 1927 года свернули водолазные работы.

В том же году Ким потерял отца. Николай Николаевич приехал в Москву в 1924-м, жил в одной квартире с сыном и невесткой. В 1927 году он решил съездить в Приморье, в пути тяжело занемог и скончался в больнице во Владивостоке.

Брак Кима с Зоей Заикой распадался. Трудно сказать, что было тому виной — его постоянная таинственная занятость, взаимное недопонимание или какой-то проступок, но они становились чужими друг другу. Ким рассказывал, что Зоя, болея туберкулезом, часто ездила на юг подлечиться, и на курорте познакомилась с неким Сигизмундом Гилевичем, тоже москвичом. «По прибытии в Москву рассказала [мне] об этом, и мы с ней расстались по-хорошему». Сын Аттик остался с мамой.

Роман Николаевич на самом деле был с головой погружен в работу. Он преподавал японский язык в Институте востоковедения и Военной академии РККА. В 1928 году в Москве прошел VI Конгресс Коммунистического Интернационала, принявший программу с четко прописанной стратегией и тактикой борьбы за диктатуру пролетариата и замену мирового капиталистического хозяйства мировой системой коммунизма. Ким «писал докладные записки для Катаямы, выступал в качестве

переводчика на секретных заседаниях ИККИ и Профинтерна, просматривал в порядке контроля бумаги японского сектора ИККИ — всё по заданиям 5 [отделения] КРО ОГПУ». За работой V Конгресса Профинтерна в 1930 году он следил по личному указанию председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского{88}.[11]

Разделял ли Ким идеологию страны, в которой жил, и государственной системы, на которую работал? Насколько мне удалось понять, он считал социальные революции закономерным явлением — борьбой между старым и новым, отживающим свой век и нарождающимся ему в противовес. В XX столетии главная революционная сила — пролетариат. Доказательство тому — новое государство на шестой части света. Коммунистические организации появляются по всему земному шару. Рабочие в союзе с «левой» интеллигенцией противостоят эгоизму капитала и диктату капиталистического государства, апофеозом которого является война. Японский империализм — главная угроза миру на востоке Азии, а Советский Союз — та страна, что может сдержать агрессию. Ким и здесь руководствовался своей собственной логикой.

* * *

К моменту развода Роман Николаевич ухаживал за Марианной Цын — молоденькой переводчицей из Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Девушка была красива, умна, самостоятельна: из родной Читы уехала в Петроград учиться оперному пению, но поступила в Институт живых восточных языков на японское отделение, занималась у знаменитого профессора Конрада; получив диплом, перебралась в Москву{89}.

В 1928 году состоялась свадьба. Даже в личной жизни Ким, можно сказать, шел на риск. Представьте себе — сотрудник контрразведки женится на дочери читинского нэпмана, владельца кожевенного предприятия. Да еще в том же году арестованного и осужденного на пять лет лагерного заключения по статье 59.9 — контрабанда с отягчающими признаками. Самуила Цына досрочно освободили за ударный труд и восстановили в гражданских правах, о чем Ким и написал в служебной анкете, добавив, что до 1917 года тесть был кустарем-ремесленником. Он слукавил: Самуил Матвеевич до революции был крупным промышленником — владел слесарно-кузнечной, шубной и пимокатной мастерскими и кожевенным заводом, поставлявшим продукцию Российской императорской армии. При Колчаке

избирался в городскую думу Читы, входил в комиссию по налогам, состоял членом Биржевого комитета и Торгово-промышленной палаты{90}. Ким знал о прошлом Цына: на одном из допросов обмолвился о социальном происхождении тестя — «бывший купец». Фабрикант, нэпман, зэк — не самое подходящее родство для сотрудника ОГПУ. Тем не менее после освобождения Самуил Цын с супругой приехал в Москву, и зять прописал их в своей квартире. Может, Ким ничего не опасался, поскольку был на отличном счету у начальства? До 1927 года «состоял на учете бывших белых офицеров, однако по ходатайству КРО ОГПУ с учета снят»{91}.

В 1930 году Марианну Цын взяли на должность переводчика в ОГПУ. Но не при содействии мужа, а по рекомендации Моисея Аксельрода — ее коллеги по Ассоциации востоковедения, одновременно кадрового сотрудника Иностранного отдела ОГПУ (работал на советскую разведку в арабских странах и Турции){92}. О секретной стороне жизни мужа ей, вероятно, стало известно, когда Ким получил первое звание и чекистскую форму. К 1937 году Марианна состояла переводчицей при 2-м отделении 3-го (контрразведывательного) отдела Главного управления госбезопасности НКВД. Она знала «в лицо и по кличкам» некоторых агентов, подчиненных Киму, поскольку Роман Николаевич иногда встречался с ними у себя на квартире{93}. Но даже когда, казалось бы, стало можно откровенничать, Цын в своих мемуарах и беседах с родственниками и знакомыми предельно лаконично вспоминала о бывшем муже: учился в Токио, высококвалифицированный японист, ценился за превосходное знание японского языка, в тюрьме занимался военными переводами. И, что странно, упоминала, будто Ким вернулся из Японии в Россию в сентябре 1923 года — после того, как едва не погиб в дни корейского погрома, случившегося после землетрясения. Почему она так переиначила его биографию? Непонятно. «Марианна Самойловна многое знала, но не обо всем хотела рассказывать», — пояснил мне один ее дальний родственник. Секретность оставляет долгий и прочный след.

Глава 4.
«НОВЫЙ ГЕНЕРАЛ» И ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ

Между Большой и Малой Никитской улицей в Москве, по пути к площади Никитских Ворот, за невысокой оградой скрывается двухэтажный старинный особняк с двумя флигелями. До недавнего времени здесь располагалось посольство Нигерии, с 2012 года здания, принадлежащие ГлавУпДК МИД России, находятся на реконструкции. Если заглянуть во двор сквозь решетку со стороны Большой Никитской (бывшая улица Герцена), то на стене особняка можно разглядеть мраморную доску с надписью: «Здесь жилъ Суворовъ». Главный дом построен отцом великого полководца, сам Александр Васильевич бывал здесь редко, хозяйство вела его супруга — перестраивала и расширяла усадьбу. Суворовская усадьба многократно меняла и собственников, и свой облик. Мемориальную доску в 1913 году установил последний ее частный владелец — коммерсант Карл Гагман…

Горожане и любопытствующие туристы, направляющиеся к храму Вознесения Господня, где венчались Пушкин и Гончарова, проходят вдоль ограды, не подозревая, с какими государственными тайнами некогда было связано это место. С 1925 года и до начала 1940-х в бывшей усадьбе на Герцена, 42 размещались посольство и военный атташат Японской империи.

* * *

Самая успешная операция советской контрразведки 1930-х по дезинформированию потенциального противника до сих пор не освещена в книгах по истории шпионажа.

Документы по этому делу все еще засекречены. Об операции «Генерал» мне вкратце рассказал бывший офицер 2-го Главного управления КГБ СССР Александр Котельников (имя и фамилия рассказчика изменены по его просьбе). Операцией руководил заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода. В 1928 году военному атташе Японии полковнику Комацубаре Мититаро решили подсунуть предателя. Преподаватель русского языка, у которого Комацубара брал уроки, аккуратно убедил атташе в своей нелояльности к советской власти и намекнул о

возможности встречи со своим знакомым — военспецом из штаба РККА, занимавшим высокую («генеральскую») должность. Военспец согласился снабжать японцев информацией — не из идейных соображений, а за деньги, причем весьма большие. Этот нюанс атташе расценил как признак настоящего осведомителя. В конце 1929 года Комацубара передал «генерала» своему преемнику — подполковнику Касахаре Юкио. Каждый последующий военный атташе или его помощник принимал эту связь. Операция длилась вплоть до «ежовской» чистки НКВД в 1937 году.

Роман Ким называл эту легендированную разработку «Новый генерал» (возможно, в какой-то момент «источник» в РККА сменился). Да-да, Роман Николаевич участвовал в операции начиная с 1928 года: «Комацубара… был моим объектом наблюдения». Учитель русского языка, работавший на ОГПУ, носил агентурную кличку «Тверской». Через него атташе и передавались дезинформационные военные материалы. Ким характеризовал «Тверского» как «преданного агента». «Я вел эти дезинформационные разработки с целью перехватить разведывательную работу местной японской военной разведки и подчинить ее контролю НКВД… В большинстве случаев материал для “дезов” брался из японских материалов — данные, получаемые ими от штабов других стран и не соответствовавшие действительности. Таким образом подтверждались ошибочные данные о дислокации РККА, новых частях и вооружениях. Дезинформационный материал поступал из Разведуправления [РККА]»{94}.

Японцы ни разу не усомнились в реальности «слива» секретных данных. В 1946 году советские контрразведчики допрашивали высших офицеров японской армии, плененных в Маньчжурии. Среди них был начальник штаба Квантунской армии Хата Хикодзабуро, служивший военным атташе в Москве в 1933–1935 годах. О своих московских контактах он рассказывал осторожно: «Моим учителем русского языка был мужчина 45–46 лет, еще преподававший и моему предшественнику. Он ходил в неделю два раза. Фамилия его мне неизвестна… Поскольку моим подчиненным была дана инструкция ни в коем случае не пользоваться тайными агентами, пошедшими на это дело из простого корыстолюбия, так как обычно они дают либо фальсифицированный, либо, хотя и подлинный, но неполный материал… я совершенно убежден, что мои тогдашние подчиненные воздерживались от подобного шага»{95}. По словам Котельникова, Хата встречался с подставным «генералом», и когда на одном из допросов японцу показали фотографию

«предателя» — для проверки успешности конспирации той операции, то Хата ответил, что не знает этого человека.

Оперативники Особого отдела ОГПУ (в 1930 году КРО объединили с Особым отделом) время от времени наведывались в здание японского посольства. На языке чекистов это называлось «техническими выемками документального материала» — они позволяли максимально полно следить за деятельностью военного атташата, в том числе восприятием дезинформации. Сейфы атташата аккуратно вскрывались, секретные документы вынимались и фотографировались на месте. Визиты, разумеется, были ночные, а о методах проникновения можно только гадать. В начале 1930-х Роман Ким, по личной инициативе или распоряжению начальства, подключился к этим тайным посещениям{96}.[12]

«Работая в тончайших хирургических перчатках, я вскрыл сейф, вынул пачку документов и устроился за письменным столом — это было самое удобное место. Тик… Тик… Тик… — защелкал аппарат под мягким толстым платком с прорезью: через прорезь я следил за наводкой, платок смягчал щелканье затвора и скрывал вспышку света… Через три комнаты в коридор из ванной или кухни доносилось мелодичное звучание капель, падающих из не завинченного до конца крана. Далеко в городе иногда гудел автомобиль… Воздух был полон близкими и далекими звуками, которые лишь подчеркивали гробовую тишину влажной летней ночи. Это страшное многоголосное звучание тишины не могло заглушить тяжкого биения сердца и звона в ушах…»{97}. Нет, это не рассказ Кима, а еще один фрагмент воспоминаний Дмитрия Быстролетова. Но Роман Николаевич, мне кажется, мог бы поведать то же самое о своих ночных визитах.

Судя по датам в докладных записках Особого отдела ОГПУ, документы из атташата попадали к контрразведчикам через несколько недель, иногда — несколько месяцев после составления. Что, разумеется, не снижало ценности добытых сведений.

В декабре 1931 года «особисты» изучали конспект доклада, сделанного в минувшем июле военным атташе Касахарой генерал-майору Хараде, командированному Генштабом в Европу «с особыми заданиями, связанными с подготовкой к выступлению в Маньчжурии». «Вооружение Красной армии развивается в стремительных темпах, — сообщал атташе. — Центральное внимание… сосредоточено на моторизации. Имеется: 500 танков, из них 100 танков прибавилось в течение последнего полугодия… Воздушные силы: от 1700 до 2000 самолетов. Ориентировочная цель — организовать 200 авиационных рот. В настоящий момент

имеется, по моим предположениям, около 180. По части самолетов-разведчиков и истребительной авиации уже достигнут требуемый уровень; по-видимому, сейчас усилия сконцентрированы на бомбардировочной авиации…» В начале марта 1932 года руководству ОГПУ был представлен доклад Касахары в адрес Генштаба, подготовленный в декабре, с уточненными оценками военной мощи СССР: сухопутные части РККА — 470–500 тысяч человек, ВВС — 20–30 тысяч, ВМФ — 30–40 тысяч; количество танков — 600–700; число самолетов — 1600–2000. Японский атташе ссылался на «ряд материалов», «полученные сведения» и мнения иностранных военных атташе в Москве{98}.

В действительности сухопутные войска РККА в конце 1931 года насчитывали 675 тысяч человек, ВВС — 55 тысяч, ВМФ — 44 тысячи человек. У ВВС на 1 января 1931 года имелся 1421 боевой самолет, в том числе 86 тяжелых бомбардировщиков. В 1931 году с целью обновления и расширения авиасил построено 856 боевых самолетов, в том числе 146 тяжелых бомбардировщиков. При этом план заказов по истребителям и многоцелевым самолетам (разведчики/штурмовики/легкие бомбардировщики) был выполнен менее чем на 60%. Танков в 1930 году было выпущено 79, за 1931 год — 847{99}.

* * *

Среди переснятых бумаг атташе, помимо конспекта доклада, находилась записка-резюме беседы посла Хироты с генералом Харадой. Хирота «просил передать его мнение начальнику Генштаба Японии»: «Считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью»{100}. 19 декабря 1931 года переводы обеих документов направили Сталину. А 28 февраля 1932 года генеральному секретарю передали «Соображения относительно военных мероприятий империи», подготовленные подполковником Касахарой.

«Через 10 лет — когда второй пятилетний план будет близок к завершению, военная мощь Советского Союза, подкрепленная обширной территорией, обилием населения и природными богатствами, превратится в необычайную силу… Опираясь на свою колоссальную вооруженную силу, [СССР] начнет

развертывать активную политику по политической, экономической и идеологической линиям. Разумеется, Советский Союз тогда поставит проблему независимости Кореи и приступит к полному изгнанию всех японских концессионеров с советской территории. Сомневаться в этом не приходится, тем более что уже сейчас мы видим начало этой политики… Я считаю необходимым, чтобы Имперское правительство повело бы политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР. Не будем дискутировать на тему, что нужнее для Японии — война или мир. Нужно учесть только то, что открытие войны сейчас окажется для них более неблагоприятным, чем для нас… Нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени… В том случае, если мы остановимся на Забайкальской ж.д. линии, Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи… Ввиду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путем которой нам нужно будет вовлечь наших западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путем использования белых групп внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов»[{101}].

В конце января 1932 года, встретившись с членами японской делегации, следовавшей через Москву в Женеву на международную конференцию по разоружению, Касахара рекомендовал Генштабу: «Необходимо подготовить общественное мнение всего мира в сторону доказательства того, что препятствием к установлению всеобщего мира является Советский Союз» (4 марта перевод документа лежал на столе у Сталина[{102}]). Спустя три недели после начала конференции, а именно 28 февраля 1932 года, МИД Японии заявило о концентрации в районе Владивостока 100-тысячной группировки советских войск, на вооружении которой есть даже ядовитые газы. По мнению информатора МИД, военное столкновение СССР с Японией случится в ближайшие три-четыре месяца — поводом будет «маньчжурский вопрос» либо проблема рыболовной конвенции.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) не преминул в ответ щелкнуть японцев по носу. 4 марта 1932 года «Известия» поместили на первой полосе статью «Советский Союз и Япония»: «Уже больше пяти месяцев прошло с того момента, как японские

войска заняли столицу Маньчжурии — Мукден и на Дальнем Востоке начался вооруженный конфликт, принимающий все более широкие размеры[13]… Положение, перед которым стоит на Дальнем Востоке Советский Союз, обязывает его к укреплению своей обороноспособности, к защите неприкосновенности его границ, в частности путем соответствующего усиления военных гарнизонов… Нельзя пройти мимо того факта, что весьма ответственные представители японских военных кругов, и не только военных кругов, открыто ставят вопрос о нападении на СССР и отторжении от него Приморья и Забайкалья. Мы располагаем документами, исходящими от представителей высших военных кругов Японии и содержащими планы нападения на СССР и захвата его территории». Далее без упоминания имен публиковались резюме Хироты и обширные цитаты из «Соображений» Касахары.

Потрясенный Хирота на приватной встрече с заместителем наркома иностранных дел Караханом попытался нащупать источник получения документов. Безрезультатно. Японцы предприняли расследование, но не заподозрили утечку прямо из атташата. Предположили, что доклады были изъяты и скопированы чекистами при перевозке дипломатической почты, отправлявшейся по железной дороге во Владивосток (и далее в Токио). Спустя месяц после скандальной публикации в «Известиях» военный атташе телеграфировал шифром в Генштаб: «Имеются основания подозревать, что посылаемые от Вас почтой секретные документы перлюстрируются в пути. Прошу Вас сугубо секретные документы пересылать другим способом». ОГПУ перехватило и расшифровало и это сообщение{103}.

Переводчик 4-го отделения Особого отдела Роман Ким (агент Мартэн) в марте 1932 года получил повышение — минуя звание уполномоченного, стал оперуполномоченным ОГПУ. По офицерским меркам — лейтенантом.

12 апреля Марианна родила ему сына. Мальчика назвали Виват. «Настоял на этом имени Роман Николаевич».

* * *

«Отношение к выполняемой работе вполне добросовестное, большая работоспособность и интенсивность работы, — отмечалось в аттестации, данной Киму в 1932 году. — Сообразителен, находчив, наблюдателен, точен и умеет ориентироваться. Участвовал в операциях сугубо чекистского порядка с прекрасными результатами. Операции требовали

большой чекистской выдержки»[104].

Правда, однажды Роман Николаевич оказался на грани провала. Как ни странно, участник операций, требовавших выдержки, в отношении вещей отличался феноменальной рассеянностью (к примеру, дважды получал взыскания за утерю удостоверения личности). Во время очередного визита в японское посольство Ким вскрыл сейф, сфотографировал документы, собрал рабочие принадлежности и спокойно покинул особняк. Но, добравшись до Лубянки, понял, что… оставил фотокамеру в кабинете атташе. Близился рассвет. Одному возвращаться в посольство было рискованно, и Ким поспешил за помощью домой к человеку, которому доверял — Владимиру Шнейдеру, служившему в Оперативном отделе ОГПУ. На территорию посольства их пропустил милиционер, а в здание — японец-охранник, завербованный Кимом. Забрав камеру, чекисты собирались уходить, как вдруг услышали шум подъезжающего к дому автомобиля. Шнейдер бросился к буфету, принес ящик со столовым серебром, схватил еще какие-то вещицы, увязал добычу в скатерть: инсценируем воровской налет! Ким разбил стекло в окне, выходящем на задворки. Спаслись бегством, через забор, под трель милицейского свистка. На следующий день в одной из московских газет появилась короткая заметка о попытке ограбления японского посольства[14].

Не оставляя работу «в полях», оперуполномоченный Ким занимается аналитикой. В июле 1932 года, используя все собранные Особым отделом данные по японской линии (в том числе расшифрованные радиограммы Москва — Токио и сообщения из зарубежных резидентур), он составляет отчет для председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского. «Начиная с февраля — марта с/г. констатируется резкое повышение активности японской разведки против СССР, вызванное: 1) завершением программы захвата основных пунктов Сев. Маньчжурии и непосредственным переходом японцев к подготовке военного плацдарма против СССР и 2) увеличением наших вооруженных сил в ВСК и ДВК [Восточно-Сибирском и Дальневосточном крае]. Мобилизационное развертывание органов японской разведки происходит по всем линиям: по линии Генштаба, морштаба, МИД и контрразведки… Новый военный атташе в СССР Кавабэ получил от Генштаба инструкцию развернуть разведку, исходя из четкой установки на “будущую войну” с СССР. В частности, изучить: а) количество авиасил, которые могут быть выставлены во время войны на ДВ, б) состояние Владивостокских фронтов и в) систему мобподготовки. В целях организации систематического контроля над переброскими наших войск на восток из европейской части

СССР, Генштаб дал директиву Кавабэ приступить к созданию агентуры в ряде важнейших пунктов европейской части СССР… После ввода частей Квантунской армии в Харбин и перехода аппарата китайской полиции под фактический контроль японцев, японская разведка получила возможность максимально использовать белых и китайцев по линии разведработы в СССР и на Внешнюю Монголию… Все японские дипорганы в СССР с конца прошлого года приступили к освещению переброс частей Красной армии на ДВ; наибольшую активность проявляет владивостокское генконсульство, мобилизовавшее все свои агентурные возможности…»[105]

В феврале 1934 года Генрих Ягода, замещавший тяжело больного Менжинского, лично отправил Сталину «японский документальный материал, изъятый нами агентурным путем». С примечанием, что «документ написан рукой подполковника Кавабэ». Военный атташе Кавабэ докладывал в Генштаб: численность РККА — «29 регулярных дивизий, 560 тысяч; ежегодный сбор территориальных войск 200 тысяч… При общей мобилизации СССР может выставить 3 млн. солдат»; «Красная армия не жалеет денег на мотомеханизацию… Общее количество танков — около 2100… Около 750 броневиков»; «количество военных самолетов достигает 2500»; «весной 1932 года было шесть самолетостроительных заводов и четыре завода по продуцированию моторов, которые выпускают в год 7000 самолетов и 21 000 моторов»[106].

Что же было в реальности? Штатная численность РККА в 1934 году — 975 тысяч человек, на 1935 год — 955 тысяч. Призывной план на 1935 год — 669 тысяч человек. Танков на 1 января 1934 года имелось 7574 (причем за истекший год было собрано 3509 машин), бронеавтомобилей — 326. На ту же дату ВВС насчитывали 4688 боевых, вспомогательных и учебных самолетов. В 1932–1934 годах авиапромышленность выпускала в среднем 3563 самолета в год[107]. ОГПУ (с июля 1934 года — Главное управление государственной безопасности НКВД СССР) успешно вело дезинформационную игру, «вбрасывая» одновременно как завышенные, так и заниженные данные.

Доступ к сейфам атташата позволял следить не только за военными замыслами и осведомленностью японцев. Сталин с интересом знакомился с оценками политической обстановки в СССР. Так, в конспекте доклада Касахары он отметил крестом абзац: «Система политического правления в СССР является самой настоящей абсолютистской диктатурой, и поэтому правительство может по своему усмотрению урезывать второстепенные участки хозяйственной жизни и бросать все финансовые и людские

ресурсы на выполнение центральных моментов программы [пятилетнего плана]». В полученном 23 августа 1934 года переводе докладной записки Кавабэ в Генштаб «в бытность его военным атташе» отчеркнул красным карандашом: «Сталин имеет ряд достоинств, соответственных великому политику, но он имеет в то же время политических врагов. С точки зрения политико-стратегических мероприятий мы должны принять все меры к тому, чтобы наметить наиболее влиятельную группу его политических врагов и установить с ней контакт. Убежден, что это вовсе не является абсолютно невозможным»{108}.

Вождь запомнит это замечание.

* * *

Главным знаком отличия для чекистов долгое время было наградное оружие от Коллегии ОПТУ — с серебряной накладкой, на которой гравировалась надпись «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Оперуполномоченному Роману Киму, начиная с 1932 года, вручили два таких оружия: револьвер «наган» и пистолет «вальтер». Приказом по ОПТУ № 2175 от 08.04.1934 г. он был награжден еще и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ 1917–1932» за № 857 (знак вручался за «выдающиеся заслуги» при стаже службы не менее 10 лет){109}. «Провалов по изъятию у японцев секретных документов не было… Путем этих операций были получены и затем опубликованы в прессе секретные японские документы, содержащие сокровенные планы японской военщины (в частности, относительно КВЖД)», — отмечалось в характеристике, подготовленной к пересмотру дела Кима в 1945 году{110}.

Китайско-Восточная железная дорога — главная магистраль, связывавшая Приморье с Сибирью, российская, затем советская собственность в Китае под совместным управлением — после захвата японцами Маньчжурии стала объектом непрестанных претензий и провокаций. В конце концов советское правительство предложило Маньчжоу-Го (государству, созданному под протекторатом Японии) выкупить КВЖД.

Переговоры начались в Токио в июне 1933 года. Делегация Маньчжоу-Го оспаривала права СССР на КВЖД, предлатала цену в десять раз меньше запрошенной, и переговоры зашли в тупик. В середине сентября Сталин, отдыхавший в Сочи, получил от своего заместителя в Политбюро Лазаря Кагановича сообщение о «дешифранте» из ОПТУ: на совещании японских военных в Харбине выработано решение «о фактическом захвате КВЖД»{111}.

Неделю спустя Наркоминдел предупредил японского посла — советское правительство располагает достоверными сведениями о том, что «маньчжурские власти, по указанию Японского Правительства, предполагают провести односторонне ряд перемен в управлении Китайско-Восточной железной дороги» и «намечают ряд полицейских мероприятий против советских сотрудников на КВЖД». Предупреждение игнорировали. Шесть руководящих сотрудников КВЖД были арестованы. 28 сентября японский МИД получил ноту: «Советское Правительство заявляет Японскому Правительству, что по неопровержимым данным, находящимся теперь в его распоряжении, эти мероприятия представляют собой начало осуществления детально разработанного плана, принятого в Харбине на ряде совещаний при японской военной миссии с участием ответственнейших японских руководителей маньчжурской администрации. Советское Правительство в случае надобности опубликует полностью эти документы…»{112} Министр иностранных дел Хитора (бывший посол в Москве) ответил советскому полпреду: Маньчжурия — самостоятельное государство, аресты юридически обоснованны, а Япония никак к ним не причастна.

И тогда Сталин дал отмашку на публикацию секретных документов{113}.

Японцы не предполагали, что русские настолько осведомлены. 9 октября 1933 года в «Известиях» были напечатаны переводы двух донесений японского посла в Маньчжоу-Го Хисикари министру иностранных дел Хироте, а также донесение японского генерального консула в Харбине Морисимы. В донесении Хисикари от 4 сентября говорилось о первом совещании японских чиновников, находящихся на службе у Маньчжоу-Го, представителей посольства и военных властей относительно «активных мер давления» ввиду задержки в токийских переговорах (именно о нем Каганович сообщил Сталину). На втором совещании был составлен конкретный план: собрать материалы о незаконных действиях советских работников КВЖД и передать их полицейскому управлению для расследования; правительство Маньчжоу-Го отдает распоряжение о том, что все действия и приказы советского управляющего дорогой должны иметь санкцию маньчжурского помощника; частных кредиторов КВЖД уговаривают предъявить дороге свои претензии; начинается тотальная проверка отчетности КВЖД и документов советских граждан, проживающих в Харбине. Все мероприятия «проводить как меры внутреннего порядка, предпринимаемые правительством Маньчжоу-Го» (донесение от 9 сентября). Фамилии советских граждан, намеченных к аресту,

перечислялись в донесении Морисимы от 19 сентября.

ТАСС разослал публикацию по японским газетам. Скандал вышел исключительный. Японское Министерство иностранных дел объявило документы фальшивкой. Однако официального протеста не последовало, а советскому полпреду на приватной встрече было сказано, что «опубликование документов без предварительного ознакомления японского правительства с ними является нарушением дипломатических обычаев». Причем представитель МИД, с удовольствием отметил Каганович в шифрограмме Сталину, «совершенно воздержался от оспаривания подлинности документов»{114}. Переговоры о продаже КВЖД длились еще полтора года, но в итоге СССР заключил соглашение на максимально выгодных для себя на тот момент условиях.

Каким образом «неопровержимые данные» достались ОГПУ? МИД Японии и штаб Квантунской армии держали московское посольство и военный атташат в курсе своих планов и действий в Маньчжурии, но вряд ли содержание переписки между Харбином и Токио слово в слово передавалось в Москву на улицу Герцена, 42. Перехват шифрограмм, вероятнее всего, был сделан советской радиоразведкой в Приморье, расшифровка и перевод — Особым отделом в Москве. Тогда при чем тут операции «по изъятию у японцев секретных документов»? Может, Киму удалось добыть шифровальные коды или иные сведения, способствовавшие дешифровке?

* * *

На исходе 1934 года Роман Ким был назначен сотрудником для особых поручений 6-го отделения 3-го отдела 00 ГУГБ НКВД. С этого момента он отвечал за всю оперативную работу 6-го отделения — контрразведку по линии японского посольства, военного атташата и японских граждан, пребывающих в Москве. Со слов секретаря ОГПУ — ГУГБ Павла Буланова известно, что Ким был единственным сотрудником Особого отдела, знавшим японский язык{115}. В декабре 1935-го Роман Николаевич сменил на своем кителе петлицы с одним красным ромбом на две нарукавные красные звезды с серебряной окантовкой. В ГУГБ вводились специальные звания для начальствующего состава, и Ким после аттестации стал старшим лейтенантом госбезопасности (звание по статусу соответствовало армейскому майору).

31 мая 1936 года нарком обороны Ворошилов и нарком внутренних дел Ягода направили Сталину ходатайство о

награждении орденами девяти офицеров и работников Разведывательного управления РККА, Особого и Специального отделов ГУГБ НКВД «за выполнение особых заданий государственной важности». Старшего лейтенанта Романа Кима — «беспартийного, в ОГПУ и НКВД с 1922 г.» — представили к ордену Красной Звезды. Сталин поставил на ходатайстве резолюцию: «За». Решение о награждении было утверждено 27 июня на заседании Политбюро ЦК ВКП (б)[116]. Роман Николаевич получил Красную Звезду за № 1108. Массовой эта награда станет в военные годы, в первой половине 1930-х ордена Красной Звезды удостоились всего около 1500 человек.

Когда дело заключенного Кима в 1945 году готовилось к пересмотру, сотрудники 2-го (контрразведывательного) и 5-го (шифровально-дешифровального) управлений НКГБ СССР насчитали свыше 2000 документов, добытых за 1926–1937 годы «при непосредственном участии Кима», «лично Кимом через находившуюся на связи агентуру» или другими оперативными работниками, но переведенных Кимом. «В частности, им были добыты документы, которые свидетельствовали об активной подготовке японцев к нападению на Советский Союз и которые были в свое время сообщены Правительству. Подлинность документов, по оценке соответствующего управления НКГБ, не вызывает сомнений». «За время работы в агентурной сети и в аппарате органов ОГПУ — НКВД с 1923 по 1937 год… лично вербовал и знал ряд агентов из числа японцев и советских граждан, которые дали ценные результаты»[117].

В работе разведчика вербовка, удержание и использование завербованных — пожалуй, самое тяжелое, рискованное и аморальное занятие. Даже если вербуешь в своей стране. «Ким укрывается легоньким одеялом, свертывается калачиком и старается уснуть: после каждой операции у него страшно болит затылок — до слепоты и обмороков. Он начинает тихонько петь себе колыбельную песню.

Во дворе визгливо кричат дети. Ким заставляет себя заснуть…» В этом отрывке из романа Юлиана Семенова я нарочно заменил имя. В оригинале — Чен. Помните, с кого списан образ?

Глава 5. «ПОДТЯНУТ, ХОЛОДЕН, ВЕЧНО ЗАНЯТ…»

Служащие посольства долго обсуждали трагичный случай. Капитан Танака Ватару, помощник военного атташе Хата, покончил жизнь самоубийством. Говорят, сделал сэппуку. Никаких разъяснений сверху не последовало. Подробности знали лишь посол и атташе. Но истинная подоплека самоубийства даже им не была известна.

«Я заставлял намеченных японцев идти на вербовку, располагая на них материалами, — говорил Роман Ким на доследовании в 1940 году, пытаясь показать, не раскрывая подробностей секретных операций, что он действительно вел контрразведывательную работу. — “Болтун” был завербован в результате компрометационной комбинации. В процессе этой комбинации одно японское официальное лицо даже распороло себе живот…» Официальным лицом был Танака. В отношении помощника военного атташе, признавал Ким, комбинация оказалась «неудачной», зато «“Болтун” дал нам один материал чрезвычайной важности…»{118},[15] Как говорится, ничего личного. Только служба. Государственные интересы.

* * *

История с Танакой относится ко второй половине 1933 года. Неизвестно, когда Ким принял и начал расширять агентурную сеть, в том числе проводить вербовки среди японцев. Вероятнее всего, в 1932 году, когда из секретных сотрудников перешел в так называемый гласный аппарат ОПТУ в звании оперуполномоченного.

Имена или клички своих агенток он называл на допросах, давая некоторым краткие характеристики: София Шварц — «вертелась около Касахара», Броннер — сожительница Ямаока (помощник военного атташе в 1930–1932 годах), Чернелевская — сожительница Огата (третий секретарь японского посольства), Дудунашвили — сожительница офицера-стажера, «Высоцкая», «0–36», «Амазонка» — «сожительствовала с офицерами Таяси и Юхаси, работала не дисциплинированно, знакомства заводила по своей инициативе», «Мимоза» — хозяйка квартиры, где жил

Танака. «Рис» — среди японцев работала три-четыре года, «сожительствовала с несколькими чинами японского атташата, по своей инициативе сошлась с Кобаяси»{119}.

Корреспондент «Токио Ничи-ничи» Кобаяси Хидео, похоже, сам был агентом под прикрытием. Часто контактировал с военным атташе, посольство предоставило ему автомобиль с шофером. Собираясь уезжать из СССР, Кобаяси взялся переправить через границу свою возлюбленную Надю и ее мать Марию Вегенер, переводчицу посольства (была ли именно она агентом «Рис» — нет никаких намеков). Женщин спрятали в больших кофрах, вывезли из посольства и «погрузили» на поезд, идущий в Польшу. Кобаяси сопровождал атташе Кацуми. Всю компанию перехватили 26 декабря 1935 года на станции Негорелое к юго-западу от Минска — накануне начальник погранотряда получил ориентировку из Москвы. Что странно, попытка побега за границу (ст. 58.1а УК РСФСР, минимальное наказание — лишение свободы на 10 лет) обошлась Марии и Надежде Вегенер тремя годами ссылки. Мария умерла в Воронеже, дальнейшая судьба ее дочери неясна{120}. А японские кофры попали в экспозицию Центрального пограничного музея как «чемоданы, в которых пытались вывезти шпионок из СССР».

Подполковник Хата подозревал, что ОПТУ ищет подходы к посольству и атташату с помощью женской агентуры. По возвращении в Японию весной 1935 года он написал инструкцию для военных разведчиков. Хата предостерегал от чрезмерной увлеченности русскими женщинами и рекомендовал — чтобы не влюбиться и под воздействием страсти не раскрыть какие-либо секреты, нужно иметь не одну, а нескольких русских любовниц{121}.

«Я проводил немало вербовок [японцев] в результате агентурных комбинаций», — рассказывал Ким. О вербовках на идейной или корыстной основе не могло быть и речи. Значит, компрометация, шантаж или компромисс, завязанный на чем-то личном. Так, в Ленинграде Ким завербовал капитана Адачи — «стажера по языку»{122}.[16]

В 1935 году Япония и СССР договорились об обмене офицерами-стажерами с целью изучения русского и японского языков. Весной с Москву прибыли первые четыре стажера, среди них — Адачи Хисаси, выпускник Военной академии Генштаба Японии. Некоторое время спустя Адачи оказался в Ленинграде, где у капитана случился роман с переводчицей Марией Теремовской. Было ли это знакомство агентурной комбинацией? Не берусь утверждать. Но стажировка Адачи затянулась. В январе 1937 года у него родился сын — Таро (Анатолий). Адачи

официально подтвердил отцовство. В июле 1938 года, с началом японо-советского конфликта у озера Хасан, капитана отозвали в Токио. Марию с сыном соглашались отпустить с ним, но не давали разрешение на выезд ее дочери от первого брака, и Теремовская осталась в СССР{123}.[17]

Насчет одной комбинации Ким протестовал. Начальник 6-го отделения Николаев-Рамберг (чекист с правильной биографией, но скорее функционер, чем контрразведчик) через агентов «Салтыкову» и «Петра Константиновича» наметил вербовку корреспондента телеграфного агентства «Симбун Ренго» Ооката. «Судя по агентурным данным, [Ооката] все время изображал из себя рьяного советофила, то есть сам лез на вербовку», к тому же имелись сведения, что он работал в Харбине в аппарате Южно-Маньчжурской железной дороги, причем в осведомительном отделе — «то есть кадровый разведчик». «Однако Николаев-Рамберг не считался с моими советами, сам подготовил и провел вербовку.

Когда я, побывав на явке, заявил Николаеву-Рамбергу, что Ооката не вызывает доверия, Николаев-Рамберг предложил мне с Ооката больше не встречаться…»{124}

Совместно с Михаилом Горбом, заместителем начальника Особого отдела, Ким завербовал капитан-лейтенанта Инаиси из морского атташата. По всей вероятности, Инаиси проходил в отчетах под кличкой «Адмирал». С ним работали недолго, «Адмирал» не дал «ничего особо ценного, кроме нескольких донесений». Ким также «разрабатывал связи» коммерческого атташе Каватани, с которым познакомился, когда служил секретарем у Отакэ. К этому атташе был приставлен агент — учительница русского языка. В 1936 году Каватани заменил Танаку Косаку (должность коммерческого атташе в Москве он занимал до начала 1940-х). И на этот раз Киму фантастически повезло — Танаку он знал с 1921 года, когда тот учился в Токийском коммерческом институте и служил секретарем у Сугиуры Рюкичи. Бывший опекун Кима по делам приезжал во Владивосток, Роман Николаевич «мельком виделся» с ним, но несколько раз встречался с Танакой{125}.

Наибольшим же успехом Кима можно считать вербовку весной 1936 года майора Мидзуно Кейзо — секретаря военного атташе. «“Майор” дал нам дважды материалы бесспорной ценности». Мидзуно «зацепили» крепко. Уезжая в мае в Польшу (известно, что Мидзуно стажировался в 58-м Великопольском пехотном полку), майор обещал продолжать давать информацию. В сентябре 1936 года Ким выехал на явку на нейтральной территории — в Праге. В столице Чехословакии он пробыл десять

дней, дважды встречался с Мидзуно в отеле «Terminus» (ныне «King David Prague») и получил «письменную информацию о расположении разведывательных пунктов японской разведки на Западе». Связь с Мидзуно, служившим уже в Военном министерстве Японии, к моменту ареста Кима была прекращена{126}.[18]

«В 1936 году Николаев приказал мне взять работу по линии японских дипломатов только для подготовки специальных операций, — рассказывал Ким. — Когда я ему заявил, что у меня только два работника: Калнин и Каравай и что нам троим нельзя обслуживать все линии японского сектора, Николаев заявил: “Весь сектор вы берете на время, потом передайте заместителю начальника отдела” (ожидался приход Уманского из немецкого отделения)… Работой по дипломатам я был недоволен, я не мог с ней справиться. Специальную операцию “Х” Гай не разрешил. Из лиц, которых нужно было изъять, мне разрешили арестовать (и то после долгих споров, со ссылками на НКИД) Миронова и связанных с “Х”… Придя к заключению, что с дипломатами у меня ничего не выходит, я отказался от нее…»{127},[19]

* * *

Преподавательской и научной работой Киму пришлось пожертвовать еще в начале 1930-х. Он числился лишь членом бюро секции зарубежного Востока в Коммунистической академии на Волхонке. Думаете, детективный Хайд окончательно победил Джеккиля-ученого? Отнюдь.

«Кажется, впервые я встретил Рому у Бориса Пильняка, в деревянном коттедже на Ленинградском шоссе, — припоминал писатель Лев Славин. — Он несколько сторонился нас. Подчеркивал, что он сам по себе. Зачем бы ни привел его в свой дом Пильняк — по литературным ли делам или как живой справочник по Японии, — Ким держался там как свой. С нами не смешивался. Пожалуй, некоторое исключение он делал для Бориса Лапина, с которым его связывали востоковедческие интересы. Мы же больше, чем хозяином дома, интересовались Кимом. Только что появилась его острая, оригинальная книжка “Три дома напротив, соседних два”, очень, кстати, понравившаяся Горькому. В тот вечер Ким прервал наконец свое олимпийское молчание, ввязался в наш спор о сердцевине сегодняшнего дня и заявил, что современность — это субъект, а не объект, что роман о Тиберии и Гае Гракхах может быть остросовременным, а о секретаре обкома — безнадежно отсталым. Мне это показалось

правильным, я поддержал его…»{128}

Очерк-памфлет «Три дома напротив, соседних два» был опубликован в 1933 году в альманахе «Год Шестнадцатый». Сейчас это сочинение — «описание литературной Японии» — заинтересует, пожалуй, лишь специалистов-литературоведов. Но в 1934 году оно было выпущено еще и отдельным изданием, а авторитетный востоковед Николай Конрад поместил «Три дома» в список рекомендованных книг к своему курсу лекций по истории японской литературы эпохи Мэйдзи.

«Утро японского либерализма было очень веселым и многообещающим… На следующий год после смены правительства [1869-й] в Эдо, переименованном в Токьо, была открыта Высшая школа. Великовозрастные сынки захудалых самураев и наследники мелких купцов и помещиков в засаленных халатах и рваных юбках по утрам слушали заморских лекторов, а по вечерам, ошалелой гурьбой шляясь по переулкам, пугали окрестных жителей только что вызубренными спряжениями немецких глаголов и заумью из Nursery Rhymes. Вскоре рождается бессмертная студенческая песня, японский “Гуадеамус” с воинственным припевом: “Дэкансьо, Дэкансьо — живи полгода этим! Остальную половину проводи во сне!”. Таинственное “Дэкансьо”, которое старушки принимали за имя западного божества, являлось просто сокращенным обозначением европейской премудрости: ДЭ-карт, КАН-т, ШО-пенгауэр… Аудитория новой литературы составилась исключительно из обитателей этого квартала — подданных Дэкансьо, дипломированных интеллигентов…»

Название для очерка Ким заимствовал из статьи профессора филологии Такаямы. Придуманную литературными мэтрами современной Японии эго-беллетристику (о личных переживаниях, своем окружении, мелочах повседневного бытия) Такаяма назвал «трехдомовнапротивсоседнихдвухной» прозой. Эта литература, с сожалением констатировал Ким, «превратилась в коллекцию опытов описания потайных углов микрокосма авторов и их знакомых». Он рассмотрел и другие жанры — от дзюнбунгаку («чистая литература») до дзицува («истории, основанные на фактах»), и противопоставил им особое явление — «пуро», реалистическую или пролетарскую литературу: «Пуро заняли почти половину мест в промпланах буржуазных книгоиздательств и в литературных отделах толстых ежемесячников»{129}.

Под влиянием ли лучших «пуро» или поздних сочинений своего любимого Акутагавы, Роман Николаевич и сам написал пару новелл, опубликовав в очередном выпуске того же альманаха. Персонажи «Японского пейзажа» — туристы:

французский посол, юноша-японец и семья из Токио. Муж, потерявший работу учителя в частной гимназии, здание которой купила патриотическая организация, жена, больная туберкулезом, и маленькая беззаботная дочка. Туристы идут через горы полюбоваться знаменитым озером и водопадом. «На берегу цвели вишни. По сине-зеленому стеклу скользили крошечные яхты. На той стороне озера, на склоне горы среди сосен, виднелись пагода и крыша буддийского монастыря… Посол вынул блокнот, записал: “Все одинаковы перед лицом шедевра природы. Император, торговец, кули одинаково забывают свои эфемерные страсти — политику, заботы, обиды”… Рано утром все пять путников покинули гостиницу, разошлись в разные стороны. Посол вызвал рикшу из селения и поехал дальше в горы, в соседний курорт… Молодой парень нанял лодочника и переправился на ту сторону озера. В монастыре ночью должна была состояться конференция нового состава ЦК компартии… Супруги с девочкой пошли вдоль берега, перешли мостик, прошли мимо двухэтажных вилл, еще пустых. Они направились прямо к знаменитому водопаду, чтобы броситься в него»{130}.

Ким не вкладывал второй смысл в название своего очерка — «Три дома напротив». Но оно ненароком наводит на размышления. У китайского философа Мэн-цзы (Моей в японской транскрипции) есть притча. Когда у человека пропадает курица или собака, он бросается на поиски — обходит три дома напротив и соседних два. «Если же он потерял свою душу, он не знает, как вернуть ее…» Разведка — путь обмана и пренебрежения обычной этикой. Многие профессиональные разведчики отмечали, что жизнь под масками, в постоянных комбинациях, необходимость во всем подчиняться служебному долгу перенапрягает психику. Дмитрий Быстролетов писал откровенно: «Разведка уродует души и жизни тех людей, которые вынуждены с ней соприкасаться».

В 1935 году Ким случайно пересекся в Москве с Павлом Шенбергом, за которым следил у Отакэ Хирокити. Шенберг не знал, что был арестован по донесению Кима, и обнялся с ним как со старым приятелем. Ким решил не упускать Шенберга из виду и «использовать в дальнейшем» — бывшего корреспондента знал «кое-кто из старых работников в японском посольстве», а также в самой Японии. Пообщавшись, он выяснил, что Шенберг вполне доволен службой в Центросправке и «твердо решил не работать у иностранцев». Спустя некоторое время Кима разыскала жена Шенберга, сообщила, что мужа снова арестовали, «он в последнее время работал у американского корреспондента Михайлова», и просила помочь узнать, в чем его обвиняют. «Я ничего не мог ей обещать… О приходе официально поставил в известность

руководство»{131}.[20]

В числе близких друзей Романа Николаевича был Григорий Гаузнер (Гузнер) — выпускник Литературно-художественного института им. Брюсова, поэт и журналист, в 1927 году ездивший в Токио по поручению театра Мейерхольда для изучения «биомеханики театра Кабуки» и написавший по возвращении книгу «Невиданная Япония». Среди молодых членов Союза писателей СССР он считался едва ли не самым талантливым. В 1933 году Максим Горький собирал коллектив для создания книги государственной важности — «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», в числе авторов оказался и Гриша Гаузнер. А его отец Иосиф Гузнер, обычный советский служащий, был связан с Романом Кимом как агент «Х»{132}.[21] В уцелевшем дневнике Гаузнера есть запись от 27 ноября 1930 года: «Танака дает объявление: “Иностранцу нужна учительница”. 40 женщин. Водевиль, когда они приходят по 5 и по 6, советуются на лестницах, толкутся в дверях…»{133},[22] Упомянутый Танака (партийный псевдоним) — это Ямамото Кэндзо, японский коммунист, эмигрировавший в СССР; в Москву он приехал в 1930 году и возглавил японские секции в Исполкоме Коминтерна и Исполнительном бюро Профинтерна. Не исключено, что Ким по заданию ОГПУ поселил Танаку в квартире Гузнеров и аккуратно следил за ним. И впоследствии агент «Х» сдавал комнату другим приезжим японцам, за которыми требовалось понаблюдать.

Как в одном человеке сочетались утонченный художественный вкус и шпионские замашки? Дружелюбие и прагматичность с ноткой аморальности? Может, все дело не в трансформации личности, а совершенно естественном поведении в японском духе? Борис Пильняк, посетив Японию, отметил: «В морали европейских народов, несмотря на их присутствие, аморальными считались и почитаются — сыск, выслеживание, шпионаж; в Японии это не только почетно, но там есть целая наука незамеченным залезать в дома, в лагери противника, шпионить, соглядатайствовать…» («Корни японского солнца»).

Надо сказать, оперуполномоченный Ким в одной из своих литературоведческих статей весьма тонко поддел японскую разведку: «В моем распоряжении есть книга Урадзи, которая в течение двух месяцев выдержала 11 изданий. Книга начинается стихотворным гимном японских шпионов и посвящена описанию необычайных подвигов японских шпионов и провокаторов всех мастей… В книге описывается техника работы контрразведки и показывается, как нужно разоблачать иноземных шпионов. Особенно достается шпионам “Красной России”, которые поддаются женским чарам и погибают из-за этого»{134}. Конечно,

суть насмешки могла быть понята только его коллегами или «подопечными», если бы у них в руках вдруг оказался ленинградский журнал «Залп».

* * *

В знаменитом Театре Мейерхольда и Театре Революции в Москве работали японские режиссеры Сано Секи и Хидзиката Ёси, оставившие объятую милитаристским духом родину ради свободного творчества в самой прогрессивной стране мира. Роман Ким дружил с ними. По словам Марианны Цын (учтем, что объяснение давалось на допросе), «встречи Кима с Хиджиката (Хидзиката. — *Ред.)* и Секи Сано вызывались служебными соображениями. Ким на все эти встречи получал санкцию у своего руководства, которому докладывал о характере бесед с этими японцами и об их настроениях… Встречи с ними происходили не более трех раз в год. Бывали случаи, когда Хиджиката и Секи Сано посещали наш дом… Все разговоры, которые велись в моем присутствии, касались исключительно международных тем или же японской кухни»{135}.

Удивительно — Ким не скрывал от режиссеров-японцев, что служит в ОПТУ! Не исключено, он намеренно брал на себя наблюдение за некоторыми интересовавшими госбезопасность лицами и таким образом оберегал их от опасных подозрений. «Левые корейцы и японцы составили в Москве небольшую общину… Самой авторитетной личностью в этом обществе был кореец Роман Николаевич Ким, военный с “ромбом”, сотрудник НКВД, притом оригинальный писатель, — записала в своих мемуарах художница Наталья Соколова (с Кимом ее познакомил Хидзиката). — О политике в этой компании не говорили, за исключением грядущей мировой революции. В воздухе уже витала незримая опасность, за всеми уже следили, но не все об этом знали, чувствовали себя непринужденно»{136}.

В 1931 году в Москву приехал Отакэ Хирокити. Как рассказывала Марианна Цын, он «позвонил Киму по телефону и просил встретиться. Киму было дано разрешение руководства отделения на встречу с Отакэ. Это свидание состоялось у нас на квартире… Я находилась в стороне и в их разговор не вмешивалась». Вместе с Отакэ в советскую столицу прибыл корреспондент газеты «Tokyo Asahi» Маруяма Масао. Исключительное совпадение — Маруяма знал Марианну Цын! Впервые они встретились в июле 1925 года в Чите: Марианна

гостила на каникулах у родителей, а Маруяма готовил репортаж о японских летчиках, совершавших перелет Токио — Москва с посадками в сибирских городах. Редактор местной газеты попросил юную японистку показать токийскому журналисту достопримечательности Читы. «После этого я больше с ним не встречалась… Мне известно от японистов, что Маруяма меня разыскивал и расспрашивал обо мне. Когда он узнал, что я являюсь женой Кима, перестал интересоваться мною»{137}.

Незадолго до своего отъезда из Москвы в феврале 1932 года Отакэ попросил Маруяму прекратить общение с Кимом. Причину не объяснил. Корреспондент «Tokyo Asahi» догадался, в чем было дело, когда в 1934 году повстречал Романа Кима в чекистской форме в магазине «Международная книга». Ким сделал вид, будто не заметил Маруяму, и продолжил изучать книжные полки[23]. Японский журналист удивился бы еще больше, если бы узнал, что находился «под колпаком» у Кима, — его русская подруга Валентина была агентом НКВД. С шефом она встречалась у него же дома или на явочной квартире рядом с гостиницей «Савой», изредка возле магазина «Динамо» на Большой Лубянке — «передавала сообщения, получала указания»{138}.

«Ким был всегда подтянут, холоден, вечно занят», — запомнилось Наталье Соколовой. Холоден? И это тот самый Ким, что поместил россыпь фантазий и иронии в глоссы к книге Пильняка? Еще есть свидетельство тому, что нервы у него не выдерживали, и он «срывался» в семейном кругу. Сохранилась драма в картинках, которую Роман Николаевич сочинил после ссоры с женой в знак извинения: «Дон Ромео Стерватор отчаянно тиранил свою прекрасную супругу донну Марианну. Не могши вынести сволочной характер гнусного гидальго, донна Марианна решила уехать к своей подруге — донне Рите Сан-Стефано… Вернувшись с охоты, дон Ромео вдруг почувствовал отчаянную тоску. Роскошное палаццо на улице Твербулиос в центре Мадрида показалось пустынным и мрачным. Дон Ромео стал дико тосковать, сидя в своем любимом кресле. Вскоре от тоски он потерял почти все кило… А донна Марианна наслаждалась природой Мадагаскара под яркими лучами экваториального солнца, и все офицеры местного гарнизона передрались на дуэли из-за нее»{139}.

Снова раскроем мемуары Натальи Соколовой: «Несколько раз я тщетно пыталась попасть в Институт востоковедения — для беспартийных он был недоступен; помимо партбилета требовались еще три рекомендации чуть ли не из ЦК. Целый год мне голову морочил Р.Н. Ким — обещал место где-то, зачислил кандидатом куда-то, но из этого ничего не вышло; я не работала в

ожидании этого таинственного места, промышляла уроками и халтурами, не понимая, что лезу в петлю…»[140].

* * *

Предупреждения Особого отдела насчет «повышения активности японской разведки против СССР» подтверждались.

В 1931–1932 годах в Приморье и граничащих с Маньчжурией районах Восточно-Сибирского края были задержаны несколько групп белоэмигрантов и агентов-одиночек из «Братства русской правды» в Харбине. Границу они пересекали при содействии японцев. В августе 1933 года из Маньчжурии в СССР была заброшена вооруженная группа из 10 человек, собранная «Русской фашистской партией», которой благоволила японская военная миссия в Харбине. Задачи у всех были схожие: шпионаж, вербовка, подготовка повстанческих отрядов, диверсий. ИНО ОГПУ, задавшись целью ослабить маньчжурское отделение «Русского общевоинского союза», начал операцию «Мечтатели». Чекисты придумали контрреволюционную организацию в Иркутске. Ее курьер, будучи уверен в реальности заговора, неоднократно перебирался через границу с сообщениями для главы отделения РОВС полковника Кобылкина. Он подтвердил, что японцы покровительствуют антисоветской деятельности эмигрантов. Кобылкин поддался: сперва отправил в Иркутск своего помощника — хорунжего Переладова, а затем явился сам. На следствии полковник рассказал о нескольких разведгруппах, сформированных в Харбине по просьбе японской военной миссии и переправленных на территорию СССР, но без его участия. Его собственная группа (с оружием, зажигательными снарядами, антисоветскими листовками) уже была задержана пограничниками. Операция «Мечтатели» завершилась. Над арестованными в августе 1935 года в Иркутске устроили показательный суд[141].

В Москве первым лицам государства казалось или хотелось думать, что все эти агенты-эмигранты — лишь верхушка шпионского айсберга, и госбезопасности нужно «рыть» шире и глубже. Если шпионы есть в Сибири и на Дальнем Востоке, почему они не могут появиться в столице? Ведь даже японские дипломаты не брезгуют лично заниматься шпионажем. 14 июня 1933 года караул подмосковного авиазавода № 22 задержал иностранца, подъехавшего к территории предприятия на автомобиле и затем внимательно осмотревшего через изгородь аэродром, на котором находилось около 70 тяжелых

бомбардировщиков. Иностранец оказался японским военным атташе — Кавабэ Торасиро. Он уверял, что всего лишь гулял на природе. После проверки документов Кавабэ отпустили, о происшествии ОГПУ доложило лично Сталину{142}.

В январе 1934 года в Москве арестовали подозрительного корейца — студента Института инженеров транспорта Ким Заена. На следствии выяснилось, что он руководил шпионско-диверсионной группой, состоящей из служащих Московско-Казанской железной дороги и Паровозного управления НКПС. Оказалось, что недавние железнодорожные аварии — не что иное, как спланированные диверсионные акты. Дело Ким Заена помогло разоблачить другого японского резидента — корейца Николая Пака, историка и филолога, преподававшего в Институте востоковедения. Пак курировал диверсионную группу в Институте сои, подготавливавшую массовые отравления на фабриках-кухнях и в столовых крупных предприятий и военных заводов. Японские шпионы нашлись в Глававиапроме, «Союзтекстильмаше», на Сталинском металлургическом заводе (в случае объявления Японией войны СССР инженеры-заговорщики должны были устраивать теракты в отношении «руководящих работников»). Через арестованных шпионов в «Союзшелке» чекисты вышли на предателя в 9-й школе ВВС РККА. По делу «Союзтекстильмаша» выявили предателя в Орловской бронетанковой школе{143}.

Подозрительность умножалась неспокойной обстановкой на границе с Маньчжурией. Японцы настойчиво проверяли прочность рубежей СССР. Провокационные пограничные перестрелки обернулись в октябре 1935 года и январе 1936 года локальными боями между отрядами японо-маньчжур и советских пограничников. Японских шпионов в 1936 году искали по всему Советскому Союзу — от Владивостока до Ленинграда и Киева. Весной шпионско-вредительскую организацию, созданную японской разведкой, раскрыли на Томской железной дороге («ставила своей задачей зажимать поток грузов, особенно военных, идущих с запада на восток»). Под подозрение мог попасть любой советский гражданин, когда-либо бывавший в Японии или Маньчжурии, знавший японский язык, контактировавший с японцами, находящимися в СССР. Насколько цинично на самом верху относились к охоте за шпионами, свидетельствует проект секретного постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О Японии» от 20 мая 1936 года: НКИД, в связи с развернувшейся в Токио кампанией по обвинению в шпионаже сотрудников полпредства СССР, надлежит заявить протест японскому послу; если протест окажется безрезультатным —

«разрешить НКВД арестовать нескольких советских сотрудников японского посольства, занимающихся шпионской деятельностью»{144}. Аппарат контрразведки пока не трогали.

* * *

До 1935 года Роман Николаевич с семьей жил в доме № 4 на Тургеневской площади — «в большой, неуютной квартире против библиотеки имени Тургенева», как отметила Наталья Соколова. Затем переехал в дом № 6а по 2-му Троицкому переулку. Места эти некогда принадлежали подворью Троице-Сергиевой лавры. Дом № 6 был странноприимным домом, при советской власти в нем надстроили два этажа, а позади в 1930 году построили большое здание в три корпуса в конструктивистском стиле, обозначенное литерой 6а. В обоих домах квартиры получали сотрудники НКВД, других особо важных наркоматов и ведомств (таких, как Наркомат путей сообщения), а еще — Исполкома Коминтерна.

Ким заселился в квартиру № 12. В соседнем подъезде, в квартире № 13, жил Георгий Крамфус — лучший шифровальщик Спецотдела ОГПУ — ГУГБ, работавший у Бокия с момента создания отдела. Он не только разгадывал иностранные коды, но и придумал первый код для секретной переписки советских учреждений за границей. Вероятно, Ким и Крамфус знали друг друга. Соседом Крамфуса был Григорий Чернобыльский — чекист с пятнадцатилетним стажем, разведчик из ИНО, резидент в Эстонии. В 1936 году его перевели в резерв и дали должность начальника отдела Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР[24].

1 сентября 1936 года Чернобыльского арестовали по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации. Это был первый арест в ведомственном доме.

Неделей раньше в Москве завершился грандиозный судебный процесс по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Сразу по окончании председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Николай Ежов начал «копать» под Генриха Ягоду. Репрессивная молотилка выплюнула компромат на одного из своих создателей. 26 сентября Ягоду сместили, назначили на пост наркома связи (арестовывать и карать было рано). НКВД возглавил сам Ежов. 23–30 января 1937 года он провел процесс «Антисоветского троцкистского центра». Наконец-то во всеуслышание был объявлен второй главный внешний враг СССР, наравне с

Германией плодящий в советской стране предателей и диверсантов вплоть до высших уровней власти, — Япония.

«Параллельный антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР, — утверждалось в приговоре. — В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Сокольникова — в Москве вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий … обещал, в случае прихода к власти троцкистского правительства, в результате поражения Советского Союза, сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии…»{145}

Японцы пристально следили за этим процессом, и в НКВД о том знали. 2 февраля Ежов направил Сталину сообщение, подготовленное по агентурным данным: «На квартире советника японского посольства Сако состоялось специальное совещание, на котором кроме чиновников посольства участвовал в качестве докладчика корреспондент Маруяма. Совещание было созвано советником Сакко для заслушивания доклада Маруяма, являющегося информатором посольства о ходе процесса… и для обмена мнениями по вопросу о контрмерах японского посольства. Посол Сигэмицу на банкете, состоявшемся до этого совещания в ресторане “Савой” по поводу отъезда рыбопромышленника Аригата, заявил последнему, что японское правительство предъявит протест советскому правительству еще до вынесения приговора обвиняемым [либо] разошлет меморандум всем державам, в котором будет дано мотивированное разъяснение того, что показания подсудимых в части, касающейся их связей и переговоров с японскими официальными лицами, ложны и подтасованы… На этом же банкете секретарь посольства Симада сказал юрисконсульту посольства, что германское правительство решило не предъявлять протеста в связи с процессом, так как это может отразиться на судьбе немецких инженеров…»{146}.

Пожалуй, одного этого документа достаточно, чтобы понять, какого уровня достигла работа контрразведки по японской линии в Москве. Несколько месяцев спустя она будет признана предательской и шпионской.

2 марта 1937 года Ежов выступил с докладом на пленуме ЦК, раскритиковав в пух и прах своего предшественника в НКВД. Пленум резюмировал: «Изменникам родины — троцкистам и иным двурушникам, в союзе с германской и японской контрразведкой, удалось развернуть вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность [во многом] благодаря слабой работе органов Государственной Безопасности Наркомвнудела СССР… В процессе следствия по антисоветскому троцкистскому центру только по одной Москве [среди агентуры НКВД] было выявлено 65 предателей… В отдельные звенья органов Государственной Безопасности проникли чуждые и преступные элементы. Обнаружен ряд случаев, когда в органы Государственной Безопасности удалось проникнуть даже шпионам иностранной разведки»{147}.

Дни Ягоды были сочтены. 31 марта ЦК ВКП (б) утвердил предложение Политбюро об исключении Генриха Ягоды из партии и последующем аресте. 5 апреля экс-генерального комиссара госбезопасности доставили в тюрьму на Лубянке.

Началась чистка НКВД.

Главное управление госбезопасности реорганизовали еще в ноябре 1936-го. Снятого с должности начальника Особого отдела Марка Гая перевели в Иркутск начальником УНКВД Восточно-Сибирского края. Военную контрразведку — 5-й отдел — Ежов поручил преданному ему Израилю Леплевскому, бывшему наркому внутренних дел Белоруссии. Политическую контрразведку выделили в 3-й отдел под началом Льва Миронова, до того шесть лет руководившего Экономическим отделом ОПТУ[25]. В марте 1937 года, после пленума ЦК ВКП(б), Миронов подготовил приказ «О задачах третьих отделов государственной безопасности». Начальникам контрразведывательных структур всех уровней разъяснялось, что на территории СССР действуют германская, польская и японская разведки, создавшие огромное количество резидентур и обширное антисоветское подполье. «Мы не знаем, где имеются и кто входит в состав созданных контрреволюционных организаций, вследствие чего не можем в нужный момент их ликвидировать». Для выявления предателей, заговорщиков и шпионов предписывалось пристально следить за живущими в СССР немцами, поляками и корейцами, «харбинцами» (бывший персонал КВЖД), политэмигрантами, лицами, обучавшимися и длительное время работавшими за границей, бывшими «белыми», членами запрещенных политических партий и т.д.{148}.

Сотрудник для особых поручений ГУГБ Роман Ким подпадал сразу под три признака подозрительности. Не говоря уже о

постоянных контактах с «представителями Японии».

Поздним вечером 2 апреля 1937 года черная эмка направилась с Лубянки ко 2-му Троицкому переулку.

Глава 6.
ЯПОНСКИЙ ШПИОН

Они пришли вчетвером.

Михаил Горб — воспитанник Артузова, старший майор госбезопасности, заместитель начальника 3-го отдела. Павел Калнин — лейтенант, оперуполномоченный 6-го отделения; вместе с ним Ким проводил некоторые операции, вместе их награждали орденами Красной Звезды. Капитан Соколов — заместитель начальника 2-го отделения 3-го отдела. Четвертый, неизвестный Киму, представился как сотрудник Оперативного отдела Шошин. Вслед за людьми в фуражках прошел в квартиру знакомый служащий из домоуправления — понятой, весь напряженный от страха.

Соколов предъявил ордер на арест, подписанный начальником ГУГБ Аграновым. Основания не указывались. Обыск провели быстро, говорили мало. Марианна жалась в углу и с отрешенностью смотрела на происходящее. Изъяли служебный браунинг и наградное оружие, патроны, орден и почетный знак чекиста, набили лежавший на стуле портфель Кима разной перепиской и книгами на японском языке. И еще зачем-то прихватили золотые наручные часики, которые он привез в подарок жене из заграничной командировки.

Попросили заложить руки за спину, надели наручники и увели.

А Вива Ким спокойно спал в соседней комнате. Шум не потревожил его.

* * *

Лефортовская тюрьма. 7 апреля 1937 года.

— Кто бы мог подумать, Роман Николаевич, что мы встретимся в таком месте…

Оперуполномоченный Верховин смотрел пристально, холодно. Ким хорошо помнил, как он однажды захотел отличиться и завербовал Итагаки — делопроизводителя японского посольства. Ким предупреждал, что Итагаки на плохом счету у начальства из-за сожительства с русской женщиной. Вскоре делопроизводителя без явных причин отозвали в Токио, и вербовка провалилась. Верховин, конечно же, не забыл об этом. А теперь ас контрразведки сидит перед ним как арестант.

— В каких взаимоотношениях находился ваш отец с разведчиком Ватанабе — работником генерального японского консульства во Владивостоке?

Ким ни одним движением лицевого мускула не выдал удивления: вот как, в его прошлом покопались. Теперь любое событие в его жизни, любой факт биографии может свидетельствовать против него. Смотря как повернуть и посмотреть. Вспомнился вдруг рассказ Акутагавы, который он когда-то перевел: каждый участник и жертва преступления настолько уверенно и детально описывают обстоятельства убийства, что каждого же можно обвинить.

— Я лично не знаю, был ли мой отец кем-либо завербован — Ватанабе или каким-то другим лицом. Он был крупным коммерсантом и вследствие этого располагал обширными связями во Владивостоке. Ватанабе оказал ему содействие в устройстве меня на учебу в японский колледж. О том, что Ватанабе связан с японской разведкой, я документально удостоверился лишь на работе в органах ОГПУ — НКВД. Допускаю, что посещая дом моего отца, он ставил целью заводить нужные ему связи, получать интересующие сведения, намечать объекты вербовок.

— Кто такой Сугиура Рюкичи?

— Знакомый моего отца по коммерческим делам. Поскольку не японцев в колледж не принимали, с согласия отца он усыновил меня, когда я приехал в Токио, и помог поступить в колледж. Я принял фамилию Сугиура.

— Вы встречались с ним после того, как уехали из Японии?

— Да, мельком в 1920 или 1921 году во Владивостоке, когда он посещал отца вместе с Танака Косаку, студентом коммерческого института, учившимся за счет Сугиура. Танака ныне коммерческий атташе японского посольства в Москве.

— Когда вы подтверждали свое японское подданство?

— В 1919 году, намереваясь избежать службы в колчаковской армии.

— Когда официально оформили советское гражданство?

— В 1935 году. Подал заявление во ВЦИК. Но советское удостоверение личности я имел до поступления на работу в органы ОГПУ — НКВД{149}.[26]

Компрометирующих материалов на Кима еще нет, но они усиленно ищутся. 10 апреля одна из его агенток — Валентина Гирбусова, привлекавшаяся к «освещению японского корреспондента Маруяма», признается: Ким «иногда в отношении меня допускал вольности, переходящие за служебные рамки (поцелуи)», а в июне 1936 года пригласил провести с ним отпуск

в доме отдыха НКВД. Согласилась, но была там один день, поскольку опять «допустил вольности» — позвал на коньяк вечером на балконе{150}. Нашлось и еще кое-что. Однако ход этим материалам и показаниям Кима дали не сразу.

Нежданно-негаданно арестованный понадобился чекистам по своей специальности.

* * *

20 апреля 1937 года нарком внутренних дел Ежов отправил наркому обороны Ворошилову спецсообщение с пометкой «Лично». На архивном оригинале документа есть резолюция Ворошилова от 21 апреля: «Доложено. Решения приняты, проследить. К. В.». «Доложено» — несомненно, товарищу Сталину.

«3-м отделом ГУГБ сфотографирован документ на японском языке, идущий транзитом из Польши в Японию диппочтой и исходящий от японского военного атташе в Польше — Савада Сигеру, в адрес лично начальника Главного управления Генерального штаба Японии Накадзима Тецудзо», — сообщал Николай Ежов. Еще на исходе 1920-х годов чекисты наладили перлюстрацию японской дипломатической переписки, доставлявшейся из Москвы во Владивосток и обратно по железной дороге в специальных вализах без сопровождения. В одном из вагонов почтового поезда была оборудована спецлаборатория: вализы вскрывали, документы фотографировали и пакеты вновь запечатывали соответственно изначальному виду{151}. Однако очередная перлюстрация в апреле 1937 года удалась лишь наполовину.

Качество фотокопии письма, адресованного начальнику Главного управления Генштаба Японии, оказалось настолько плохим, что сотрудники ГУГБ не смогли сделать перевод. Тогда новый замначальника 3-го отдела ГУГБ Александр Минаев (под началом Миронова он работал в Экономическом отделе) отправил начальника 7-го отделения 3-го отдела Михаила Соколова в Лефортовскую тюрьму с поручением показать текст Роману Киму. Роман Николаевич опознал почерк помощника военного атташе Японии в Польше Арао — прежде ему приходилось читать написанные им документы. Ким сумел расшифровать текст: «Об установлении связи с видным советским деятелем. 12 апреля 1937 года. Военный атташе в Польше Савада Сигеру. По вопросу, указанному в заголовке, удалось установить связь с тайным посланцем маршала Красной армии Тухачевского.

Суть беседы заключалась в том, чтобы обсудить (2 иероглифа и один знак непонятны) относительно известного Вам тайного посланца от Красной армии № 304».

Четверть века спустя Соколов рассказал комиссии Президиума ЦК КПСС, пересматривавшей дела военачальников, расстрелянных в 1937 году: «этот документ Киму удалось расшифровать после двух-трех визитов к нему. Ким был крайне возбужден, когда сообщил, что в документе маршал Тухачевский упоминается как иностранный разведчик». Сам Роман Николаевич подтвердил, что в апреле 1937-го Соколов, сославшись на приказание наркома Ежова, поручил ему перевод японского документа. Выполнив работу, он написал еще и заключение: письмо Сигеру — дезинформация с провокационной целью. Столь важное сообщение, пояснил Ким, японцы постарались бы передать шифром или с дипкурьером. Если оно было отправлено обычным способом — значит, японская разведка имела цель «довести до сведения русских» содержание документа. Комиссия ЦК не обнаружила в архивах такого заключения. Соколов в своем объяснении повторил аргументы Кима как собственные выводы по прошествии лет, посетовав, что чекисты «тогда глубоко заблуждались»{152}.[27]

Роман Николаевич умолчал лишь о факте, на который опирался, заявляя о провокации. Именно он в 1932 году переводил шифрограмму японского атташе, предупреждавшего Генштаб о вероятной перлюстрации секретной дипломатической почты[28].

Предупреждения подследственного контрразведчика наверху проигнорировали. Японский документ прекрасно ложился в канву дела, которое «ежовцы» с одобрения Сталина готовили на маршала Михаила Тухачевского, первого заместителя наркома обороны СССР. Ведь японцы еще в 1934 году задумали «наметить наиболее влиятельную группу политических врагов [Сталина] и установить с ней контакт». 10 мая 1937 года Тухачевского назначили командующим войсками Приволжского военного округа — по негласной традиции высокопоставленного подозреваемого сначала понижали в должности. 22 мая маршала арестовали. Вслед за ним взяли пятерых высших военачальников — командармов и комкоров (два комкора уже были под следствием). Всех обвинили в подготовке военного переворота, шпионаже и ослаблении военной мощи СССР в пользу Германии. Все признали себя виновными. На одном из допросов Тухачевский сознался, что получил от Троцкого установку «снабжать данными» не только германский Генеральный штаб, но и «работающий с ним рука об руку» японский Генштаб{153}.

9 июня прокурор СССР Вышинский подписал обвинительное заключение: «В апреле — мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован военно-троцкистский заговор, направленный на свержение советского правительства в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии…» Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР 11 июня объявило приговор участникам «заговора маршала» — расстрел.

Чекистов, обнаруживших письмо Сигеру, наградили знаками «Почетный работник ВЧК — ПТУ». А Романа Кима после выполненного поручения разоблачили как японского шпиона. Принадлежавшие ему знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ» и орден Красной Звезды были сданы в финансовый отдел ГУГБ и оценены в квитанции о приеме по весу: 51 грамм серебра — 6 рублей 63 копейки{154}.

* * *

Киму обещали: если он расшифрует японский документ, то это благоприятно отразится на его судьбе. 19 апреля Верховин написал рапорт на имя заместителя начальника 3-го отдела ГУГБ Давыдова: «При попытке выяснения того, как был оформлен арест Ким Р.Н., я установил, что он посажен на основании ордера, полученного в изъятие от всех существующих на сей счет правил и положений… Прошу указания, каким образом следует сейчас оформить арест»{155}.

Неизвестно, что сталось с этим рапортом, но 22 апреля другой замначальника 3-го отдела — Александр Минаев составляет справку-обоснование: «Наблюдением установлено, что Ким Р.Н., используя свое служебное положение, снабжал себя через агентуру, с которой был связан по работе, контрабандными вещами, получавшимися по его заданиям от японского военного атташе. Одновременно выявлено, что служебные отношения Ким Р.Н. с женской агентурой перешли в характер личной интимной связи… Помимо перечисленных должностных преступлений, в распоряжение ГУГБ НКВД получены прямые указания о его связи с японской разведкой. Установлено, что отец Кима Р.Н. являлся старым японским агентом, находившимся в связи с японским разведчиком Ватанабе… В феврале 1935 года наружным наблюдением было зафиксировано его [Кима] посещение японского посольства… На основании изложенного, считаю необходимым Ким Романа Николаевича арестовать»{156}.

29 апреля новый начальник ГУГБ — заместитель наркома внутренних дел СССР Михаил Фриновский санкционирует арест. 16 мая Роман Ким пишет заявление на имя Фриновского, причем обращается к нему, как и положено обвиняемому: не «тов.» — товарищ, а «гр.» — гражданин.

Ким признается, что «был привлечен японцами в 1931–1932 гг. (военным атташе Касахара) к разведывательной работе в пользу японцев. Я был взят путем шантажа. Буду давать откровенные до конца показания о своей работе у японцев»{157}.

Что же случилось в промежутке этих дат?

Бывший начальник Особого отдела Марк Гай, арестованный 1 апреля, на допросах в начале мая признался в пособничестве японским шпионам — Киму и Николаеву-Рамбергу. Гай рассказал, как виделся в 1936 году на квартире у Кима с «Майором» из японского военного атташата и заметил, что в разговоре «Майора» с Кимом «проскальзывали нотки руководителя». Он сообщил о своих подозрениях Ягоде и в ответ услышал, что Ким и Николаев-Рамберг работают на японцев, нужно обеспечить успешность их связи с японской разведкой и «прикрывать мероприятия», которые они предлагают, действуя в интересах японцев{158}.

Убийственное свидетельство. Как оно было предъявлено Киму, каких признаний потребовали от него — неизвестно. В следственном деле нет никаких материалов о допросах Кима между 7 апреля и 19 мая 1937 года. Если сравнить его подписи под протоколами, датированными этими числами, видна кардинальная разница — автограф человека, уверенно держащего перо, сменяется нервным резким росчерком, в котором инициал «Р» выглядит буквой «Г».

Едва ли не все прошедшие во второй половине 1930-х через Лефортовскую тюрьму, но уцелевшие в мясорубке репрессий, описывали ее как одну большую пыточную камеру. «“Напишешь. У нас не было и не будет таких, которые не пишут!“ — рассказал в мемуарах о первой встрече со следователем комдив Александр Горбатов. — Допросов с пристрастием было пять с промежутком двое-трое суток; иногда я возвращался в камеру на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться…»{159}. «Издевательства, которые творились с нами в Лефортово, с трудом поддаются описанию, — вспоминал Иван Тройский, бывший главный редактор “Нового мира”. — Способов было много. Одним из них были “конвейерные допросы”, то есть непрерывные допросы в течение нескольких суток подряд. Менялись следователи, а допрашиваемый оставался практически без сна. Так, например, бывший эсер Морозов, работавший

честно, назначавшийся на такие ответственные должности, как руководящая работа в нашем торгпредстве в Англии, был обвинен в шпионаже и пробыл на конвейерном допросе тридцать восемь суток без нормального сна. На какие-то минуты, по его словам, он засыпал в комнате следователя, сидя на стуле, но тут же его били и заставляли бодрствовать. В результате Морозов сошел с ума. Долго лежал в тюремной психиатрической больнице… Другой “формой дознания” были “стоянки”. “Поставить на стоянку” означало: в течение длительного времени не давать человеку ни сидеть, ни лежать, ни ходить, только стоять на месте.

Инженер Стоман, организатор дальних перелетов, простоял семьдесят два часа. Этих трех суток хватило, чтобы сделать его инвалидом на всю жизнь»{160}.

На судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР в 1940 году и на доследовании в 1945 году Ким на вопрос о мерах физического воздействия отвечал: «не применялись». На свободе после реабилитации, в откровенных дружеских беседах рассказывал, как однажды раздавил очки и проглотил битое стекло, чтобы умереть поскорее, однако врачи откачали. Судьям и следователю Роман Николаевич объяснял, что пошел на самооговор, поскольку «находился в таком состоянии, что не мог спать», «подвергался беспрерывным допросам», «думал облегчить свое пребывание в тюрьме и добиться освобождения жены». По словам Кима, Минаев в присутствии Верховина пообещал, что Марианна будет освобождена после того, как он напишет заявление на имя Фриновского{161}.

Марианну Цын взяли 19 апреля 1937 года. Пригласили на Лубянку «на два часа», якобы по служебной надобности. Сын Вива остался дома с бабушкой. В комендатуре НКВД жену Кима обыскали (вот список изъятого: кашне, пояс, дамская сумочка, два ключа, карманное зеркальце, пудреница, паспорт и деньги — 70 рублей 12 копеек). Отправили в камеру. На следующий день был выписан ордер на арест. Следственное дело завели по статье 58.6 УК РСФСР — шпионаж. Но до июня Марианну не допрашивали{162}. И не освободили после признательных показаний мужа.

* * *

Яркий свет настольной лампы, направленный в лицо, слепит глаза. В голосе комиссара госбезопасности 3-го ранга Минаева — теперь он ведет следствие вместе с Верховиным — чувствуется раздражение. Он говорит, будто вбивает гвозди.

— Прекратите врать и отпираться. Чем дольше вы упираетесь, тем больше подтверждаете свою виновность.

Перед Минаевым на столе лежит портфель Кима. Между складками на днище вложены распорки таким образом, что видна аккуратно процарапанная на коже надпись: «Ким Саори». Роман Николаевич уже проклял себя за легкомыслие. В 1936 году, когда начальство запретило ему печататься под своим именем, он придумал псевдоним Ким Саори — Ким Сеульский. И, будучи в приподнятом настроении, написал сочиненное имя на дне новенького, замечательно удобного портфеля. Псевдонимом он так и не воспользовался.

— Итак… ваша… настоящая… фамилия?

Ким еле держится на стуле. Как только он согласился написать заявление о готовности давать показания, его перевели во Внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, дали передохнуть пару дней и вновь стали терзать допросами. Вербовка японцами путем шантажа в начале 1930-х следствие уже не интересовала. Нужно было признаться, что он не кореец, а японец, и в ОГПУ внедрился во Владивостоке по заданию представителя японского Генштаба Ватанабе.

— Моя настоящая фамилия…

Когда Ким оказался во Внутренней тюрьме, та показалась ему чуть ли не санаторием. Высокие потолки. Человеческие кровати. Паркет! И, самое поразительное, в тюрьме была библиотека! Изголодавшись по чтению, Ким взял первую приглянувшуюся книгу — сборник документов по истории российско-японских отношений.

— …настоящая фамилия… Все, он сломался.

— …Мотоно Кинго. Я являюсь внебрачным сыном японского дипломата Мотоно Ичиро, бывшего посла в России в годы империалистической войны и впоследствии министра иностранных дел при кабинете Ямамото. Основное образование я получил в императорском лицее в Токио. Было решено, что там я буду учиться под именем Саори Кинго. Саори — имя жены Мотоно Ичиро. Мой отец Мотоно Ичиро умер в 1928 году…

Дальше для фантазий хватит настоящей биографии. С японским разведчиком Ватанабе, прикрывавшимся дипломатическим статусом, знаком с детства. При помощи японского консульства освободился от военной службы у белых. В конце 1922 года согласился работать на японцев, чтобы отплатить свой долг. С одобрения Ватанабе устроился на службу в ПримГПУ, уехал в Москву. В 1925 году установил связь с секретарем японского посольства, на самом деле полковником Генштаба Сасаки Сейго. «Сасаки преподал мне линию поведения,

сводящуюся к тому, чтобы я с максимальной осторожностью закреплял свое положение в ОПТУ». Закрепившись, летом 1932 года встретился с помощником военного атташе Ямаокой и получил указания по предоставлению разведывательных сведений. Ямаока пообещал, что Киму помогут организовать технические выемки из сейфов военного атташата (документальный материал при этом будет дезинформационным), окажут полное содействие в вербовке любого из японцев, находящихся в СССР, и позволят проводить комбинации с дипкурьером для перлюстрации документов. Все это поднимет вес Кима у руководства ОГПУ.

Верховин старательно записывает, Минаев подсказывает, задает наводящие вопросы, формулирует ответы — остается кивать головой или молчать. Молчание — знак согласия.

На последующих встречах Кима с Ямаокой ему были переданы: данные о структуре органов ОГПУ и методике работы контрразведывательного отдела, об объектах под наблюдением ОГПУ, список агентуры по японской линии, ряд секретных приказов и ориентировок по японским и корейским делам, а также некоторые дислокационные данные по РККА.

— Как вы завербовали Гая и Николаева-Рамберга?

Ким внутренне вздрогнул. Он не очень-то высоко ценил своих бывших начальников, но одно дело наговаривать на себя, а другое…

— Гай сознался, что вы свели его с японским майором Мидзуно.

Сознался и Ким… В мае 1936 года он пригласил Гая на явочную квартиру якобы для беседы с завербованным Мидзуно. Гаю показали секретные документы с его подписью и намекнули, что они могут быть опубликованы в японской прессе. Но в случае успешного сотрудничества Мидзуно пообещал Гаю устроить побег в Японию, где его наградят генеральским чином. Уходя, Гай сказал: “Теперь все в порядке. На меня надейтесь”. А с Николаевым вышло проще. Начальник 6-го отделения был завербован в начале 1935 года на пьянке у резидента Хильми, работавшего с ближневосточной агентурой НКВД — благодаря компрометирующим материалам о связях Николаева с агентом Саркисянц и самим Хильми, имевшим подозрительные доходы. «С моих слов записано правильно. Р. Ким»{163}.[29]

Марк Гай, впрочем, рассказывал совсем иное, но на то они шпионы и предатели, чтобы лгать и изворачиваться.

Нарком Ежов, ознакомившись с показаниями Мотоно Кинго, полностью отдал потрясающему разоблачению очередное спецсообщение Сталину о следственной работе НКВД (от 21 мая

1937 года).

23 мая допросы продолжились. «Я предназначался японским Генеральным штабом главным образом для разведывательной работы для “хидзиодзи” (чрезвычайного времени, т.е. предвоенного и военного периода). Пользуясь своими возможностями, освещал факты вербовок советских граждан в окружении японцев, организацию наружного наблюдения за наиболее подозрительными японцами, передал в атташат список агентуры, подставленной японцам, сообщал сведения из ежедневных секретных рапортов Особого отдела наркому внутренних дел. Передал атташе Хата список советских граждан, годных для вербовки. Вместе с дезинформацией передавал военным атташе через агента “Тверского” настоящие данные — о дислокации авиационных бригад, постройке укрепрайонов и т.д. “Японская агентура, которая была приобретена органами ОПТУ — НКВД по линии военного атташата, по существу, была для НКВД подставлена…” Поездка в Прагу в 1936 году за материалами от Мидзуно была лишь предлогом для встречи с японским военным атташе в Германии генерал-майором Осими. Встреча не состоялась, так как Осими был занят вопросом заключения германо-японского пакта. Зато на обратном пути в Варшаве на вокзале переговорил с военным атташе Японии в Польше генерал-майором Савада. Тот сообщил об “энергичной разведывательной работе на Одессу и вообще юг СССР через Румынию” и предупредил о приезде в СССР своего агента — польского журналиста Оссендовского. Когда он выйдет на связь, паролем будет фраза “Земля есть шар”, сказанная по-гречески. Но Оссендовский так и не объявился. С моих слов записано правильно. Р. Ким. Допросили: Минаев, Верховин»{164}.[30]

2 июня Сталин, выступая на расширенном заседании Военного совета при Наркомате обороны СССР, объявил: «Ягода шпион, и у себя в ГПУ разводил шпионов… Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение»{165}.

Марк Гай был расстрелян 20 июня 1937 года. Создателя советской контрразведки и внешней разведки Артура Артузова (после ИНО он служил в Разведывательном управлении Штаба РККА) за организацию антисоветского заговора приговорили к высшей мере наказания 21 августа 1937 года. Его преемника на посту начальника КРО Яна Ольского арестовали 30 мая, расстреляли 27 ноября 1937 года. Бессменного руководителя

Спецотдела ОПТУ — ГУГБ Глеба Бокия арестовали 16 мая, расстреляли 15 ноября 1937 года. Генриха Ягоду берегут для нового грандиозного судебного процесса, подготовка к которому закончится в январе 1938 года.

* * *

Для правосудия недостаточно личного признания. Госбезопасность собирает свидетельства и доказательства шпионской деятельности Кима.

Арестованный секретарь ГУГБ НКВД Павел Буланов на допросе 2 июня 1937 года признается: «Со слов Ягоды знаю, что Ким является крупным японским разведчиком…

Ягода приказал Гаю облегчать шпионскую работу Кима… Говорил, что Ким прикрывает японские шпионские базы и связи на территории Советского Союза»{166}. Почему те же показания не берут у самого Ягоды — непонятно. Видимо, следователи выясняли более важные моменты контрреволюционной деятельности бывшего наркома.

9 июня гр. Ким Р.Н. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 58.6 УК РСФСР — шпионаж. В тот же день обвиняемый подписывает следующий документ: «Признаю себя виновным в том, что начиная с 1922 года по день моего ареста я, находясь на работе в ОГПУ — НКВД, был связан с японской разведкой и по ее заданию занимался активной разведывательной работой в пользу Японии. Мотоно Кинго (Ким)»{167}.

— Ну что, Роман Николаевич, раз признали, надо раскрывать свои связи. Кого из агентов японской разведки вы знаете?

Для старшего лейтенанта Верховина настал звездный час. В прямом и переносном смысле. Допрос ведется, как обычно, ночью — с 15 на 16 августа 1937 года. Верховин работает один. Минаев слишком занят, он теперь исполняющий обязанности начальника 3-го отдела ГУГБ. Прежний начальник отдела Миронов арестован два месяца тому назад (оказалось — заговорщик и шпион, и как хорошо маскировался!).

— Что молчим? Ощепков вам известен? — Да.

— Кто такой Ощепков?

— Когда мы познакомились, он преподавал японский язык в Институте востоковедения и работал в Центральном институте физкультуры. Василий Сергеевич учился в Токио в русской духовной семинарии. Во время японской интервенции на Дальнем Востоке был переводчиком на Сахалине. Со слов

япониста Юркевича знаю, что он как будто работал в Разведупре. Юркевич нас и познакомил, по моей просьбе. Кажется, в 1929 году. Я в то время интересовался системой «джиу-джитсу». В последующем у меня изредка бывали встречи с ним на той же базе. Но в последние три года я Ощепкова не видел. И… по разведывательной линии с ним связи не имел.

— Ощепков — японский шпион! Вы не могли о нем не слышать! Например, от военного атташе Хата!

— Хата не говорил, получает ли японская разведка какие-либо материалы от Ощепкова.

— Так и запишем: «Об Ощепкове как об агенте японской разведки я узнал со слов военного атташе Хата». А еще вы наверняка знали, что Ощепков учился в Токио вместе с Юхаси. Знаете Юхаси? Конечно, знаете, он же из разведслужбы японского Генштаба! Значит, знаете и то, что Юхаси привлек Ощепкова к разведывательной работе, когда служил в японском консульстве во Владивостоке. И поддерживал с ним связь, когда стал драгоманом японского посольства в Москве. Записано. Теперь перейдем к Юркевичу. Кем он был завербован?

— Не знаю.

— Говорите, что знаете.

— Мы знакомы по Владивостокскому Восточному институту. Юркевич был связан с подпольным работником Фортунатовым, задания которого выполнял. Это мне говорил сам Юркевич. Позднее я с Юркевичем встречался в Москве…

— …и установил с ним связь на разведывательной основе. Теперь ясно{168}.[31]

Верховину удалось составить обширный список шпионов и предателей. В нем оказались: бывший резидент ИНО в Харбине Иван Перекрест («лично не был знаком, о работе на японцев сделал вывод из беседы с Ямаока»), профессор Невский («лично мне неизвестен», «Хата сообщил, что Невский и его жена прикрывают японскую резидентуру в г. Ленинграде, каков состав — мне неизвестно»), профессор Мацокин («со слов Кавабэ, на связи с японцами с дореволюционных лет»), переводчик советского полпредства в Японии Лейферт («должен вести разведывательную работу по моему указанию, но не вышел на связь»), корреспондент ТАСС в Японии Наги («связник, возможно резидент»), бывший сотрудник Исполкома Коминтерна Цой-Шену («агент»), бывший сотрудник НКИД Вознесенский («в 1923–1926 годах систематически встречался с Отаке»), бывший сотрудник советского военного атташата в Японии Смагин («связан с японским Генштабом, Хата периодически встречался с ним как работником Наркомата обороны»), корреспондент «Бомбей Дейли

Ньюс» Азис-Азад («агент Особого отдела НКВД для связи в военное время», одновременно «привлечен к разведывательной работе бывшим атташе Кавабэ»), корреспондент австрийской газеты «Нойе Фрейе Пресс» Бассехес («резидент на случай военного времени»). Еще Ким припомнил агента Бремана, связанного с японским корреспондентом Маруямой, и секретаря артиллерийской академии в Ленинграде, завербованного тем же Маруямой[32].

— Почему же у вас были настолько доверительные отношения с атташе Хата и Кавабэ, что они раскрывали перед вами засекреченных агентов?

— Я являюсь кадровым работником особой службы японского Генерального штаба и имею чин подполковника…

Ким понимает, что бредит наяву, пытаясь опровергнуть окружающий бред, но лишь подпитывает его.

— Раз так, вы должны были знать о создании японской агентуры на Забайкальской, Томской и Омской железных дорогах, а также агентуры на судостроительном заводе в городе Николаев, связь с которой японцы держали через директора Одесского музея Костенко. Знали? Не увиливайте, бесполезно. Ведь все известно, все уже в протоколе. Подписывайте.

«С моих слов записано правильно. Мотоно (Ким)».

Понимал ли Ким, что вносит вклад в приговор своим знакомым и лично не знакомым, но явно не виновным людям? Думаю, да. А может, он подписывался ложным именем в надежде, что когда дело дойдет до суда, пирамида выдуманных показаний рухнет. Не может же безумие длиться бесконечно? Во Внутренней тюрьме НКВД он содержался в одиночной камере и не представлял, что творится снаружи. Или догадывался, памятуя о прошлых арестах и процессах?

«Целый ряд лиц из числа антисоветского продажного отребья, привлеченных к суду в 1936–1937 гг. за шпионаж и диверсию по заданиям японцев, оказался старыми японскими разведчиками, завербованными еще в годы интервенции, — разъясняла ситуацию “Правда”, главная газета СССР. — Японская разведка всячески поощряла возможно более глубокую маскировку своих шпионов… В течение 10–15 лет эти гады смирно сидели в своих норах, выжидая инструкций от своих хозяев… Ряд шпионских дел говорит о том, что среди массы завербованных шпионов японская разведка выделяет определенную категорию особо доверенных агентов, которые на протяжении многих лет систематически были связаны с закордонным разведывательным центром. Этим агентам или “резидентам” японской разведки поручались не только сбор шпионских сведений и устройство диверсионных

актов, но и вербовка новых шпионов… За последнее время изрядное количество чрезвычайно тонко замаскированных японских шпионов выловлено и разоблачено… Характерный случай, имевший место в Ленинграде: в 1936 г. там был разоблачен как разведчик пожилой японец — “рабочий”, прибывший в Ленинград и осевший там по заданию Генштаба еще в 1916 г. 20 лет сидел шпион на одном месте. К нему привыкли все окружающие, считали его “своим парнем”, посвящали его в государственные тайны. Из 20 лет, проведенных им в Ленинграде, шпион А. большую часть времени не вел активной шпионской работы. В 1934 г. он получил даже от своих хозяев специальное предписание прекратить всякую шпионскую деятельность: японская разведка берегла этого агента для чрезвычайно ответственных диверсионных поручений, которые он должен был начать выполнять во время войны Япония с СССР…»{169}

* * *

Марианну Цын впервые вызвали на допрос 14 июня 1937 года. Следователь Верховин был спокоен и вежлив.

— С кем из проживающих в СССР японцев вы встречались?

Марианна рассказала о знакомстве с Маруямой (он все еще работал корреспондентом в Москве). Затем о встрече с Отакэ в его последний приезд в Москву и бывшим коммерческим атташе Каватани на художественной выставке, где она побывала вместе с мужем.

— В составе японской колонии в Москве у вас были связи?

Марианна назвала Хидзикату и Секи Сано. — Я всегда бывала в их обществе только в присутствии Кима…

Припомнила, как в 1927 году по поручению ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) была гидом левого писателя Акиты, приглашенного в Москву на празднование десятилетия Октябрьской революции. Еще упомянула о давнем случайном знакомстве (услышала японскую речь в кинотеатре) с двумя студентами из Коммунистического университета трудящихся Китая — они обещали ей помочь трудоустроиться переводчицей японского языка, но разыскать их в университете не удалось{170}.[33]

— Только позднее я догадалась о секретности этого учреждения…

Старший лейтенант Верховин не пытался вытянуть из Марианны показания против мужа — Ким и так во всем признался. Не требовал признаний в собственной шпионской

деятельности — участь подследственной уже была предрешена. Он дал ей передышку и быстро подготовил постановление: «Цын М.С. следствием изобличается в том, что оказывала содействие своему мужу Киму Р.Н. в разведывательной работе в пользу Японии… Привлечь в качестве обвиняемой по ст. 58 п. 6 УК РСФСР». Заверив документ у начальника 7-го отделения 3-го отдела ГУГБ капитана Соколова и помощника начальника 3-го отдела капитана Найдича, он в тот же день продолжил допрос. В дополнительном протоколе записан один-единственный вопрос.

— Вам предъявляется обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 6, то есть в том, что вы оказывали содействие Киму Роману Николаевичу в шпионаже в пользу Японии. Признаете ли вы себя в этом виновной?

— Виновной себя не признаю. Я не только не помогала ему в разведывательной работе, но даже не знала о его причастности к каким-либо иностранным разведывательным организациям{171}.

Марианну Цын переводят в Бутырскую тюрьму. 26 июля Верховин подписал у замнаркома Фриновского ходатайство о продлении следствия в связи «с выявленными новыми обстоятельствами в отношении арестованной». Это была лишь формальная формулировка. Следующий допрос состоялся ровно через месяц и вел его сержант госбезопасности Мальцев. Он расспросил Марианну об отце — Самуиле Матвеевиче, о начале службы переводчиком в ОПТУ, браке с Кимом и фактах знакомства с агентами, которых контролировал Ким{172}.

28 августа сержант Мальцев составил обвинительное заключение. Оно полностью построено на показаниях подследственной, каждый факт истолкован как признак преступления. «Еще до поступления в ОГПУ — НКВД Цын имела обширные связи среди японцев, занимавшихся шпионской деятельностью». Доказательство? «В 1925 году в г. Чите познакомилась с корреспондентом японской газеты Маруяма, установленным разведчиком…» «Встретив двух студентов КУТК'а, приняв этих китайцев за японцев, проявила инициативу к сближению. Позднее, несмотря на прямое нежелание новых знакомых встречаться… энергично принимала ряд мер к сближению… Находясь на работе в аппарате ОГПУ — НКВД, Цын самостоятельно и через своего мужа Кима Р.Н. заводила новые знакомства с японцами (Каватани, Отаке, Хиджиката, Секи Сано, Акита)…»{173}.

Не важно, что Отакэ переводил на японский сочинения Ленина, Акита симпатизировал СССР, а Хидзиката и Сано считались левыми театральными режиссерами. Коварству японских шпионов нет предела. Недаром «Правда» писала:

«Агенты, проникающие в СССР под различными безобидными вывесками — рабочих-эмигрантов, цирковых артистов, “левых” интеллигентов (режиссеров, литераторов и т.д.), — принадлежат к категории специально натренированных разведчиков-профессионалов». Хидзиката и Сано, как ни цинично это звучит, повезло — как подозрительные лица они были «выдворены из СССР» во Францию. Но их коллегу по цеху, режиссера Ленинградского театра им. Радлова Хаттори Санджи в мае 1937 года расстреляли как шпиона.

«Цын, заведомо зная, что Ким своими преступными отношениями с отдельными негласными сотрудниками НКВД, выразившимися в переходе с агентурой на короткую ногу, установлении интимных отношений с женской агентурой, не только не принимала мер к пресечению таких явлений, а наоборот всячески содействовала в этом Киму: Цын принимала агентов в качестве своих гостей, — записал Мальцев. — На основании вышеизложенного обвиняется в том, что на протяжении ряда лет систематически поддерживала связь с японцами, подозреваемыми в шпионской деятельности. Являлась женой крупного японского шпиона Кима Р.Н. и содействовала ему в его предательской деятельности. Дело направить на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР».

Начальник контрразведки комиссар госбезопасности 3-го ранга Минаев поставил на документе визу: «Утверждаю».

* * *

21 августа 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к расстрелу бывшего замначальника контрразведки Михаила Горба — он был арестован как участник антисоветского заговора спустя три недели после того, как приходил за Кимом.

На следующий день «раскололся» майор Николаев-Рамберг, арестованный еще в апреле. Допрос вел капитан госбезопасности Григорьев, заместитель начальника 3-го отдела — человек конкретный и хорошо знающий дело (под началом Минаева в УНКВД Сталинградской области он руководил местной контрразведкой и был рекомендован к переводу в центральный аппарат НКВД).

Израиль Николаев-Рамберг, служивший в ВЧК с 1919 года и в восточном отделе ОПТУ с 1923 года, рассказал, что является убежденным троцкистом и лишь прикрывался партийным билетом. В 1933 году встал на путь абсолютной пассивности в работе и разложения. Начал пьянствовать на средства,

отпускаемые на оперативные расходы, получал подарки от агентуры. По рекомендации Романа Кима завербовал корреспондента «Симбун Ренго» Оокату, и в конце 1935 года сам был завербован Оокатой, от которого и узнал, что Ким — японский разведчик. Оокате он сообщил структуру НКВД, методику контрразведывательной работы и сдал агентов НКВД по японской линии. По заданию Оокаты тормозил работу по японской линии и подчинил Киму работу по японскому посольству — так, чтобы под контролем Кима оказался весь японский сектор. Но перед ним как японский агент не раскрывался и предпочитал вести предательскую работу вне связи с Кимом{174}.

9 сентября Григорьев допросил Кима. Спрашивал о том, каких секретных агентов Ким намеренно провалил перед японцами, а какие уже были завербованы японцами, когда он принял агентурную сеть. Составил список: от некоей Чмуль, квартирохозяйки помощника военного атташе Ямаоки, до агента «Тверского», о двойной роли которого Киму сообщил Хата. Записал признание: «зная, что они являются двойными агентами, не предпринял никаких мер к удалению их из сетей». Кого именно из проваленной агентуры перевербовали японцы — Ким затруднился сказать, но согласился, что вся «указанная мною агентура на протяжении длительного периода “благополучно” работала или имела отношение к японцам»{175}.

Протокол допроса от 9 сентября — последний в следственном деле, подписанный Кимом и датированный 1937 годом.

Его бывший шеф по 6-му отделению Николаев-Рамберг был расстрелян 20 сентября 1937 года. 16 сентября Особое совещание при НКВД СССР приговорило Марианну Цын к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на восемь лет. Перед отправкой по этапу ей сообщили, что ее муж Роман Ким «получил высшую меру наказания»{176}.

На самом деле Роман Николаевич был жив и даже не осужден.

Глава 7.
З/К ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

«Там я по счету девять все-таки встал…» Вот так лаконично, в письме другу, Роман Николаевич Ким однажды припомнил 1937 год{177}.

«С сентября 1937 года и до настоящего времени используется органами НКГБ СССР на специальной работе, которая оценивается весьма положительно», — говорится в заключении по следственному делу Кима, составленном в августе 1945 года. Сочиняя заявление замнаркому Фриновскому, Ким попросил «до суда дать мне возможность быть полезным — работать над японскими документами 3-го отдела и особенно 7-го (ИНО)», и на доследовании в 1945 году он упомянул, что до сентября 1937-го между допросами «выполнял ряд экспертиз и делал переводы японских документов»{178}.

Что произошло в том самом сентябре — загадка. Оставить «японского шпиона» в живых и на специальной работе могли только по распоряжению Ежова и с одобрения Сталина.

* * *

Очевидно, Кима спасло блестящее знание японского языка и специфики получения и анализа информации по японской линии.

Не исключено, именно он переводил «полученный нами агентурным путем японский документальный материал — доклад бывшего помощника японского военного атташе в Москве капитана Коотани “Внутреннее положение СССР (Анализ дела Тухачевского)”, сделанный им на заседании японской дипломатической ассоциации в июле 1937 года» (сообщение Ежова Сталину от 10.12.1937). Дело Тухачевского, объяснял Коотани, — очередное проявление политической чистки, начатой Сталиным несколькими годами ранее и пронизавшей всю страну. Сталину нужно беспрекословное повиновение для проведения в жизнь своих планов. Чистка углубляет взаимную подозрительность в руководящей прослойке советских органов и среди комсостава Красной армии, как следствие — репрессии продолжаются. «Все это наносит вред духовной спаянности народа, и не подлежит никакому сомнению, что с точки зрения синтетической оборонной мощи или государственной обороны в

широком понимании моральная слабость СССР будет все больше сказываться. Нужно, однако, иметь в виду, что диктатура Сталина необычайно сильна и что нынешний процесс проведен для усиления диктатуры Сталина, то есть процесс как таковой является успехом…»[179]

Даже если Роман Николаевич не видел этого документа и перевод был сделан силами ИНО (он заверен подписью начальника 7-го отдела ГУГБ Слуцкого), между Кимом и докладом в Токио есть иная, более весомая связь. Капитан Коотани Эцуо служил в Москве с марта 1935 года по апрель 1937 года. Он был последним представителем военного атташата, дававшим поручения мнимому источнику в РККА и получавшим информацию через агента «Тверского». Канал перекрылся с началом арестов в ГУГБ. Но исчезновение агента, похоже, лишь укрепило японцев во мнении, что сведения поступали верные. Описывая рост военной мощи СССР, Коотани использовал «данные, которые имелись в моем распоряжении к моменту моего отъезда из Москвы». Согласно двухлетнему плану расширения вооружений численность Красной армии к началу 1939 года будет доведена до 1 800 000 человек (в том числе 100 пехотных дивизий и 37 кавалерийских дивизий), количество мотомеханизированных корпусов — до 10, авиабригад — до 60.

А данные были основательно неверны. Авиабригад к 1939 году предполагалось создать 132, танковых корпусов — 20 (впоследствии число снижено до 16 «ввиду недостатка материальной части»). Количество кавалерийских дивизий — сократить до 25, а стрелковых — нарастить до 96, при общей численности кадрового состава РККА в 1 665 790 человек[180]. Дезинформационный канал, налаженный при участии Кима, выполнял свои задачи до момента внезапной ликвидации.

* * *

«В течение всего 1938 года я не допрашивался, а все время выполнял специальные работы по линии японского отделения», — рассказывал Ким на доследовании в 1945 году[181].

Поразительно, но на него продолжали собирать обличающие материалы, и в прежнем разрезе — японский шпион. В октябре 1937 года арестованный юрисконсульт «Востокстали» Александр Мартынов сознался, что завербован в начале 1930-х во Владивостоке резидентом японской разведки по фамилии Ней, и узнал от него, что проживающий в Москве Роман Ким — шпион, имеющий «на связи шпионскую сетку»[182]. В марте 1938 года

арестованный сотрудник Разведывательного управления РККА Воронинов, начинавший службу в КРО ОГПУ, показал: в ноябре 1923 года он был завербован представителем японской разведки Романом Кимом. Ким «дал ему указания работать в ОГПУ так, чтобы быть на хорошем счету, заявив, что он, Воронинов, предназначается для особой роли в запасную сеть, которая будет действовать только в момент войны»{183}. В том же марте бывший преподаватель Дальневосточного университета Трофим Юркевич, «изобличенный в шпионаже в пользу Японии», признался: в получении сведений по шпионским заданиям ему помогали Роман Ким и Марианна Цын, у которых он неоднократно «бывал на квартире»{184}.

7 июля 1938 года арестованный начальник рисового управления ростовского ОблЗУ Василий Когай, кореец по национальности, на допросе показал: с резидентом японской разведки Ким Р.Н. он познакомился в 1928 году в Москве, когда поступил во Всесоюзную академию соцземледелия. В апреле 1929-го получил от Кима задание под предлогом изучения сельскохозяйственных земель выехать в Казахстан для налаживания контрреволюционной работы и подготовки повстанческих кадров. А в Ростове-на-Дону он, также по заданию Кима, собирал сведения об экономике края, расположении предприятий оборонного значения и дислокации частей РККА{185}.

5 августа 193 8 года бывший начальник резервов УНКВД Московской области капитан госбезопасности Иван Чибисов признался: «я также подозреваю в связях с японцами Ким Р.Н.». И это заявил опытнейший контрразведчик, один из организаторов операции «Мечтатели»!{186}.[34]

В следственном деле Кима подшита записка тюремного стукача от 15 декабря 1938 года: «Мне известно из разсказа ар. Именитова М.С. в камере Внутренней тюрьмы НКВД от 3.IX до 15.IX. 1938 с которым я находился вместе в камере в отношении арестованного бывшего сотрудника НКВД Ким следующее: Ким в разговорах с Именитовым неоднократно выражал чувства глубокой ненависти в отношении народного комиссара гр. Ежова… Считал что по вине народного комиссара было разгромлено японское отделение НКВД, так что теперь Советский Союз остался без контрразведки в отношении Японии… Так как ему была дана возможность работать, будучи в тюрьме, он часто возвращаясь с работы в камере разсказывал о том что он делал… Разсказал что в иностранной печати, которой он имел обязанность разработать, он читал статью Керенского против народного комиссара… Неоднократно с Именитовым говорил о

Борис Савинковым, который он очень хвалил и в котором видел личность очень подходящей в нашем времени…» (орфография и пунктуация оригинала сохранены). Позднее Ким дал разъяснения на этот донос: в конце 1937 года он сидел в общей камере, и в числе его сокамерников был некто Именитов. Но Ким настаивал, что никому не говорил о своей работе «наверху», тем более «о содержании документов, которые мне, несмотря на мое положение арестованного, давали прорабатывать». «Говорил только, что хожу наверх на положении “временно используемого” для сдачи своих дел». Статья Керенского — выдумка, а обсуждение Савинкова — нет. «Я рассказал в камере о судебном процессе над ним в Ленинграде. Я, возможно, сказал тогда, что Савинков вел себя на суде очень хорошо, мужественно признав преступность всей своей предыдущей деятельности»{187}.[35]

И еще Ким признал, что отрицательно отзывался о Ежове. Этим он не мог сделать себе хуже. 9 декабря 1938 года грозного наркома внутренних дел, как сообщали газеты, освободили от обязанностей согласно его просьбе.

В личном письме Сталину Ежов каялся, что «не справился с работой такого огромного и ответственного Наркомата». В частности, «не принял должных мер чекистской предупредительности» — допустил предательство Люшкова. Бывший заместитель Секретно-политического отдела ОГПУ, начальник УНКВД Дальневосточного края Герман Люшков в июне 1938 года бежал к японцам через маньчжурскую границу. Месяц спустя он выступил в Токио на пресс-конференции, объявив на весь мир о своем побеге. Предательство высокопоставленного и много знающего чекиста шокировало советское руководство. Падение Ежова было стремительным. К этому моменту «взаимная подозрительность в руководящей прослойке» достигла того градуса, когда к стенке стали ставить верных «ежовцев». Бывшего начальника 5-го отдела ГУГБ Леплевского, участвовавшего в следствии по делу Тухачевского и затем переброшенного на транспортный отдел, расстреляли как участника антисоветского заговора 28 июля 1938 года. Спустя месяц тот же приговор вынесли бывшему начальнику 3-го отдела Льву Миронову. Его преемника Александра Минаева, успевшего поруководить еще и 8-м (промышленным) отделом ГУГБ, арестовали в ноябре 1938 года. Николай Николаев-Журид — начальник 5-го отдела с июня 1937-го, продолживший чистку комсостава Красной армии, и 3-го отдела с марта 1938-го — дотянул до октября. Правда, тут «ежовцами» занялся новый глава ГУГБ и новый человек в высших государственных сферах, выбранный Сталиным — Лаврентий Павлович Берия. С декабря 1938 года — нарком внутренних дел

Союза ССР.

Самого Ежова арестуют в апреле 1939 года. На допросе он признается, что был завербован германской разведкой, а его жена — английской и помимо шпионажа организовал антисоветский заговор и готовил государственный переворот. 3 февраля 1940 года Ежова приговорят к высшей мере наказания.

* * *

Берия устранял перегибы. При нем из лагерей, после пересмотра дел, выпустили свыше 223 000 осужденных. Но Военная коллегия Верховного суда и Особое совещание при НКВД по-прежнему выносили приговоры по 58-й статье, а разведку и контрразведку продолжали трясти. Из ста сотрудников иностранного отдела ГУГБ на службе оставили не более двадцати. Многие опытные резиденты, разведчики-нелегалы и оперативные работники были расстреляны либо отправлены за решетку{188}.

«В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах, — вспоминал Судоплатов. — Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос: — Вы уверены, что они нам нужны? — Совершенно уверен, — ответил я. — Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит…»{189}

Точно так же и в 1939-м рассудительные чекисты, не попавшие под подозрение у нового руководства НКВД, пытались вытащить из тюрем бывших коллег — ценных специалистов. Ким рассказывал, как весной 1939 года начальник 2-го (японского) отделения 3-го отдела ГУГБ Александр Гузовский встретился с ним и обнадежил: «в моем деле много сомнительного и я буду вскоре передопрошен»{190}. Гузовский некогда служил вместе с Кимом в 4-м отделении Особого отдела, пережил целых две чистки — при Ежове был назначен помощником начальника 5-го отделения Особого отдела, при Берии начальником отделения в контрразведке.

4 июня замнаркома внутренних дел Меркулов утвердил постановление о продлении срока следствия по делу Кима. Ходатайство подал Гузовский, составил оперуполномоченный 2-го отделения 3-го отдела ГУГБ Дарбеев: арестованный выставил

ряд фактов, опровергающих материалы, имеющиеся в следственном деле, требуется производство дополнительного расследования{191}. А ведь не так давно тот же Гузовский записывал показания коминтерновца Ким Даня в работе на японскую разведку и создании диверсионно-повстанческой корейской организации в Дальневосточном крае. Дарбеев же допрашивал Никифора Пака — корейского коммуниста, работавшего по заданиям НКВД в Шанхае и Сеуле и арестованного по обвинению в шпионаже и подготовке диверсионных актов{192}.

Теперь сержант госбезопасности Дарбеев не выжимает признания, а выясняет, задает взвешенные, уточняющие вопросы (почерк у него аккуратный, буквы округлые, сроки ровные, а у Кима — все тот же нервный автограф). Допросы 3-го, 5-го и 17 июня — о родителях, жизни во Владивостоке, учебе в Японии, возвращении в Россию, годах японской интервенции, работе в ПримГПУ, переезде в Москву и поступлении на службу в КРО. Странно, что Роман Николаевич ничего не сказал о своей подпольной работе. Но его о том и не спрашивали, а он не спешил откровенничать — зная или подозревая, что те заслуги уже некому подтвердить.

«На следствии в 1937 г. мне заявили, что я являюсь японцем, что Ким это не моя фамилия, и требовали от меня, чтобы я назвал настоящую японскую фамилию… Я пытался утверждать, что никогда японцем не был, но мои утверждения не принимались следствием во внимание…» (допрос 10 июня 1939 года). «Должен сказать, что я никогда не был завербован в японскую разведку… Данные мною показания в 1937 г. являются вымышленными, т.к. я пришел к выводу, чтобы скорее написать показания и тем самым дать возможность следствию закончить мое дело…» (допрос 22 июня 1939 года){193}.

Казалось бы, дело идет к пересмотру дела. И тут в доследовании случается разворот.

По ходу чистки дальневосточного сектора Иностранного отдела ГУГБ Михаил Добисов-Долин, бывший сотрудник Исполкома Коминтерна и резидент в Шанхае, работавший под вице-консульским прикрытием, признался: в 1925 году он установил шпионскую связь с Романом Кимом и выполнял его задания. А в середине 1930-х Ким советовал ему добиться перевода в другое подразделение ИНО — в связи с тем, что 7-й сектор целиком находится под контролем японцев, и «я как бы остаюсь лишним с точки зрения выполнения заданий японской разведки». Но получить новое назначение не удалось{194}.[36]

15 июля Киму устраивают очную ставку с Добисовым-

Долиным. Время — 22 ч. 50 мин. Ставку проводят следователь Особого отдела лейтенант Кузовлев и старший лейтенант госбезопасности Гузовский. Добисов рассказал, как осенью 1925 года в пустой аудитории Института востоковедения у него состоялся разговор с Кимом: «Ким заявил мне, что ему известно о том, что, будучи в Китае, я связался с японской разведкой… Это было начало моей шпионской связи с Кимом». Он выполнил задание «достать материалы по Восточному отделу Коминтерна». А в 1926 году перед отъездом в Китай получил от Кима пароль для связи с японцами в Китае — открытку, разрезанную по диагонали. Эту открытку он предъявил сотруднику японского посольства в Шанхае Саваре и контактировал с ним до своего возвращения в СССР в 1931 году. После встречался с Кимом в Москве — в три-четыре приема передал списки агентуры ИНО по Китаю, Корее и Японии. А осенью 1933 года Ким явился к Добисову на квартиру вместе с сотрудником японского посольства Сато. Японец спрашивал о политике СССР в отношении Маньчжурии и о резидентурах на Дальнем Востоке, Ким переводил. Зимой 1935 года состоялась еще одна встреча с Сато: говорили о ситуации с КВЖД и арестах в связи с убийством Кирова. Наконец, в 1936 году накануне командировки в Китай от Кима было получено задание о возобновлении связей с японской разведкой.

«Вы не оговариваете Кима?» — интересуется следователь. «Не оговариваю, — отвечает Добисов, — так как никакого смысла оговаривать его у меня нет». Ким, подтвердив знакомство с Добисовым в Институте востоковедения, защищается вяло: «отрицаю», «впервые слышу», «говорит неправду». «Встречался только в ИНО, т.к. Добисов работал в 7 секторе, куда я заходил по делам службы. Больше я нигде с ним встреч не имел…» Пытаясь уличить визави во лжи, Роман Николаевич спрашивает, как он был одет, когда якобы приходил к нему вместе с Сато. Но не говорит в свое оправдание, что поручать «достать материалы Коминтерна» не было смысла, так как он сам имел к ним прямой доступ. Под конец он совсем стушевался: «Имел ли я служебные встречи с Добисовым, я сейчас не помню. В основном ходил к Чибисову… Возможно, встретил там и Добисова»[195].

А дальше… следствие приостанавливается. «Согласно приказания Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР — комиссара государственной безопасности 1 ранга тов. Берия», Роман Ким «был использован для выполнения спецзадания»[196]. Что это было за спецзадание, в следственном деле нет ни малейших намеков. Отношения СССР и Японии весной 1939 года обострились до крайности. Полем пробы сил стала Монголия. В

Монголии размещался 57-й особый корпус РККА, прикрывавший сибирскую границу. Японцы же (формально — Маньчжоу-Го) претендовали на монгольские земли восточнее реки Халхин-Гол. Бои шли с 8 мая по 15 сентября — день подписания соглашения о прекращении военных действий, и это была самая настоящая война, в отличие от прошлогоднего двухнедельного столкновения близ озера Хасан. Возможно, спецзадание было связано с этой войной. Знания и опыт Кима могли понадобиться по части использования агентурной сети или дешифровке и переводу секретной японской переписки.

Госбезопасность даже после разгрома японского сектора контрразведки пользовалась агентурой Кима. «Многие из агентов (“Броун”, “Джоконда”, “Тубероза”, “0–39”, “Андерсен”) успешно работают и после ареста Кима», — отмечалось в справке НКГБ 1945 года{197}. Как вспоминал Павел Судоплатов, заместитель начальника 5-го (Иностранного) отдела ГУГБ НКВД в 1939–1941 годах, переписка между посольством Японии в Москве и Токио оставалась под контролем: «Нам удалось подобраться к японским шифрам благодаря агентурным источникам в японском посольстве и кропотливой работе наших шифровальщиков»{198}.

Надо сказать, что часть кодов была получена по линии внешней разведки — от третьего секретаря японского посольства в Праге Идзуми Кодзо. В 1925–1928 годах он работал в посольстве в Москве и снимал комнату у вдовы бывшего царского генерала Елизаветы Перской. Идзуми не заподозрил, что его квартирохозяйка связана с ОГПУ, и стал ухаживать за ее дочерью Еленой. Сделал предложение, женился (излюбленная комбинация КРО, которой позднее будет пользоваться Ким). Вместе с ним Перская уехала в Харбин. Комбинация принесла плоды только в 1937 году, когда Елена вышла на связь с резидентом в Праге и обязалась убедить мужа работать на советскую разведку. Идзуми в сентябре 1938 года передал через жену шесть шифровальных кодов, которыми 5-й отдел ГУГБ пользовался более года. В 1940 году, уже из Софии, Идзуми сообщил новые шифры, но без цифровых ключей. Зато в апреле 1941-го передал копии шифрдокументов, позволившие контрразведке «более полно производить расшифровку большого количества шифртелеграмм японского МИДа со своими посольствами и консульствами»[37].

* * *

Перерыв в деле Кима длился до 21 марта 1940 года, когда Дарбеев составил ходатайство о продлении следствия, указав, что

«поступил ряд показаний арестованных, изобличающих Ким Р.Н. в шпионской деятельности». Помимо признаний Добисова, это компромат, собранный в 1937–1938 годах, — Дарбеев сделал необходимые выписки из протоколов допросов. Следствие согласилось с тем, что Ким — не японец (к делу подшили метрическую справку, полученную из Владивостока). Но теперь он обвиняется в преступлениях, предусмотренных статьей 58.1а УК РСФСР — измена Родине. «Т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага…» Ходатайство завизировали Александр Гузовский и Трофим Корниенко, начальник контрразведывательного отдела ГУГБ{199}.[38]

Следствие завершилось менее чем через три недели.

Точнее, за один день. 9 апреля 1940 года Ким дал объяснения на изобличающие показания. В тот же день ему предъявили постановление о переквалификации дела на статью 58.16 — измена Родине, совершенная военнослужащим (если пункт «1а» предусматривал лишение свободы «при смягчающих обстоятельствах», то «16» — только высшую меру наказания). Тогда же, 9 апреля, Ким подписал протокол об окончании следствия: «С материалами по делу полностью ознакомился и добавить нового ничего не имею»{200}. И опять-таки в то же день замнаркома внутренних дел Меркулов утвердил обвинительное заключение, представленное Гузовским и Корниенко.

«В шпионской деятельности изобличается показаниями Буланова, Гай, Николаева-Рамберг, Добисова-Долина, Чибисова, Клетного. Подтверждено также показаниями Когая и Мартынова… Обвиняется в том, что, являясь агентом японской разведки, по ее заданиям внедрился в аппарат ОГПУ — НКВД и до момента ареста занимался активной разведывательной деятельностью в пользу Японии… Следственное дело направить в Главную Военную прокуратуру для рассмотрения Военной коллегией Верховного Суда СССР»{201}.

А как же спецзадание Берии — по всей вероятности, выполненное на «отлично»? Оно-то и было причиной такой развязки. Лаврентий Павлович старался не упускать из виду особо ценных специалистов. В самом прямом смысле. Берия, как ни цинично это звучит, придал второе дыхание основанной еще при Ягоде системе «шарашек».

«Организованное в 1938 году при НКВД СССР Особое техническое бюро в настоящее время состоит из семи основных производственных групп, — докладывал он Сталину в июле 1939

года. — В указанных группах работает 316 специалистов, арестованных органами НКВД в период 1937–1938 гг. за участие в антисоветских, вредительских, шпионско-диверсионных и иных контрреволюционных организациях. Следствие по делам этих арестованных приостановлено еще в 1938 году, и они без приговоров содержатся под стражей на положении следственных. Возобновить следствие по этим делам и передать их в суд в обычном порядке нецелесообразно… Исходя из этого, НКВД СССР считает необходимым: 1) арестованных специалистов в количестве 316 человек, используемых на работе в Особом техническом бюро НКВД СССР, не возобновляя следствия, предать суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР; 2) в зависимости от тяжести совершенного преступления арестованных разделить на три категории: подлежащих осуждению на сроки до 10 лет, до 15 лет и до 20 лет… 4) в целях поощрения работы арестованных специалистов… предоставить право НКВД СССР входить с ходатайством в Президиум Верховного Совета Союза ССР о применении к осужденным специалистам, проявившим себя на работе в Особом техническом бюро, как полного условно-досрочного освобождения, так и снижения сроков отбывания наказания»{202}.

Ким обвинялся по расстрельному «подпункту», и Особому бюро он не мог принести никакой пользы. Однако и его коснулась целесообразность. В индивидуальном порядке.

Военная коллегия Верховного суда СССР располагалась близко к Лубянке — на улице 25-го Октября, бывшей Никольской, в доме № 23. На закрытом заседании 2 июля 1940 года председательствовал корпусной военный юрист Иван Матулевич, участвовавший в вынесении приговоров на всех трех «троцкистских» процессах. «Шпионажем в пользу Японии я никогда не занимался. Я был честным работником, — защищался Ким. — Мною было завербовано несколько японцев для секретной работы в пользу советской разведки… С 1937 года по сегодняшний день я работал на той же работе, что и до моего ареста. Разница в том, что меня не отпускали ночевать домой… Если вы, граждане судьи, сочтете показания врагов народа более вескими, чем моя 14-летняя служба в органах ОПТУ — НКВД, то прошу расстрелять меня, так как японским шпионом я жить не хочу, ибо таковым я никогда не был»{203}.

Выслушав последнее слово подсудимого, посовещавшись менее часа, члены коллегии огласили приговор: «Именем Союза Советских Социалистических Республик… Судебным следствием установлено, что подсудимый с 1922 г. был завербован для шпионской работы на территории Советского Союза…

Систематически по день своего ареста передавал японской разведке совершенно секретные сведения, составляющие государственную тайну… Таким образом совершил преступление, предусмотренное ст. 58.1а УК РСФСР… Подвергнуть тюремному заключению сроком на двадцать лет с поражением в политических правах на пять лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Срок исчислять со 2 апреля 1937 года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»[{204}].

Глава 8.
«ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ»

«Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта, — докладывал нарком обороны Тимошенко Сталину. — На западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, а на востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»{205}.

Войны пока не было, но фронт уже существовал — Дальневосточный, восстановленный приказом Наркомата обороны СССР в июле 1940 года.

* * *

Несмотря на все чистки, советская разведка на восточном направлении продолжала работать и давать важную информацию. НКВД стало известно, что разведывательный отдел штаба Квантунской армии в Харбине в 1939 году провел ряд совещаний с руководителями японских военных миссий на Дальнем Востоке. На совещании был выработан план действий для японских военных миссий и резидентур в Маньчжурии: подготовка диверсионных групп и переброска на советскую территорию (преимущественно для акций на железных дорогах), создание «маршрутной агентуры» из числа русских и китайцев, ранее проживавших на территории СССР, дезинформация через агентов-двойников. Заброску агентов в западные регионы Советского Союза японцы проводили через Европу. Так, в июле 1940 года от зарубежных источников НКВД поступила информация, что «японской разведкой из Риги направлены в СССР агенты: один — в район Минска и три агента — в районы западных областей УССР и БССР. Один из агентов является военным специалистом, бывшим кадровым офицером польской армии…»{206}.

Что после приговора делал Ким в камере Внутренней тюрьме НКВД? «Принял участие в составлении учебного пособия “Борьба с японским шпионажем”»{207}. Больше никаких сведений о «специальной работе» в следственном деле нет. Несомненно, Ким по-прежнему занимался переводами и аналитикой. В фондах РГАСПИ хранится любопытный документ — «данные на предполагаемого нового японского посла в Москве Татэкава

Иосицугу». Эту справку на пяти страницах, составленную «по материалам японских справочников и периодической прессы», Берия отправил Сталину и Молотову 3 сентября 1940 года. Молотов резюмировал на своем экземпляре: «Т. Лозовскому.

Справка лучше нашей. Видите, опять НКВД оказался выше НКИД в информационном (неразборчиво) по вопросу работы НКИД. Подтяните аппарат НКИД»{208}.[39]

«Берия ценил Кима как специалиста по Японии, и материалы, им подготовленные, использовал постоянно, — рассказал мне пожилой контрразведчик, начинавший службу во 2-м Главном управлении КГБ СССР под началом человека, хорошо знавшего Кима. — Роман Николаевич работал в тюрьме день и ночь, ему создали условия. Занимался, в том числе, переводами шифртелеграмм, благо у нас были японские коды».

Не исключено, что бывший сотрудник для особых поручений переводил телеграммы японского консула в Кенигсберге послу в Москве: «В здешних военных кругах считают, что в настоящее время в Восточной Пруссии сконцентрированы крупные военные силы… и что в июне германо-советские отношения должны будут как-то определиться» (9 мая 1941 года); «В Мемельском порту, точно так же и в порту Пиллау, стоит большое количество военных транспортов… Сейчас в этом районе происходит концентрация войск… Военные перевозки по линии Познань — Варшава проходят более оживленно… Все это наводит на мысль о начале войны (31 мая 1941 года); «5 июня через Кенигсберг прошли в восточном направлении две дивизии легких танков, а 7 июня — несколько мотомехдивизий. Перевозки по железным дорогам по-прежнему проходят оживленно… К здешнему военному штабу дополнительно прикомандировано из Берлина 25 офицеров генштаба» (10 июня 1941 года){209}.

В Народном комиссариате госбезопасности (образован в феврале 1941 года) знали о содержании шифртелеграммы посла Татэкавы японскому посланнику в Софии от 9 июня 1941 года: «Усиленно циркулирующие слухи о том, что Германия нападет на Советский Союз, а в особенности информация, поступающая из Германии, Венгрии, Румынии и Болгарии, заставляют думать, что приблизился момент этого выступления…»; телеграммы японского посла в Финляндии для Татэкавы от 18 июня 1941 года: «Недавно стала проводиться вновь фактическая всеобщая мобилизация… Молодежь в секретном порядке вступает в германскую армию и, по-видимому, мечтая о проведении карательной войны против Советского Союза, надеется на возвращение утерянных территорий»; телеграммы японского посла в Бухаресте от 20 июня 1941 года: «Германский посланник

сказал мне доверительно следующее: “Обстановка вошла в решающую фазу развития. Германия полностью завершила подготовку от Северной Финляндии и до южной части Черного моря и уверена в молниеносной победе…”»{210}.

Информация о том, что в июне 1941 года Германия нападет на СССР, поступала в Москву от источников НКВД и Разведупра РККА в Германии, Японии, Италии (источник в Риме уточнял — между 20 и 25 июня). Погранслужбы посылали сводки об «интенсивных военно-мобилизационных приготовлениях немцев на сопредельной территории»{211}. Все они лишь принимались к сведению. Западные рубежи СССР были готовы к обороне, но войска — не подготовлены к скорому нападению. 20 июня в НКГБ составили календарь сообщений агентов берлинской резидентуры, начиная с сентября 1940 года, о подготовке Германии к войне с СССР. Сообщения от 16 июня предупреждали: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время… Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих округов оккупированной территории СССР…» Нарком госбезопасности Меркулов документ не подписал и не представил для доклада Сталину{212}.

На рассвете 22 июня 1941 года германские армии всей своей мощью обрушились на Советский Союз.

* * *

Группа армий «Центр» рвалась к Москве, а с Дальнего Востока для подкрепления фронтов, прикрывавших столицу, было отправлено всего две дивизии.

Угроза войны с Японией сохранялась, несмотря на пакт о взаимном нейтралитете, подписанный в апреле 1941 года. На маньчжуро-советских рубежах не прекращались провокации — стычки с погранотрядами, пересечения границ японскими военными самолетами. Харбинская резидентура НКГБ докладывала, что в штабе Квантунской армии разработан план создания на советском Дальнем Востоке «буферного государства» и он будет реализовываться, когда немцы займут Москву. Сообщения от разведки вообще поступали разноречивые. 14 сентября в Разведупре получили радиограмму от группы Зорге в Токио: «По мнению посла Отт, сегодня вопрос о нападении Японии на СССР уже снят с повестки дня. Нападение Японии возможно лишь в случае крупномасштабной отправки войск с

Советского Дальнего Востока…» 20 сентября из Шанхая по линии НКВД (Госбезопасность вновь включили в структуру наркомата) пришло сообщение: «Военные руководители Японии считают вопрос войны с СССР решенным и ждут удобного случая…»{213}.

Германские самолеты бомбили советскую столицу и добирались даже до Кремля. В конце октября бои с немцами шли в 80–100 км от городской черты. Когда в Государственном комитете обороны готовили военный парад 7 ноября на Красной площади, то запланировали проведение парада-дублера в Куйбышеве — в случае авианалета на Москву радиотрансляция должна была идти из «запасной столицы».

Эвакуация правительственных и военных учреждений из Москвы началась 16 октября. Большинство подразделений НКВД, включая 2-е (контрразведывательное) управление ГУГБ, перевели в Куйбышев; туда же перевезли заключенных Внутренней тюрьмы НКВД. В Куйбышеве обосновались иностранные посольства, в том числе японское. Сотрудники ГУГБ продолжали следить за его перепиской.

«Наша дешифровальная служба перехватила и расшифровала 27 ноября 1941 года телеграмму японского МИД от 24 ноября 1941 года посольству Японии в Берлине, в которой, по существу, сообщалось о скором начале военных действий [на Тихоокеанском театре]. Перехват этой телеграммы был доложен Берии из Куйбышева, по-моему, немедленно», — рассказал в своих мемуарах Павел Судоплатов. Японскому послу предписывалось: «В случае войны с демократическими державами Япония будет продолжать удерживать русских на Дальнем Востоке… Однако объясните Гитлеру, что основные японские усилия будут сосредоточены на Юге, и мы предполагаем воздерживаться от преднамеренного предпринятия действий на Севере»{214}.[40]

Всего несколько предложений снимали тревожное ожидание войны на восточных границах в напряженнейший для страны момент. Подтверждалось, что японцы не воспользуются «крупномасштабной отправкой войск». Военные эшелоны из Забайкалья, Приамурья и Приморья двинулись к Москве еще в октябре, и к декабрю 1941 года войска Западного фронта пополнились десятью свежими стрелковыми и тремя танковыми дивизиями. В ходе контрнаступления и дальнейшего общего наступления советских армий под Москвой (до конца апреля 1942 года) из Забайкалья прибыли еще две стрелковые дивизии. Враг был отброшен от столицы, германский блицкриг не удался. В тяжелом 1942 году расшифровки японских радиограмм подтвердили, что Япония продолжает «воздерживаться». С мая по

ноябрь с Дальнего Востока на Сталинградский и Юго-западный фронт перебросили 10 стрелковых дивизий.

Осенью 1942 года в ведение НКВД перешли дешифровальная служба Главного разведуправления РККА и группы радиоразведки. Особый интерес для госбезопасности представляла переписка Токио с посольствами в Москве, Берлине, Риме, Хельсинки, Стамбуле. Перехват и «взлом» кодированных японских телеграмм позволяли узнать даже о германских планах. В феврале 1943 года, например, удалось дешифровать сообщение японского военного атташе в Берлине помощнику начальника Генштаба Японии: «Тотальная мобилизация, которая проводится Германией в настоящее время, по-видимому, даст около 4 млн. человек. Ниже сообщаю контингенты мобилизации…» В том же месяце советской разведке стало известно содержание переписки японского посла в Берлине с Токио о политике Японии в отношении СССР: «В ближайшее время я собираюсь встретиться с министром иностранных дел Риббентропом… Совершенно ясно, Германия желает, чтобы Япония, если, конечно, она располагает свободными силами, вступила в войну против Советского Союза. Естественно, следует ожидать, что сейчас, когда положение на Восточном фронте продолжает для Германии ухудшаться, этот вопрос будет предметом разговора и во время предстоящей встречи. Разумеется, такой вопрос должен быть нами решен самостоятельно в зависимости от нынешней обстановки в Восточной Азии и от государственной мощи империи, однако я считаю необходимым дать германской стороне объяснение, которое бы сделало для Германии достаточно ясной нашу позицию. В связи с этим прошу Вас телеграфировать Ваши соображения». Ответ министра иностранных дел: «Мы прекрасно понимаем, что в нынешних условиях германская сторона в душе желает и надеется, чтобы Япония начала войну против Советского Союза. Однако императорское правительство твердо придерживается линии политики в отношении советского правительства, изложенной в моей телеграмме от прошлого года за № 588. Примите это к сведению и, когда увидитесь с рейхсканцлером Гитлером и министром иностранных дел Риббентропом, дайте им детальные объяснения»{215}.[41]

Японцы и сами понимали исключительное значение радиоразведки и криптологии, не подозревая, что русские читают их кодированную переписку. В январе 1943 года на стол Берии лег перевод телеграммы посла Японии в МИД Японии, в которой тот напоминал о необходимости совершенствовать «мероприятия по сбору особой информации» по Англии, США и Советскому Союзу. В том числе — «Расшифровывать шифртелеграммы

противника. Нечего и говорить, что данный вопрос является самым важным в деле получения точной информации о противнике»{216}.

Агентурная разведка зачастую не могла принести таких ценных сведений, как перехват секретной переписки. К примеру, в августе 1944 года 5-му (шифровально-дешифровальному) управлению вновь созданного НКГБ достался уникальный «улов» по японской линии — шифртелеграмма посла в Берлине в МИД Японии о военном производстве Германии. Со ссылкой на министра вооружений Шпеера посол сообщал об объемах производства и базовых характеристиках самолетов-снарядов «фау», легких и тяжелых гаубиц, штурмовой и зенитной артиллерии, пулеметов; об обеспеченности военной промышленности важнейшими металлами; о планах расширения подземных авиазаводов. «Шпеер сказал: “В феврале нынешнего года я принял авиапромышленность под ведение министерства вооружений. Как раз в то время из-за бомбардировок производство истребителей и бомбардировщиков упало до 1150 в месяц. После этого удалось быстро поднять производство, и в июле оно достигло уже 4500, а к концу этого года намечено выпускать от 6500 до 7000…”»{217}.

Надо сказать, что даже после дешифровки точно перевести секретное сообщение не так-то просто. «Несмотря на солидную подготовку, японоведам-переводчикам приходилось трудновато, — описал Роман Николаевич работу дешифровального бюро (разумеется, не советской — американской разведки) в повести “По прочтении сжечь”. — Японские телеграммы писались латинскими буквами, то есть фонетическими знаками, и в этом заключалась опасность — в японском языке уйма одинаково звучащих слов… Пейдж вздохнул: — Вчера над одной фразой просидел битых два часа, потому что японский шифровальщик забыл указать долготу гласных, собака. А ведь слово “кото”, если не оговаривать долготу гласных, может означать тридцать три разных понятия… — Все зависит от контекста, — сказал Уайт. Пейдж мотнул головой: — Он часто совсем не помогает. Приходится гадать. Кошмар какой-то…»

Не берусь утверждать, что именно Ким был причастен к дешифровке и переводам процитированных японских телеграмм. Тем не менее его работу по спецзаданиям ценили настолько, что в 1942 году позволили посылать из Куйбышева письма жене, отбывавшей срок в Севжелдорлаге, и ее сестре Вере в Уфу, где та жила в эвакуации со своими детьми и племянником Вивой[42]. Роман Николаевич даже осмелился просить (кого: Берию? Меркулова? — неизвестно) о пересмотре дела Марианны Цын. 29

мая 1942 года ее привезли в Москву, во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. Но решения Особого совещания при НКВД СССР Марианна ждала почти год. Есть предположение, что ее привлекли к составлению учебника японского языка для военных. 13 марта 1943 года постановлением ОСО при НКВД СССР приговор был отменен, дело М.С. Цын производством прекращено. 22 марта она вышла на свободу{218}.[43]

* * *

«Я сразу же поехала в Уфу за семьей, — вспоминала Марианна Самойловна. — Вива был ошеломлен от счастья. Все казалось ему сказочным… Вива придумал страну Лучезарию и стал рисовать карту своей страны, где будет жить счастливо. Но действительность была другой. Перед собой он видел озабоченную маму, которая не знала, как поправить его здоровье, чем накормить и во что одеть»{219}. Выручил учитель по Ленинграду — профессор Николай Конрад, заведующий кафедрой Института востоковедения, тоже сиделец, бывший «японский шпион», выпущенный из тюрьмы в 1941 году. Он обеспечил Марианне место преподавателя в институте.

Летом 1943 года эвакуированные в Куйбышев учреждения и иностранные посольства вернулись в Москву, и, видимо, тогда же на Лубянку снова «переехал» Роман Ким. Ему по-прежнему разрешали иногда писать письма жене.

«Война близилась к концу. Вива пошел в пятый класс, стал круглым отличником. Он твердо решил заниматься литературой. Вива записался в детский зал Ленинской библиотеки, где проводил ежедневно не менее двух часов… Как и все дети, он играл в войну, “добивая фашистов”, радуясь нашим победам. Но история Вивы грустная. Сказка не состоялась. Он был слаб и заболел тяжелой и неизлечимой болезнью легких… 26 февраля 1944 года в Морозовской больнице Вива скончался».

У Романа Николаевича и Марианны больше не будет детей. Встретившись после войны, они решат разойтись. Марианна Цын выйдет замуж за Григория Воложа — инженера-строителя, с которым познакомилась в Севжелдорлаге (он был осужден за «троцкизм» в середине 1930-х, отсидел свой срок и остался работать вольнонаемным — начальником отдела технического снабжения на строительстве Печорской железной дороги)[44].

* * *

«Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют…» 10 мая 1945 года газета «Правда» вышла с обращением Сталина к народу на первой же полосе. «Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе закончился. Начался период мирного развития. С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»

Оговорка насчет Европы была не случайной. В феврале 1945 года на встрече в Ялте Сталин обещал союзникам: СССР вступит в войну с Японией не позже чем через три месяца после капитуляции Германии. Советское правительство загодя расторгло пакт о нейтралитете. Оговоренный срок истекал 8 августа 1945 года. На Дальний Восток и в Забайкалье тайно и срочно перебрасывали войска с европейских фронтов — в целом 30 расчетных дивизий в помощь 57-ми уже сформированным дивизиям.

1 августа 1945 года Ким написал заявление о пересмотре своего дела. Тремя днями позже начальник 4-го отделения 7-го отдела (борьба с иностранной агентурой) 2-го управления НКГБ СССР Краснянский составил заключение по архивному следственному делу. Изучив материалы о работе Кима в ОГПУ — НКВД с 1923 года по день ареста, он резюмировал: «До настоящего времени не выявлено ни одного документа из числа добытых Кимом, подлинность которого вызывала бы сомнение. То же самое можно сказать о документах, относящихся к ведению 5 управления НКГБ, в изъятии которых участвовал Ким… Принимая во внимание, что обвинение Кима в шпионаже опровергается оценкой добытых им лично материалов… и что с сентября 1937 года и до настоящего времени Ким используется органами НКГБ СССР на специальной работе, которая оценивается также весьма положительно, — полагал бы: архивное следственное дело внести на рассмотрение Верховного суда СССР на предмет пересмотра приговора…»[220].

22 августа заместитель наркома госбезопасности Кобулов поставил на заключении резолюцию «Утверждаю». За три недели, минувших с момента обращения Кима, положение на дальневосточных границах кардинально переменилось. СССР начал и в кратчайший срок выиграл войну с Японией.

8 августа 1945 года в 17.00 по московскому времени советское правительство объявило СССР находящимся в состоянии войны с Японией. Фактически война уже шла — в первом часу 9 августа войска двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов вторглись в Маньчжурию. К 14 августа сопротивление японцев во всех укрепрайонах было сломлено. В

тот же день император Хирохито подписал рескрипт о принятии условий капитуляции Японии перед союзными державами. 19 августа имперский Генеральный штаб отдал приказ о безоговорочной сдаче японских вооруженных сил в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине и Курилах командованию советских войск. В плен, как сообщило Совинформбюро, были взяты 594 000 японских солдат и офицеров и 148 генералов.

Осужденный Роман Ким вновь на время покинул Внутреннюю тюрьму НКВД — «был послан на специальную работу по военной линии на Дальний Восток (военный переводчик на Дальневосточном фронте»[221]. Предположительно, эта «командировка» продлилась полтора-два месяца. Чем конкретно Ким занимался — участвовал в допросах высших офицеров или изучении документов штаба Квантунской армии — неизвестно. В Москве же готовили облегчение его участи. 28 августа заместитель председателя Верховного суда СССР Василий Ульрих направил протест в Военную коллегию, председателем которой был сам — о необходимости отмены приговора от 09.07.40 и новом рассмотрении дела «на предмет более тщательной и глубокой проверки данных о принадлежности Кима к японской разведке». 10 сентября 1945 года Военная коллегия на заседании под председательством Ульриха постановила направить дело «на новое рассмотрение в стадии предварительного следствия». 26 сентября начальник следственной части по особо важным делам НКГБ СССР Лев Володзимирский принял дело к производству[222].

Первый допрос Кима на втором по счету доследовании состоялся в ночь на 31 октября 1945 года. Но прежде генерал-лейтенант Володзимирский переговорил с подследственным, так сказать, не под запись. Он заявил Киму, что освободить его «подчистую» невозможно, и единственный путь выхода на свободу — дать показания в совершении должностных преступлений для переквалификации обвинения и зачета фактически отбытого срока наказания[223].

* * *

Шлейф «должностных преступлений» тянулся за Кимом с 1937 года, и показания на этот счет он уже давал.

Бывший начальник Особого отдела Марк Гай на допросе показал, что сотрудники японского отделения забирали у агентуры, приставленной к японцам, дареные заграничные вещи и присваивали их. Ким на доследовании в 1940 году подтвердил, что агентуре разрешалось принимать подарки, а также советскую

и иностранную валюту — «как можно больше», дабы не вызывать сомнений в своем интересе. Вещи, согласно распоряжению Гая, сдавались в Особый отдел — «чтобы агенты не торговали и не попались за контрабанду по линии ГУПВО» (Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД). Часть вещей в качестве вознаграждения отдавалась обратно агентам, часть — распределялась среди сотрудников Особого отдела. Распределением вещей по списку ведал Николаев-Рамберг. «Увидев эту ярмарку, я не удержался от соблазна», — сожалел Ким. Он получил два отреза на платье, дамский плащ, туфли, пальто, джемперы, чулки, грампластинки. Роман Николаевич признал, что не протестовал против этой практики, дошедшей до того, что агентам стали давать заказы: Николаеву-Рамбергу понадобились сигареты и виски (доставал агент «Тверской»), секретарю отдела Богуславскому — дамские вещи, начальнику 7-го отделения Соколову — заграничные блокноты и записные книжки{224}.

Незаконное приобретение вещей через агентуру было обозначено в обвинительном заключении 1940 года, но судом игнорировано как незначительное в сравнении с изменой Родине. Теперь же Киму подсовывали тот факт в виде спасительной соломинки.

— Находившаяся у меня на связи агентура НКВД использовалась для дезинформации японцев и получала от них подарки в виде носильных вещей, фотоаппаратуры и так далее. Гай и Николаев-Рамберг приказали сдавать эти вещи, — Роман Николаевич рассказывал, и ему было противно оттого, что вспоминалось. — Эти операции переросли разумные нормы и начались прямые злоупотребления. Я начал поручать агентуре требовать, чтобы японцы выписывали из-за границы в виде подарков те или иные вещи, нужные отдельным сотрудникам НКВД и их женам…

— Говорите уж до конца, — постукивал карандашом по столу Влодзимирский. Его помощник, подполковник Цепкое, слушал и записывал.

— Признаю, что я совершил служебное преступление{225}.

Словно в насмешку, ему припомнили еще и показания Гирбусовой. «Понуждал к сожительству женскую агентуру», — вписал Влодзимирский в постановление о предъявлении обвинения от 5 ноября 1945 года. «Произведенным дополнительным расследованием достаточных улик для обвинения Кима Р.Н. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58 п. 1а УК РСФСР не добыто. Одновременно установлено: систематически из корыстных

соображений присваивал лично и участвовал в разбазаривании вещей, получаемых секретными сотрудниками НКВД от разрабатываемых японцев… Обвинение по ст. 58 п. 1а за недостаточностью улик снять… Привлечь в качестве обвиняемого по ст. 193 п. 17а»{226}.[45]

17 ноября 1945 года Особое совещание при НКВД СССР постановило: «Ким Романа Николаевича за злоупотребление служебным положением лишить свободы сроком на восемь лет, девять месяцев, считая срок с 2 апреля 1937 г.»{227}. В наказание бывшему контрразведчику засчитали уже отбытый срок. Накануне нового года он вышел на свободу без шпионского клейма.

Награды Киму не вернули, в звании не восстановили. Зато 15 мая 1946 года он получил от Министерства государственной безопасности СССР медаль «За победу над Японией»{228}.

Глава 9.
ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Кима выпустили из тюрьмы, но не отпустили с Лубянки. Секретная работа еще не закончилась…

«На пустырях, где сложены, как дрова, покрывшиеся ржавчиной снаряды, — их никто не охраняет, — бродят бездомные. Мужчины в костюмах европейского фасона, но в деревянных сандалиях на босу ногу, женщины, причесанные по европейской моде, как героини американских фильмов, но в рабочих шароварах… Пробегают рикши — вид транспорта, снова вошедший в моду в Токио после войны. На рикшах восседают джиай — это название американских солдат прочно вошло в японский язык. Издали доносится пенье — демонстранты идут к площади перед резиденцией императора. Они несут плакаты: “Дайте еду, чтобы мы могли работать!”, “Чашку риса!”. Они идут мимо наспех сколоченных бараков, раскрашенных, как коробки для конфет, — кинотеатров и дансхоллов. Кинотеатры и дансхоллы переполнены, японцы изголодались по развлечениям…»

Такой зарисовкой начинался очерк Кима «Японская литература сегодня» в июльском номере «Нового мира» за 1947 год. Ким цитировал литературных критиков, рассказывал о новых журналах, послевоенных сочинениях корифеев «чистой литература» и ветеранов «левой литературы», над которыми больше не довлеет цензура. Разумеется, он мог всего лишь просмотреть издания, привезенные кем-то из побежденной страны, а уличные сценки придумать, начитавшись чужих репортажей. Но! В личном деле члена Союза писателей СССР Р.Н. Кима есть запись: «неоднократно выезжал за границу по служебной линии во время работы в органах ОПТУ — НКВД». До войны, как мы знаем, у Кима случилась всего одна поездка — в Прагу. Получается, после войны — в столицу Японии.

В январе 1946 года страны-победители учредили в Токио Международный военный трибунал — для суда над японскими военными преступниками. Подготовка к первому заседанию заняла почти четыре месяца. Советская делегация трибунала насчитывала свыше 70 человек — дипломатических работников, военных и гражданских судей, прокуроров, следователей, переводчиков, экспертов. Думаю, среди них был и Роман Ким. Как долго и чем он был занят в Японии — не возьмусь предположить. Приказ о награждении медалью могли подписать и в его

отсутствие. Но в ноябре 1946 года Ким уже был в Москве — зачислен редактором в Иногиз (Издательство литературы на иностранных языках).

Из Токио помимо японских литературных журналов он привез подборку американских детективов.

* * *

Ким никогда не считал детективную прозу презренным жанром. Первоклассные японские беллетристы, писал он в 1926 году, не чураются сочинять для популярных журналов и газет авантюрные романы и рассказы. Достоинство «высокой литературы» — стиль и слог, достоинство приключенческих, детективных и исторических романов — сюжетность{229}.

«Виднейшие мастера художественной прозы параллельно пишут детективные произведения. Их серьезной репутации это не наносит никакого вреда, — рассуждал Ким в мае 1947 года на заседании секции приключенческого жанра Союза писателей СССР. — Уже по одному тому, что детективная литература входит в число полноправных жанров художественной литературы, ее нельзя игнорировать. Но, прежде всего, она заслуживает внимания, потому что является литературой, имеющей массового читателя»{230}.

Будущие коллеги попросили Романа Николаевича сделать доклад о детективной литературе в Америке. Удивляет, настолько свободно он выступил. Отношения Советского Союза с США смещались в сторону холодной войны. Президент Трумэн уже заявил, что народам многих стран мира (Польше, Румынии, Болгарии и другим) «недавно навязали тоталитарные режимы» и Соединенные Штаты «должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются внешнему давлению». А Ким называл Америку «великой федеративной республикой», говорил, что «произведения американских детективных писателей с точки зрения литературной техники стоят на уровне художественной литературы» и, рассказывая о популярности Дэшила Хэммета — Джека Лондона от детективной литературы, заметил: «Америка ценит своих писателей, ценит их в миллион экземпляров».

Ким поведал об Эллери Куине, печатающемся в одном журнале с такими прогрессивными писателями, как Стейнбек и Синклер. О скандально известной Крейг Райе, сделавшей ставку на фарс и черный юмор. О Чандлере, Уайте, Ульриче и других новых именах. Но посетовал, что создатели американского «тека» все больше внимания уделяют не разгадыванию тайны и

торжеству мысли, а «духзахватывающему сюжету» и нагнетанию страха. Пересказав содержание нескольких повестей (в том числе знаменитого «Мальтийского сокола»), Ким будто спохватился: «Сейчас Америка ведет идеологическое наступление на весь мир… “Тек” сейчас одна из главных статей литературного экспорта Америки. “Тек” и кино — весьма эффективное средство завоевания рынков, их занимательность и доходчивость используются для духовного закабаления масс».

Противопоставить «теку» ночных кошмаров и духовной дегенерации нужно советский «тек» победоносного ума и дневного сознания, раскрывающего тайны. Советской детективной литературы еще нет, но она должна появиться. «В японском журнале в прошлом году — в самом архиреакционном журнале, где печатаются исключительно американские писатели (детективные и другие) — был напечатан рассказ Ефремова, и это очень характерно. Китайские, и японские рынки сейчас проявляют большой интерес к советской литературе… Интерес [к Ефремову] показывает, что от нас ждут продукцию приключенческого сектора советской литературы». И, само собой, добавил Ким, нельзя забывать о молодежи. Борьба разума с тайнами — не только с криминальными, но и тайнами вообще: научными, историческими — это увлекательно и поучительно.

Кима слушали с пребольшим интересом. Секретарь правления Союза писателей Лев Субоцкий (между прочим, в годы войны заместитель военного прокурора Южного фронта) согласился, что советский детектив имеет все права на существование, если отвечает главным требованиям, предъявляемым к советской литературе — «познанию жизни и воспитанию народа». Редактор Детгиза Кирилл Андреев, знаток приключенческой прозы и фантастики, поддержал мысль о том, что в СССР «жанр романа тайн может быть возрожден и развит»{231}.

В октябре 1947 года решением президиума СП СССР Роман Николаевич Ким был принят в члены Союза советских писателей. «Забрит» в приключенцы, как позднее шутил Лев Славин. Любопытный факт — на обложке личного дела Киму почему-то приписали чужое отчество: Анатольевич.

И за последующие годы ошибку не исправили. «Будто замаскировали», — заметила удивленная сотрудница РГАЛИ, составлявшая по моей заявке архивную справку.

* * *

Корейский партизанский отряд врывается в городок Сунчон, где обосновался штаб американского пехотного корпуса. В покинутом здании контрразведки партизаны находят брошенный портфель, внутри — шахматный учебник и тетрадь, исписанная по-японски, иероглифами и слоговыми знаками. Командир отделения Ан Пен Хак берется расшифровать и перевести записи. Выясняется, что учебник — это ключ к шифру. А тетрадь — дневник японского офицера, бывшего контрразведчика, уцелевшего в Тихоокеанской войне; мечтая о реванше, он поступил на службу к американцам, предложившим ему участвовать в борьбе с красной угрозой в Азии.

Когда журнал «Новый мир» напечатал повесть Романа Кима «Тетрадь, найденная в Сунчоне», война в Корее дошла до высшей точки. Страна уже дважды переходила из рук в руки, северяне брали Сеул, южане — Пхеньян. В мае 1951 года южнокорейские и американские войска отбили очередное наступление Народной армии Кореи, поддержанной китайцами, и заставили ее отойти за 38-ю параллель, к пограничной линии, с которой все началось. Корея распалась после капитуляции Японии: север оказался под советским контролем, юг — американским. На одной земле появились две республики, и правительство каждой претендовало на объединение страны под своим началом. К войне готовились обе стороны. В повести Кима изложена советская версия конфликта: первыми нанесли удар южане, устроив провокацию на границе. В действительности войну начала Народная армия — на опережение. Но «Тетрадь» примечательна не трактовкой событий.

Если история поражения Японии в мировой войне была Киму хорошо известна, а о сражениях в Корее много писала советская пресса, то кое о чем еще нельзя было узнать в открытых источниках. А именно: как в поверженной Японии с дозволения оккупационных властей создавались офицерские организации, как американцы использовали опыт японских ветеранов (имена, звания, мотивы и схемы взаимодействия) и совместно с ними разработали для южнокорейского генштаба план нападения на КНДР, как формировались японские отряды для участия в Корейской войне. Ким рассказал и о методах работы американо-японской контрразведки на этой войне: вербовка маршрутных агентов среди беженцев и членов религиозных организаций для последующей отправки на север с целью вербовки стационарных агентов, использование традиций кровной мести для проведения терактов в красной Корее и так далее.

Главный отрицательный герой «Тетради», ни разу не упоминающий своего имени — бывший преподаватель элитной разведывательно-диверсионной школы Накано, специалист по

агентуре особого назначения. В Китае он контролировал секретных агентов, работавших среди гоминдановцев и в тайном обществе Хунбан. Первые публикации о секретной школе, располагавшейся в одном из округов Токио, появились лишь в 1960-х годах. Архив ее был уничтожен в 1945 году. Но и американская, и советская контрразведки знали о Накано-рикугун-гакко от пленных японских офицеров. «Повесть построена на документальной основе», — сообщалось в аннотации к первому книжному изданию «Тетради». Кто, почему и в каком виде предоставил автору эту основу? На этот вопрос уже не найти точного ответа.

«Тетрадь, найденная в Сунчоне» стала для Кима своеобразным патриотическим манифестом. Недаром один из героев повести носит имя его отца. «Американский план предусматривал молниеносный захват нашей республики, затем вторжение в Маньчжурию и дальнейшее наступление на север и одновременно на юг — к Пекину. Иными словами, имелось в виду зажечь третью мировую войну, — говорит командир партизанского отряда. — Но те, кто приказал Макартуру привести этот план в исполнение, не приняли в расчет одного обстоятельства. В прежние времена в нашу Корею много раз вторгались иноземные завоеватели, и им удавалось из-за предательства и трусости королей и сановников-ямбаней надевать колодки на наш народ. Но на этот раз американцы имеют дело с народом, который знает, что такое свобода, и не отдаст ее никому.

Америка послала свои лучшие дивизии в Корею. Но ей не удастся сломить наш народ. Не удастся интервентам разбить нас и пройти в Маньчжурию, чтобы зажечь большую войну. Мы, корейцы, выполнили свой долг перед человечеством…»

«Правда» отозвалась на публикацию большой рецензией в номере от 14 июля 1951 года: «Роман Ким нашел форму документальной повести для обобщения и передачи в художественных образах известных исторических событий, фактов и документов, раскрывающих сговор между американскими империалистами и японскими милитаристами»[46]. По сути это была политическая заметка — пересказ содержания повести с соответствующими ремарками: автор удачно раскрывает, разоблачает, показывает… Но и в таком виде одобрительная оценка главной газеты страны многое значила. Ким в те дни отдыхал в Доме творчества писателей в Юрмале и о рецензии узнал неожиданно: «В нашей комнате уже толпились люди, жали руки моей жене, потом кинулись ко мне, директор Дома творчества Бауман всунул мне в руки роскошный

букет — и начался суматошный день, один из самых радостных в моей жизни»{232}.

Да, у него снова есть семья, он женился на женщине, которую давно знал. Любовь Шнейдер, сестра Владимира Шнейдера, — она тоже работала в НКВД, дружила с Марианной Цын, чудом избежала ареста после обвинения брата в шпионаже. Роман Николаевич настолько дорожил последней любовью, что не самым осведомленным коллегам-писателям казалось, будто именно с ней он прожил свою «трудную, полную опасностей жизнь».

* * *

Сразу после появления рецензии в «Правде» ободренный Ким известил редакцию «Нового мира»: «приступаю к новой вещи — листов на 7–8»{233}.[47] Однако новая повесть сочинялась нескоро и опубликована была почему-то в журнале «Октябрь», в августе — сентябре 1954 года.

Повесть называлась «Девушка из Хиросимы». Роман Николаевич рассказал историю девочки Сумико, выжившей после атомной бомбардировки. Подросшая Сумико работает на фабрике, знакомится со сверстниками — участниками молодежной организации, пытающейся противостоять повторной милитаризации страны, сооружению американских военных баз. Она включается в борьбу за мир. Идейность у Кима, как и прежде, сплетена с занимательностью. Читателя нужно увлечь сюжетом, тем более, если речь идет о серьезных вещах — назидательность будет только мешать. Потому в повести есть нотки и мелодрамы, и шпионского детектива (разоблачение провокатора, внедрившегося в организацию).

Жизнь Японии начала 1950-х Ким описал настолько ярко и убедительно, с такими подробностями, что создавалось впечатление, будто это знание очевидца. И еще в «Девушке из Хиросимы» он едва ли не первым в СССР рассказал о каратэ.

«Надо стоять так, чтобы наиболее уязвимые части твоего тела были закрыты и чтобы на удар врага ты мог сразу же ответить контрударом. Вот это положение тела, наиболее выгодное для защиты и для перехода в нападение, называется камаэ… Есть еще так называемые ложные камаэ — когда ты умышленно раскрываешь какой-нибудь участок тела и, как только враг направляет туда удар, мгновенно меняешь положение и даешь ответный удар куда следует… В тот момент, когда враг наносит удар, его вышагивающая нога отрывается от земли и тело теряет

свою устойчивость из-за перемещения веса. В это мгновение враг неизбежно раскрывает ту или иную часть тела, и этим надо пользоваться для нанесения стремительного, сшибающего с ног и выбивающего дух контрудара…»

Разумеется, об окинавском боевом искусстве Ким мог узнать из книг, привезенных из Токио (например, из «Каратэдо Кёхай» Фунакоси, изданной в 1937 году). Можно пересказать теорию, но реалистично описать поединок, ни разу его не увидев, — вряд ли. Сумико занимается борьбой, поскольку «каждому патриоту необходимо знать способы самозащиты». «Сумико боролась в третьей паре. Ее партнершей была Мацуко, рослая, скуластая девица, левша. Против левши требовалось особое камаэ. В ответ на попытку Мацуко схватить за пояс Сумико сделала отбив правой рукой и отпрыгнула вбок, но, получив подсечку, пошатнулась; Мацуко поймала ее руку и закрутила. Сумико ударила локтем назад и вырвалась, но тут же, не успев перенести вес на левую опорную ногу, получила кекоми — удар ногой — и растянулась на полу…»

Соблазнительно предположить, что Ким вновь посетил Японию, и не по линии Союза писателей СССР (в творческую командировку он впервые отправился в 1956 году в Китай), а с какой-то особой целью. Но тут мы вступаем на зыбкую почву фантазий. С такими знаниями и опытом, как у Кима, все могло произойти. Вот еще один штрих к портрету Романа Николаевича: в Москве он, конечно же, был не единственным знатоком японского языка, но почему-то именно Кима в июне 1957 года пригласили переводить интервью Никиты Хрущева главному редактору газеты «Asahi Shimbun» Хирооке Томоо.

* * *

Москва помнила, как три года тому назад, в марте, хоронили Сталина: слезы, давка, потерянные лица. И вот теперь…

Поговаривали, что Хрущев на закрытом заседании XX съезда КПСС выступил с докладом о заблуждениях и ошибках вождя, обернувшихся массовым террором и нарушениями социалистической законности. Волна пересказов и обсуждений пошла такая, что пришлось обнародовать выдержки из доклада. Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» было опубликовано в «Правде» 2 июля 1956 года: «Находясь длительный период на посту Генерального секретаря ЦК партии, И.В. Сталин вместе с другими руководящими деятелями активно боролся за претворение в жизнь ленинских

заветов… Однако с его именем стали неправильно связывать все наши великие победы. Успехи, достигнутые Коммунистической партией и Советской страной, восхваления по адресу Сталина вскружили ему голову… Обычное отправление норм правосудия нередко подменялось его единоличными решениями. Положение еще больше осложнилось, когда во главе органов государственной безопасности оказалась преступная банда агента международного империализма Берия…»

Берию арестовали в июне 1953 года. Вместе с ним судили и в декабре приговорили к расстрелу Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Влодзимирского[48]. Газеты привычно сообщили, что Берия и его соучастники на протяжении многих лет тщательно маскировали связи с иностранными разведками и вражескую деятельность в интересах иностранного капитала. В результате происков врагов, разъяснялось в постановлении 1956 года, были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди. Начатая партией работа по преодолению последствий культа личности уже дала положительные результаты, осталось до конца исправить нарушения социалистической законности.

По итогам пересмотра приговоров в 1954–1961 годах были реабилитированы свыше 737 000 человек, большинство — посмертно. Назову лишь несколько фамилий тех людей, под чьим началом работал или с кем дружил Ким. Бывшего начальника КРО Яна Ольского реабилитировали в ноябре 1955 года, основателя контрразведки Артура Артузова — в марте 1956-го, создателя Спецотдела Глеба Бокия — в июне 1956-го, начальника 6-го отделения Николаева-Рамберга — в апреле 1957-го. Писателя Бориса Пильняка — в ноябре 1956 года, Иосифа Гузнера (агент «Х») — в ноябре 1957-го, востоковеда Трофима Юркевича — в марте 1958-го.

Ким остался в живых, избавился от обвинения в измене, но все-таки был судим. В июле 1958 года он подал в Главную военную прокуратуру заявление с просьбой о реабилитации. В следственном управлении КГБ СССР подняли архивные материалы, опросили свидетелей и выдали заключение: данных о злоупотреблениях служебным положением, помимо показаний в следственном деле, не обнаружено; свидетель Гирбусова призналась, что к сожительству ее не принуждали; свидетели Калнин, Гузовский, Пудин и Яриков, знавшие Кима по работе в ГУГБ НКВД, характеризовали его как честного и ценного работника и заявили, что им о фактах злоупотреблений ничего не известно{234}.[49]

В январе 1959 года Военный трибунал Московского военного

округа получил из Главной военной прокуратуры протест по делу Кима. 2 февраля на заседании трибунала было принято решение: «Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1945 года в отношении Кима Романа Николаевича отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления»[235].

* * *

Полковник Котельников, рассказавший мне об операции «Генерал», впервые увидел Кима в конце 1950-х в Высшей школе КГБ на встрече с отставными разведчиками. «Один шустрый курсант вдруг спросил, что он делал во время войны. Роман Николаевич на какие-то секунды растерялся и ответил кратко: “Выполнял особо ответственное разведывательное задание”. Никто не стал уточнять, все подумали, что он был нелегалом, — вспоминает отставной контрразведчик. — Но Ким не держал зла на “органы” за то, что случилось. Он, как и многие, считал: время было такое. Я виделся с ним несколько раз, когда уже служил во втором управлении. Ким поддерживал отношения с теми, кто работал по японской линии — и молодой порослью, и некоторыми старыми сотрудниками. Секретная работа его по-прежнему притягивала».

Наверное, и в «органах» не забывали о некогда ценном работнике. Весной 1961 года, отвечая на письмо друга — польского переводчика, Ким извинился за задержку: «пришлось съездить в Орел — прочитать там десяток лекций»[236]. Кому? Вряд ли просьба поступила от малочисленного местного отделения Союза писателей СССР или литературного факультета педагогического института. Однако никаких учебных заведений КГБ в то время в Орле не было (Военно-техническое училище КГБ обосновалось в этом городе в 1972 году). И если Роман Николаевич выступал на неких закрытых курсах, как в мае того же года его отпустили в США по линии Союза писателей? Где Ким был на самом деле — загадка. Как и очень многое в его жизни.

Глава 10.
ПОСЛЕДНИЕ ТАЙНЫ

Первый заместитель председателя правления издательства «Советский писатель», чуть подумав, размашисто вывел на заявке: «Автор — человек серьезный. Предложение его стоящее. Если нет возражений редакции — составьте предложение на договор. И. Козлов. 26.V.60». Писатель Роман Ким предложил выпустить одной книгой свои повести «Агент особого назначения» и «Кобра под подушкой», напечатанные в журналах, а также обсудить дальнейшее сотрудничество. «Я сейчас работаю над циклом повестей, посвященных некоторым закулисным эпизодам Второй мировой войны, — пояснял он. — Все эти повести основаны на фактах…»{237}.

* * *

Молодой китаец Ян, служащий гонконгской гостиницы «Южное спокойствие», любит детективы. Как объясняет он друзьям, книжки о разгадывании тайн учат наблюдательности и правильным умозаключениям, что очень может пригодиться в жизни и даже в революционной работе (Ян сочувствует коммунистам). И вдруг… в гостинице случается убийство. Причем исчезает жертва — богач-беглец из коммунистического Китая. Ян подключается к расследованию. Смерть старика Фу Шу закручивается в клубок загадок. Яна самого пытаются убить, на него же падают подозрения политической полиции, и парню приходится бежать в Китай. Он нанимается на работу в издательство в Шанхае, но спустя некоторое время получает вызов на опознание в приграничный городок, где объявился перебежчик — участник странной экспедиции, уверяющий, что знает Яна по совместному расследованию в Гонконге…

Ким придумал «Агента особого назначения» после творческой командировки в Китай в 1956 году. Он стал «выездным» еще до реабилитации, и в 1958 году по линии Союза писателей побывал в Эфиопии. А в 1960 году съездил в Великобританию, когда работал над повестью «Кобра под подушкой» об английской военной контрразведке (опубликована весной того же года в журнале «Наш современник»). Места действия — Касабланка, Мадрид, Лондон, время — 1942–1943 годы.

«— Я хотел убить премьер-министра Сталина, — произнес

арестованный и, покачнувшись, чуть не упал со стула.

Пимброк успел подхватить его и, взяв за плечи, сильно встряхнул. Эймз окинул взглядом атлетическую фигуру арестованного и усмехнулся.

— Странное желание. Насколько мне известно, Кремль находится в Москве, а не здесь, в Африке.

— Я узнал, что он прилетит сюда.

— От кого?

Арестованный закрыл глаза и опять покачнулся.

— Я больше не могу, — простонал он. — Дайте мне поспать… Тогда все скажу.

Эймз и Пимброк быстро переглянулись. Наконец-то! Допрос, продолжавшийся беспрерывно почти трое суток, увенчался успехом: арестованный заговорил…»

Описывая сцену допроса немецкого агента, Роман Ким припомнил лично пережитое, и рецензент издательства «Советский писатель» это почувствовал. «Я только предложил бы автору изменить первую фразу повести, — посоветовал Борис Изаков, опытный журналист-международник. — После всего того, что происходило у нас вокруг мнимых покушений на И.В. Сталина и что было разоблачено на XX съезде партии, такое начало воспринимается читателем как бестактность и вызывает нежелательные ассоциации»{238}.[50]

Ким согласился и заменил Сталина Черчиллем, а Кремль и Москву — на Уайтхолл и Англию. Для повести это не было ущербно. Ким придумал историю, связанную с подготовкой дезинформационных операций «Минсмит» и «Бримстон» накануне высадки союзнических войск в Сицилии. Он рассказал, как в контрразведке серьезная работа может переплетаться с нелепыми просчетами, а добросовестность сталкиваться со шпиономанией и карьеризмом. «Кобру» издали под одной обложкой с «Агентом особого назначения». «Каких-либо искажений фактов, относящихся к области международных отношений и внешней политики Советского Союза в тот период, в рукописях этих повестей не встречается, — отметил Георгий Самсонов, рецензент из МИДа. — Автор добросовестно изучил необходимые документы, мемуары и свободно владеет материалом»{239}.[51]

* * *

Роман Николаевич был писателем щепетильным, и даже в художественной части старался опираться на личные впечатления или документальные сведения. Повесть «По прочтении сжечь» —

об американской контрразведке — он завершил только после того, как в мае 1961 года побывал в Соединенных Штатах с группой советских писателей и поэтов.

«Две недели напряженного путешествия — придется работать ногами и глазами с утра до вечера, глотать все, жадно вбирать в себя, — сообщал Ким в письме другу. — Ведь для писателя важны все мелочи быта: как по утрам развозят молоко, как почтальоны носят сумки, как зовут кошек и собак… Маршрут: Нью-Йорк — Вашингтон — Чикаго — Детройт — Ниагара — Филадельфия — Нью-Йорк… Америка даст мне много материалов»{240}.

Поездка помогла Киму достоверно изобразить характеры, привычки, стиль общения американцев — персонажей повести «По прочтении сжечь». История начинается в июне 1941 года с двух секретных операций. Американские контрразведчики «садятся на хвост» тайным курьерам из Иокогамы, везущим новую шифровальную машинку для японских дипломатов в США. Им удается проникнуть в каюту японцев, аккуратно разобрать (затем собрать) машинку и сфотографировать ее устройство. В разведывательном управлении штаба Тихоокеанского флота США создают копию механизма. Начинается успешная дешифровка переписки Токио с генеральным консульством в Гонолулу и посольством в Вашингтоне. В шифрограммах все чаще встречаются намеки о подготовке японцев к военным действиям на юго-востоке. Их интересуют Гавайи, Перл-Харбор. Но американское командование игнорирует сообщения, поскольку ожидает нападения Японии на СССР. И происходит военная катастрофа…

Американцы действительно сумели выкрасть и скопировать японскую «пурпурную» шифровальную систему. Ким приводит подлинные переводы расшифрованных радиограмм и пересказывает версию причин катастрофы в Перл-Харбор, прозвучавшую в ходе ряда расследований, инициированных Конгрессом США. Материалы были опубликованы в 1946 году в четырехтомном сборнике документов «Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack». Изучить его Роман Николаевич мог только в особой библиотеке. Само собой, ему нетрудно было получить доступ в книжный «спецхран».

«По прочтении сжечь» в январе — феврале 1962 года напечатал «Наш современник», а в 1963 году Воениздат — солидным тиражом в 200 000 экземпляров.

Одного из героев повести — старшего лейтенанта Ника Уайта — Ким срисовал с себя. Уайт работает в группе контрразведчиков, выслеживающих шифровальную машинку,

затем подключается к переводам шифрограмм. «Он великолепно знает японский, учился в Токио, в университете Кэйо, обладает незаурядными лингвистическими способностями… В упрек ему, пожалуй, можно поставить то, что он по характеру и образу мышления больше штатский, чем военный. Очень добросовестен, повышенно эмоционален, иногда наивно принципиален», — расписывает Уайта перед начальством его коллега, капитан Донахью. «Я вижу, что твой дружок стал офицером по недоразумению», — ворчит в ответ адмирал Старк.

На корабле, которым плывут курьеры и контрразведчики, Уайт знакомится с симпатичной путешественницей. Чем привлечь внимание красивой девушки, читающей сборник стихов Китахары? Разумеется, разговором о поэзии. «Марико искоса посмотрела на Уайта. — Сейчас угадаю. Вы молодой ученый, преподаватель истории японской литературы в университете, специалист-ориенталист. Да? — Вы почти угадали. Я изучаю Японию…» Нетрудно догадаться: Ким еще и отдает дань памяти былой любви, своей Марианне.

Японские агенты на Гавайях пытаются вовлечь Марико в свою сеть (ведь ее отец — японец, мама — кореянка), но Уайт спасает девушку. Они вновь встречаются в конце войны, когда раненого лейтенанта привозят в госпиталь Гонолулу. Женятся, переезжают в Японию. Там отставника разыскивает Донахью, сделавший блестящую штабную карьеру. Обнаружив, что сослуживец слишком хорошо помнит прошлое (именно он, занимаясь шифрограммами, сигнализировал о намерении японцев атаковать Перл-Харбор), Донахью готовит донос: жена Уайта — бывший японский агент. На прощание, словно все в порядке, он оставляет в подарок букет орхидей. Донос может разрушить жизнь Уайта, Япония пока что находится под контролем оккупационной администрации. Но повесть заканчивается на светлой ноте: «Его разбудил телефонный звонок… — Скоро приеду. Куда ты поставил орхидеи? — Выбросил. Они пахли недобрыми замыслами. После маленькой паузы Марико сказала: — И хорошо сделал. Я нарву полевых цветов и привезу».

«По прочтении сжечь» — пожалуй, самая «многослойная» повесть Романа Кима. Коллегам-писателям казалось, будто он не просто сочиняет приключенческие истории, а с помощью авантюрного сюжета пытается рассказать о чем-то важном. «Отражение мировых событий на судьбах рядовых людей — вот истинный пафос “детективов” Кима, гораздо более волнующий, чем интриги разведчиков и контрразведчиков, — предположил Лев Славин. — Кстати сказать, изложенные пером умелым и увлекательным, и которым личный опыт и специальная эрудиция

автора сообщают неопровержимую достоверность»{241}.

* * *

«Вот уж неделю как здесь… Пресловутая неоновая вакханалия не так уж страшна. Небоскребы производят не столь величественное, сколь монструозное впечатление, — записал Ким, вернувшись с прогулки по Нью-Йорку в свой номер в 28-этажном Governor Clinton Hotel на знаменитой Седьмой авеню. — Скучаю по своей Зубовской…»{242}.

Московский дом Кима — типичная довоенная «сталинка» на пересечении Зубовского бульвара и Пречистенки. Жилье в этом месте он поменял на квартиру, которую ему в 1958 году предоставили в Филях — дом был новым, но на окраине, и Роман Николаевич перебрался ближе к центру. Квартира на Зубовском бульваре, 16/20 бьша тесноватой, зато уютной[52]. Как вспоминал Славин, «книги переливались через ее борт». Гости удивлялись диковинным вещам — и свиткам с иероглифами, висящим на стенах, и палочкам для еды, внушающим «чувство собственной беспомощности».

До 1954 года Ким преподавал в Московском институте востоковедения, а после его расформирования — в Институте восточных языков при МГУ. «Он прекрасно говорил по-японски, просто прекрасно! — рассказывает Эльгена Молодякова, заместитель директора Института востоковедения РАН. — Не совсем обычно — для тех лет — одевался: всегда в отличном темном костюме, с бабочкой, с ярко-красным платком в нагрудном кармане пиджака. Он производил впечатление человека немножко “не отсюда”»{243}.

«Вот он идет мне навстречу в жаркий, летний московский день, — запомнил писатель Василий Ардаматский. — Серый его костюм так отглажен, что кажется, будто он хрустит на сгибах. Узконосые ботинки отражают солнце. Крахмальный воротничок с черной “бабочкой” плотно обхватывает шею. В руках пузатый портфель… Он смотрит на меня, и глаза его смеются. — Не жарко? — спрашиваю Романа Николаевича. — Тепло, — совершенно серьезно отвечает Ким. Но я ходил в Библиотеку имени Ленина и потому должен быть соответствующе одет…» «Человек тончайшей культуры, обширных и неожиданных знаний, не академически-громоздких, а всегда живых, легких, составляющих как бы его вторую натуру, — отметил Вадим Сафонов. — Гибкая, спортивная, чуть суховатая фигура, быстрая, легкая походка. Он казался из тех, над кем годы пролетают, не

задевая…»[244]

Разменяв седьмой десяток, Роман Николаевич увлекся боксом. И, судя по некоторым сценам в своих повестях и рассказах, если и не упражнялся, то неплохо разбирался в боксе.

* * *

Даже в Союзе писателей Ким оставался немножко разведчиком, выстраивающим замысловатые комбинации.

Он прекрасно понимал, на какие клавиши нужно нажимать, чтобы переиграть бюрократическую литературную машину, отягощенную идеологическим каркасом. «За рубежом одна за другой выходят книги, извращающие историю минувшей войны, — указывал он, составляя заявку в издательство “Советский писатель”. — Мы должны разоблачать фальсификаторов. Советский читатель должен знать о тех махинациях, которые проводились империалистическими разведками…»[245]

«Ким: заграница ведет в фантастике широчайшее антисоветское и антикоммунистическое наступление. Привел несколько примеров, причем рассказывал с большим вкусом и азартом, как мог бы лакомка рассказывать о китайской кухне. Заявил, что наша фантастика, если не считать Лагина и Томана, не очень-то», — записал в марте 1963 года Аркадий Стругацкий, приглашенный на заседание секции приключений и фантастики СП СССР[246]. Нет, Ким вовсе не «наезжал» на новую советскую фантастику. Критикуя на пару с Андреевым работу секции, возглавляемой консерваторами Тушканом и Казанцевым (что сделано для развития жанров? сколько новых членов продвинуто в СП?), Роман Николаевич пытался помочь молодым талантам. В частности, братьям Стругацким.

Со старшим, Аркадием, Ким познакомился в начале 1958 года, когда договаривался с издательством «Советская Россия» о выпуске альманаха «Приключения и фантастика». Им было на чем сойтись: Аркадий Стругацкий учился в Военном институте иностранных языков по специальности «переводчик с японского», участвовал в подготовке Токийского процесса, служил на Дальнем Востоке в частях радиоразведки и, кроме того, тоже любил творчество Акутагавы. Роман Николаевич заказал Стругацким повесть и обзорную статью о научной фантастике. «Ким говорит, что если это нам удастся — мы прочно войдем в эту литературу, — радостно сообщал Аркадий Борису, жившему в Ленинграде. — В будущий понедельник я выезжаю к вам, будем неделю работать как проклятые…»

Альманах так и не появился, зато Стругацким удалось пристроить в Детгиз «Страну Багровых туч», а затем и повесть «Извне», которую они готовили для Кима. В декабре 1960 года Кирилл Андреев, Иван Ефремов и Роман Ким дали братьям рекомендации на вступление в Союз писателей. Прием затянулся до зимы 1964 года. «Позвонил Ким и рассказал подробности, — извещал Аркадий брата в письме от 25 февраля. — Прошли мы девятью голосами против пяти воздержавшихся…» А спустя неделю докладывал: «Обсуждение “Пуннакана” прошло хорошо, я рад за Кима. Да и то сказать, он да Лагин — лучшие памфлетисты, никуда не денешься»{247}.

Повесть-памфлет «Кто украл Пуннакана?» журнал «Октябрь» напечатал осенью 1963 года. В авторской заявке Ким разъяснял, что «на основании материалов, собранных в Америке» намерен описать «кухню психологической войны, ведущейся против нас лагерем империалистов»{248}. США, некий штат, некий город. Полиция разыскивает пропавшего Пуннакана, бывшего гофмаршала тайского короля. Собственное расследование затевает литературный агент Филипп К. — по просьбе клиентки, нуждающейся в теме для романа. Он прощупывает связи Пуннакана в местном обществе оккультистов и институте политико-психологических исследований, изучающем СССР. Обе организации считают себя борцами с заразой материализма и коммунизма, но при этом враждуют. Выясняется, что Пуннакан поставлял каждой информацию о сопернике и был не гофмаршалом, а самозванцем. Мистиков и советологов в итоге примиряет некто О. — представитель фонда Киллорана, предлагающий объединить усилия на идеологическом фронте. Ирония повествования вдруг приглушается. План действий фонда впечатляет четкостью и последовательностью. Ким будто бы посылал сигнал наверх: не забывайте, идеологическая война — это не лобовая пропаганда, а тщательная, всесторонне продуманная работа.

«Я думаю о продукции писак типа Флеминга и Ааронза, — рассуждает в финале приятель Филиппа К. — Миллионы читателей всех возрастов зачитываются этими книжками. Они написаны так, что от них трудно оторваться… Шпионский детектив — очень действенное оружие в психологической войне. Мне непонятно одно: почему советские детективные писатели не отвечают Флемингу и его коллегам? Почему уступают без боя книжные рынки зарубежных стран?..»

Ким вряд ли думал о высказанном сожалении, когда поведал Юлиану Семенову о Максиме Максимовиче. Он просто подсказал сюжетную линию. А дальше случилось вот что. Роман «Пароль не

нужен» прочитал секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов. Вскоре после назначения председателем КГБ (май 1967 года) он пригласил Семенова на Лубянку: «Недавно я посмотрел фильм “По тонкому льду”… Роман писал наш сотрудник, Брянцев, вы сочиняли сценарий, так? — Так. — Не понравился… Торчат чекистские уши. А вот ваш “Пароль не нужен” мне показался заслуживающим внимания…». Слово за слово, Андропов спросил Семенова, не пора ли подробнее написать о деятельности наших разведчиков в годы войны в тылу врага? «Отец, возликовав, ответил, что давно пора, — рассказывает Ольга Семенова. — Так на свет и появился роман “Семнадцать мгновений весны”»{249}. Книгу перевели на английский, французский, немецкий, испанский, португальский, шведский, греческий и другие западные языки. Ответ был сделан.

Ненароком Ким запустил самую успешную свою литературную комбинацию.

* * *

«Некоторое время мы шли молча. Потом Ким сказал:

— Для меня в книгах о разведке есть только одна специфика — в них я не могу рассказать все, что знаю»{250}.

Три повести из цикла, задуманной Кимом в 1960 году, остались ненаписанными.

«Сейф посла Начбэла-Хьюгессона» — об операции «Цицерон». «Версия бывшего гитлеровского разведчика Мойциша недостоверна. В моей повести излагается история камердинера Дьеро на основании новых данных, в частности данных японской разведки в Анкаре, которая была в курсе всей операции»{251}. В 1943 году немецкая разведка завербовала камердинера английского посла в Турции. Агент, получивший кличку «Цицерон», делал фотокопии секретных документов, с которыми хозяин работал дома, и передавал их германскому атташе Людвигу Мойзишу. Операция длилась немногим более трех месяцев, но немцы получили много ценной информации. В 1950 году Мойзиш издал мемуары, наделавшие много шума. Британскому МИДу пришлось признать факт утечки во время войны секретной информации из посольства в Анкаре. Какие данные были у Кима? Откуда? До сих пор ни в одной публикации о «Цицероне» нет упоминаний о том, что немцы делились с японцами добытыми сведениями. И почему повесть так и не появилась? Вряд ли по той причине, что в 1962 году бывший агент Элиас Базна раскрыл подробности операции в своей книге

«Я был Цицероном».

«Полномочный призрак» — «о том, как во время Тихоокеанской войны чанкайшисты поддерживали связи с японской разведкой с целью создания единого фронта против коммунистов. Главные персонажи повести — советский и китайский историки в результате изучения материалов, касающихся закулисной стороны японо-китайской войны, выясняют тайну гонконгских переговоров и роль брата жены Чан Кайши»{252}. Этот замысел сам по себе нуждается в расшифровке. В 1938 году японцы вели секретные переговоры в Гонконге с представителями Китая, но правительство Чан Кайши предпочло продолжить войну, договорившись с китайскими коммунистами. В декабре 1941 году Китай заключил союзный договор с Великобританией и США и, таким образом, включился в Тихоокеанскую войну. Антияпонская коалиция чанкайшистов и коммунистов распалась к лету 1945 года. О каких связях и переговорах хотел рассказать Ким? И при чем тут Сун Цзывэнь (брат жены Чан Кайши) — министр иностранных дел и под конец войны глава правительства Китая, тесно контактировавший с американцами? Увы, на эти вопросы не находятся ответы.

У последней из ненаписанных повестей было лишь условное название — «Искусство проникновения». «Автобиография специалиста по науке “синоби” (теория разведки, созданная в Японии), который учился в школе Накано, затем в “Спай скул” в Америке, по окончании которой стал действовать на фронтах тайной войны»{253}. Еще в примечаниях к «Корням японского солнца» Ким кратко рассказал о синоби (ниндзюцу) — искусстве быть невидимым: незаметно или обманным путем проникать на неприятельскую территорию, в чужой дом и выполнять тайные задания. В конце 1936 года он решил написать книгу о синоби и попросил сотрудников иностранного отдела ГУГБ привезти ему из Токио соответствующую литературу{254}. Книга осталась в замысле понятно, по какой причине.

Вопрос, из каких источников Ким узнал о Наканорикугун-гакко. Причем в объеме, достаточном для фабулы повествования. Мог ли он ознакомиться с протоколами допросов пленных японских офицеров или сам участвовать в таких допросах? Думаю, да. К примеру, генерал-лейтенант Хата рассказывал следующее: «Курсанты проходили курс закаливания их личных свойств и характера с тем, чтобы в самых трудных условиях выполнять возлагаемые на них задачи. В школе [также] преподавались иностранные языки, военное и экономическое положение других стран и радиодело. Школа давала познания, необходимые для разведчика и диверсанта… Выпускники школы

Накано везде добивались исключительно высоких успехов в своей работе»[255].

Замысел «Искусства проникновения» по неизвестной причине трансформировался в другую повесть о шпионаже и ниндзюцу — «Школа призраков».

«Я хочу показать не примитивных и трафаретных шпионов — героев традиционных шпионских романов, а квалифицированных специалистов подрывной войны, вооруженных всеми “научными дисциплинами”, которые усиленно разрабатываются сейчас в Америке с целью более эффективной обработки сознания и психики людей», — объяснял Ким в заявке, направленной в «Советский писатель» в октябре 1962 года. Повесть он задумал «в форме исповеди курсанта специальной школы американской разведки», взяв за прототип своего вымышленного заведения «особую дипломатическую школу, созданную английской разведкой в Шамляне (Ливан) и описанную каирским журналом “Роз эльюсеф”»[256].

Рукопись Ким обязался сдать в сентябре 1963 года, однако позже попросил об отсрочке: сперва для переделки повести («по соображениям политического порядка надо будет вытащить одну сюжетную линию, проходящую через всю повесть»), потом для поездки «в Африку и Европу — проверить на месте материалы для последних глав»[257].

«Школа призраков» была закончена в октябре 1964 года, принята к публикации в журнале «Наш современник» в летнем номере 1965 года и включена в издательский план «Советского писателя» на 1966 год. Редакция журнала предварительно «послала повесть на спецконсультацию, где автору был сделан ряд замечаний, которые Р. Ким учел»[258]. Теперь не угадать, какой повесть была до правок и переделок. В итоге получилась энциклопедия шпионских знаний — недостаточно подробная, чтобы стать учебником, но довольно полная как описание системы подготовки разведчиков и диверсантов (рецензент даже заметил, что «специальная эрудиция автора порою не получает достаточно выразительного художественного изображения и некоторые страницы повести звучат как сугубо деловая информация»[259]).

Действие, судя по ряду намеков, происходит где-то в Восточной Африке, вероятнее всего в Эритрее. В разведшколе под кодовым названием АФ-5 занимаются курсанты из европейских, азиатских и африканских стран. Их учат быть «призраками» — не иметь, когда нужно, своего лица, надевать маски по ситуации, «расшифровывать» других людей и при этом самим оставаться закрытыми. Главный герой повести, ни разу не названный по

имени, докладывает о ходе обучения человеку, по чьей рекомендации он принят в школу. Базовый курс школы — это техники наблюдения, установления контактов и уговаривания, шифровальное дело. Специализация — ниндзюцу, шпионская наука номер один. В АФ-5 преподают высший ниндзюцу: как организовывать политические инциденты, волнения, мятежи, перевороты и чрезвычайные ситуации для форсирования событий; частично — средний ниндзюцу: о методах вербовки, типах агентуры, видах агентурных комбинаций, использовании чужой агентуры (полевая разведка и диверсионные акции, не требующие высокого аналитического и психологического мастерства — это низший ниндзюцу).

Читать «Школу призраков» любопытно, но не как художественное произведение: первая половина повести похожа на конспекты вперемежку с дневниковыми записями. Интрига появляется, когда курсанты переходят к практическим заданиям. Сначала проваливается акция по подмене на городском складе груза лекарств, поступивших из социалистической страны. Подозрение падает на одного из преподавателей школы — Бана, специалиста по тайным убийствам. Следующая акция оборачивается катастрофой. Вместо намеченного к устранению кувейтского нефтепромышленника смерть настигает Командора — начальника школы. Бан исчезает и, когда агенты школы выходят на его след, кончает жизнь самоубийством. Главный герой повести, участник акции, остается вне подозрений и получает направление к месту службы.

Загадка провалов раскрывается в его последнем письме-докладе: «Я провел комбинацию по всем правилам, приводимым в трактате “Ниндзюцу-хидэн-сецунинмокуроку” — проник в замаскированном виде во вражеский лагерь, завоевал доверие и в нужный момент нанес удар». Курсант обыграл мастеров тайных операций! А началось все с поступления молодого писателя в частную сыскную школу с целью набраться нужных знаний для сочинения грамотных детективных книг. «Когда я узнал, что наиболее способных курсантов отбирают для дальнейших занятий и затем определяют на весьма доверительную работу, у меня возникла мысль использовать этот дар фортуны: собрать нужные сведения для сочинения достоверных рассказов и повестей о действиях секретных служб. А после встречи с вами, когда я понял, что вы поверили придуманной мною биографии и что я прошел (незаметно для себя) все тесты, я решил идти дальше… Искренне благодарю вас за то, что дали мне возможность пройти курс учения в школе АФ-5. Теперь я обеспечен материалами для серии шпионских повестей и киносценариев. В ближайшее время

я созову пресс-конференцию и расскажу о том, что мне удалось узнать… Пусть мир узнает о делах, творимых и замышляемых вами и вам подобными».

«Школа призраков» стала квинтэссенцией «специальной эрудиции» Кима. И еще в повести о двойном агенте усматривается иносказательное признание. «Профессор должен быть доволен своим учеником…» Помните — Токио, колледж Кэйо? Романа Кима учили быть японцем, и в душе он наполовину стал им. Лучшие шпионы, как известно, получаются именно из таких знатоков иной жизни и культуры. Свое знание Ким обратил против той стороны Японии, которую не любил и отвергал. Работая в советской контрразведке, он вел свою личную тайную войну. Действуя при этом как настоящий синоби.

Последним повестям Кима почти не дали хода за границу. «Тетрадь, найденная в Сунчоне» девятнадцать раз издавалась за пределами СССР, в том числе во Франции, Италии, Норвегии, Швеции, Аргентине, Мексике, Японии. «Девушку из Хиросимы» перевели на восемь языков. «По прочтении сжечь» напечатали лишь в Болгарии, Румынии и Венгрии. «Школу призраков» при жизни автора — только в Праге, потом еще в Софии, Будапеште, Братиславе. В СССР она переиздавалась всего дважды{260}.

Новых повестей Роман Николаевич не напишет.

* * *

«Как построю жизнь по возвращении в Москву, не знаю, — в марте 1965 года писал Ким Славину из холодной Ялты, куда уехал, чтобы в одиночестве перетерпеть боль от внезапной смерти жены. — Одно ясно — никогда не будет такой подруги около меня, какой была Люба…» «Сделал начерно один детективный рассказик… Была бы Люба, почитал бы ей и узнал ее мнение. Но ее нет, и не будет больше. Вот теперь видишь, чувствуешь, как она заполняла до отказа мою жизнь, как было тепло с ней… Буду теперь без сердца, обойдусь без него. Для того, чтобы стучать на машинке, нужны пальцы и глаза, и голова… Этот удар такой, после которого я уже никогда не оправлюсь — буду до конца жизни находиться, как говорят боксеры, в состоянии “грогги”…»{261}

Душевное потрясение подорвало телесное здоровье. Врачи поставили диагноз: рак желудка. Делать операцию то ли было поздно, то ли рискованно. Друзья договаривались о консультациях с медицинскими светилами. Знакомые японцы, будучи в Москве, принесли новейшее лекарство на основе

пчелиного молочка. Все это на время облегчало страдания. Иногда боли были такие, что Ким на целый день оставался в постели.

«Ни стона, ни жалобы. Вообще ни слова о беспощадно-мучительном, уносившем его силы. Он не утратил ни одного из главных интересов своей жизни, ни чувства юмора. Когда он вставал, то это был прежний изысканно-элегантный Ким» (воспоминания Вадима Сафонова). Лишь однажды Ким посетовал на утрату воли к творчеству. «Он указал на мой стол, заваленный бумагами, и сказал тоскливо: — А я не могу. Башка отказывается работать… Я стал говорить в утешение какие-то дешевые слова, вроде того, что болезни приходят и уходят, а работа остается. Ким слушал меня рассеянно, но вежливо улыбался» (воспоминания Василия Ардаматского)[{262}].

Сочинял он совсем мало. В конце 1964 года отдал в «Наш современник» рассказ «Особо секретное задание» — о буднях рядового полицейского в США, потом «Дело об убийстве Шерлока Холмса» — историю из жизни Конан-Дойля (искусно вымышленную). Зимой или весной 1965 года Ким сочинил свой самый странный рассказ «Доктор Мурхэд и пациентка» — о том, как опасно заигрывать с темными сторонами подсознания. Рассказ этот чем-то напоминает ранние сочинения Стивена Кинга (который тогда еще учился в колледже). За «Мурхэдом» последовала ироничная «Проверка ангелов». Ученые-психологи, убежденные, что человека можно измерить и проверить «по частям», берутся за срочный заказ; заказчик, изучив заключение, восхищается: «Здорово! Этого — в команду Трехпалого. А ты в команду Хорька. Завтра будем брать банк. Наука — великая вещь!»…

«Роман Николаевич знал, что смертельно болен, но виду не подавал. Смеялся, шутил, пересыпал свою быструю речь то русскими (если говорил по-японски), то японскими (если говорил по-русски) словами, язвил по поводу каких-то незадачливых западных «фантастов-мизантропов», — запомнил филолог-японист Анатолий Мамонов, в ту пору аспирант Института востоковедения РАН[{263}]. Однажды он был в гостях у Кима. По ходу беседы хозяин дома снял с полки старинный фолиант, тисненный золотыми иероглифами, и раскрыл на странице, отмеченной единственной на всю книгу закладкой. Пояснив «Почти Басе!», он прочел трехстишие, сочиненное неким отшельником в начале XIX века. Ким читал по-японски, и гость тут же попробовал сделать перевод.

И всего-то событий за день —
Еловая шишка

С ветки упала!

* * *

«Позвоните мне через день», — и дал номер телефона в «Астории».

Познакомившись с молодым ленинградским писателем Михаилом Хейфецем, Ким пообещал прочитать его приключенческую повесть. Прочитав, обещал взять рукопись в Москву — показать Александру Строеву, редактору отдела фантастики и приключений издательства «Молодая гвардия». «О большем, разумеется, я мечтать не смел. Примерно через полгода решил о себе напомнить. Воспользовался каким-то предлогом и поехал в Москву лично. Зашёл в издательство и отыскал Строева в одном из тесных кабинетов.

— Да, я помню вашу рукопись. И Роман Николаевич очень её нахваливал… А вы пойдёте на панихиду?

— Не понял…

— Роман Николаевич умер. Вчера. Панихида сегодня в Союзе писателей. Вы что, не слышали?..»

Роман Ким скончался 14 мая 1967 года. Его похоронили на Ваганьковском кладбище в одной могиле с женой Любой.

Последние два рассказа Кима были напечатаны в «Нашем современнике» после смерти автора. Судьба его обширной библиотеки и личного архива неясна. В октябре 1968 года в «Огоньке» появился «Японский пейзаж» — переписанный Кимом довоенный рассказ. Надо полагать, рукопись обнаружилась в бумагах Романа Николаевича. Повествование перенесено в современность, но финал тот же — как расходятся вдруг дороги путников, шедших вместе любоваться красотами горного озера.

И еще осталось воспоминание о сюжете рассказа, что сложился у Кима, но не был воплощен на бумаге{264}.

Дорогой пансионат высоко в Альпах. Не сезон. В полупустом отеле поселяется молодой, красивый человек. Явно богат. Возможно, директор крупной фирмы или главный инженер, конструктор-изобретатель. Приехал, чтобы без помех, в одиночестве поработать. Возвращаясь с прогулок, забирал на рецепции почту — пухлые конверты, оклеенные иностранными марками. Среди редких приезжих появляется юная девушка с хрупкой и нежной прелестью. Случилось то, что не могло не случиться — вспыхнула любовь, молниеносная, с первого взгляда. Они не могли говорить ни о чем, кроме того, что наполняло их. Ходили рука об руку. Но пришла телеграмма: тяжело больна мать

девушки. В ночь накануне ее отъезда оба не сомкнули глаз. Душила тоска. Границы, разность национальностей, общественное положение разделяют их; к тому же он женат. Встреча в Альпах — случайный подарок судьбы. На другой день он берет телефонную трубку: «Все в порядке. Посылали, разумеется, — раскусил сразу: не вытянула из меня нисколечко! Но что за девушка! Диво!» А она звонила снизу, из долины: «Все выполнила. Пересняла. Да, все. Пленка со мной. Зачем, зачем же вызывать, срывать меня раньше, чем уговорились?» И она зарыдала…

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.
Р.Ким.
О бусидо
(стенограмма лекции, которая никогда не была и не будет прочитана)

Товарищи!

Два принципа кардинальных, всеопределяющих, лежат в основе бусидо-этики японских самураев, которых классовое господство длилось с XII по XIX век, начавшись с выхода на сцену кланов Таира и Мина-Мото и завершившись самурайской Вандеей — трагическим мятежом генерала Сайго в 1877 г.; два основоположных принципа суть беззаветнейшая преданность господину своему, т.е. чувство великого долга перед сюзереном и вытекающее отсюда неумолимое последовательное до конца презрение к смерти, торжественный отказ от всякого страха перед небытием; эти два принципа — наивысшего долга и величавого пренебрежения к смерти, эти опорные колонны самурайской идеологии с неустанным рвением и тщанием укреплялись и полировались в течение семи феодальных столетий, и что удивительного, если эти колонные принципы были доведены до небывалой прочности и слепящего блеска и вызвали шумное изумление европеян, в XIX веке вторично открывших Японию; что удивительного, если в течение семи веков изо дня в день, из часа в час представители правящего класса словом и делом демонстрировали свое неистощимое презрение к смерти, измывались над ней, как над последней девкой из Кандаских лупанарных бань, и напряженной волевой гимнастикой вытравили дочиста из своих душ всякий страх перед призраком безносой; к этим двум принципам-доминантам неразрывно примыкает третий, заключающийся в доведенном до пределов стоицизма, непроницаемой охране своей души от чужого взора, замуровывании всех своих чувств под неподвижной маской лица, ибо преданный самурай, готовый в любой момент швырнуть свою жизнь без сожаления, как лопнувшую сандалию, к ногам владыки, должен переносить молча все лишения и никогда не выказывать наружу презренных судорог души. Вот эти три принципа составляют сокровенное нутро бусидо, его сердце, на которое в последующие столетия токугавскими профессорами было наложено несколько толстых слоев конфуцианского лака, превратившего жизненные правила диких воинственных

хэйанских (кантонских) и камакурских самураев-дружинников в благообразный чинный чиновничий кодекс морали, во всем согласованный с округленными китайскими философемами.

О нормах повседневного поведения первых самураев, о том, как они были крепко преданы своим господам, и о том, как они весело умирали, нам рассказывают в величавых гомеровских тонах «гункимоно» — военные хроники Камакурских времен, эти японские chansons de geste. Главнейший атрибут бусидо — сэппуку или харакири, т.е. вспарывание живота, совершаемое в случае поражения в бою, компрометантного поступка, смерти сюзерена или в качестве довода действием для образумления заблуждающегося господина. Это великое японское изобретение появилось в конце Хэйанских веков [IX–XII вв.], и самое раннее упоминание о нем мы находим в историческом труде «Дзокукодзидан», где повествуется о том, как некий «Фудзивара Ясусуке вынул меч, распорол живот и вытащил кишки»; последняя манипуляция была «канонизована» и до середины XIV века самураи, очутившись во время боя в безысходном положении, разрезали живот и изо всех сил швырялись своими кишками, стараясь для вящего удовольствия попасть во вражеские лица; процедура совершения харакири в последующие века была нормирована, регламентирована, стандартизована, и только некоторые артистические натуры и изобретательные умы позволяли себе кое-какие эффектные отступления; обычно же харакири совершалось так: вонзали кинжал в левый бок, проводили горизонтальную линию по всему животу, затем прокалывали полость сердца и вели нож до пупка, — в большинстве случаев здесь наступал финал, но некоторые не удовлетворившись всем этим, вгоняли кинжал в горло; в XVIII веке сьогунскими церемониймейстерами был сочинен торжественный ритуал, при чем в харакирное действо был введен так называемый «Кайсяку» — ассистент, коему поручалось в момент первых судорог четким взмахом сносить голову самоубийцы.

Дикое, пахнущее кровью, вспоенное пьяным молоком фанатизма, бусидо в его некодифицированном незалакированном виде существовало до XVII века, т.е. до воцарения династии военных монархов Токугава, положивших конец нескончаемым феодальным войнам, что свирепствовали в течение трех веков; но эти первые десятилетия новой эпохи были отмечены рядом великолепных проявлений живописных демонстраций воинствующего бусидо, из коих следует прежде всего назвать «харакири вдогонку» — оибара и действенную проповедь самурайского стоицизма; дело в том, что с начала этого века в

кругах ответственных вассалов стал культивироваться обычай после кончины своих даймьо распарывать себе живот, чтобы следовать за сеньором; классическими случаями должны считаться групповые харакири вассалов нагойского даймьо Мацудаира в 1607 году, советников Этидзэнского Хидэясу в том же году и в особенности то самопобоище, что разыгралось после кончины третьего сьогуна в 1651 году, когда ряд высших самураев-министров во главе с Абэ и Утида совершили харакири, а за ними в свою очередь последовали их вассалы, образовав жуткую пирамиду. Между прочим сугубо характерно, что родоначальник Токугавской династии — Иэясу не причислил себя к апологетам «оибара» и, когда этидзенские вассалы пустились «вдогонку» с разодранными животами, он опубликовал осуждающую буллу со словами: «умирать легко, жить трудней», предвосхитив этим самым лефовского даймьо Маяковского, сказавшего после одной смерти: «в этой жизни помереть не трудно, — сделать жизнь значительно трудней»; эта эпидемия «соибара» продолжалась до второй половины XVII века, пока правительство не запретило наистрожайше эти окровавленные кортежи на тот свет. Что же касается до активного стоицизма, то он заключался в том, что самурайские золотые молодчики датэсю, желая довести до недосягаемой высоты свою волевую закалку, испытывали себя таким образом: непоспешными стопами фланировали по зимним улицам в одном тонком халатике, обмахиваясь большими веерами; в июльский зной, взвалив на себя тяжелые кимоно, подбитые ватой, грелись у жаровни; устраивали экстравагантные трапезы, на которых с непроницаемыми безмятежными лицами-масками, зорко послеживая друг за другом, ели терпкий суп из сороконожек, форшмак из соленых дождевых червей и нестерпимо жирную похлебку из кротов и жаб; поистине, прошедших эти необычайные курсы терпения и готовности ко всему, ничто больше не могло и не должно было смущать.

Но жизнь брала свое: феодальных войн не было, кругом ненарушимо властвовал мир, и все стали понемногу тяготиться этим неистово-диким неукротимым бусидо. Как хорошо было бы обуздать его, остричь его и сделать сводом жизненных правил, не воинов головорезов, нет, а верноподданных чиновников великого сьогуна. И вот появляется услужливая фаланга казенных конфуцианских ученых, — все эти Наказ Тодзю, Кумадзава Бандзан, Даидодзи Юсэн и другие, усилиями коих бусидо был превращен в стройный кодекс норм поведения, имеющий в своей основе конфуцианские принципы безграничной верности государю, почитания родителей и осуждения безрассудного

мужества; философы Накаэ и Каибара говорят, что самурай должен быть прежде всего гуманным мужем и должен знать заповеди Конфуция, а Токугава Нариаки, глава митосской школы, в книге «Кокусихэн», вышедшей в 1833 г., резюмируя всю проведенную работу по кодификации бусидо, предписывает самураям следующее: избегать вульгарного мужества (sic!), заботиться о внешнем облике, читать творения древних, ходить на охоту, ездить верхом на коне по берегу моря и играть на флейте в лунную ночь; если бы этот мудрец был знаком с европейской культурой, он, вне всякого сомнения, рекомендовал бы самураям играть в серсо, раскладывать пасьянс и конспектировать Четьи Минеи. Конфуцианским профессорам удалось в известной степени приглушить, укротить и обуздать тезисы бусидо, но кардинальные принципы чувства долга и презрения к смерти были сохранены в непоколебимой целости. Правда, первый принцип, который был наиактуальнейшим, непрестанно испытуемым в эпоху ежедневных феодальных войн, утратил в эпоху мира свое значение, превратившись в простую максиму чиновничьей морали, в заповедь, ничем не вуалируемого, сервилизма. Но второй принцип, принцип игнорирования смерти, беспощадного пренебрежения к ней, был торжественно пронесен через все токугавские века [XVII–XIX вв.], породив вереницу классических харакири, вендет-актов кровной мести, отобразившихся на лучших страницах японской повествовательной драматической литературы. Японские танкаслагатели слово «сакура» — вишня единогласно возвели в символ самурая, самурайской души, ибо вишневые цветы, после пышного расцвета, сразу же, без остатка, осыпаются в течение одной ночи, подобно самураю, без тени сожаления совершающего акт самоумерщвления.

Самурайский класс, сотворивший бусидо, сошел со страниц истории во второй половине XIX века, но новое императорское правительство, отняв у самураев мечи и разметав их, решило использовать идеологическое наследие их, неизгладимо врезавшееся в сознание японского народа, и приступило к шумной пропаганде тех же, только слегка измененных двух основоположных принципов: преданности сюзерену, теперь — императору, и готовности в любой миг приять смерть ради сюзерена, теперь — императора; о том, что госапология модернизованного бусидо была успешной, гордо свидетельствуют восторженные слова профессора Нитобэ Инадзо: «Сражение на Ялу, в Корее и Маньчжурии выиграли духи наших отцов, водившие нашими руками и бившиеся в наших сердцах. Они не умерли. Эти духи — души наших воинственных предков». Прав

токийский магистр, справедлив его восторг, поистине бусидо — моральный кодекс средневековых вассалов, неистовых полуварваров, стоических фанатиков в течение нескольких последних десятилетий комментарской изобретательностью был превращен в Коран воинствующего монархизма и патриотизма, в религиозно-этическую систему японских казарм. И вот теперь, оглянув всю историю самурайской морали, если вы захотите взять наиболее высокие моменты, наиболее патетические абзацы летописи бусидо, наикласснейшие примеры, то это будут: «харакири вдогонку» кавалера второй степени Великого Чина, Маршала графа Ноги и история заговора и смерти сорока семи самураев. Первая повесть о самоубийце-маршале вас изумит на несколько минут, но вряд ли это чувство удивления приведет вас к глубоко благоговейному безоговорочному пиэтету; скорее всего, у вас мелькнет мысль о том, что в груди этого хмурого полководца начала XX столетия, генерала, разгромившего порт-артурские форты одиннадцатидюймовыми мортирами, билось сердце кромешного фанатика начала XVII века, того самого, который умирал вслед за своим даймьо, повелев своей жене или любимой наложнице и вассалам сопровождать его; скорее всего, вы вспомните желтые листы фолианта первых токутавских лет «Мэйрьо-Кохан» — Книгу Ясности в коей убедительно говорится об одной разновидности харакири, о так называемом «сеьобара», т.е. «харакири de raison», рассчитанном на эффект и на последующую славу.

Но быль о сорока семи самураях справедливо требует от вас более длительного внимания; поэтому расскажем о них более тщательно. Эти сорок семь во главе с Оиси Кураносукэ, после того, как их сюзерену по сьогунскому повелению пришлось покончить с собой из-за даймьо Кира Кодзукэ, — дали друг другу кровную клятву во что бы то ни стало стереть с лица земли этого сиятельного негодяя; они рассеялись во все стороны, превратились в бродяг, разносчиков, торговцев, поэтов, мелких ремесленников и т.д., непрестанно держа тайную связь и шаг за шагом окружая невидимой сетью находившийся в Эдо дворец-крепость их могущественного врага, который, будучи окружен лесом своих телохранителей и шпионов, ни на одну секунду не ослаблял своей бдительности; только вождь заговорщиков Оиси Кураносукэ, увидев плотное кольцо вражьих шпиков, сразу же отчаялся, махнул рукой на заговор, вытолкал из дома плачущую, с двумя детьми, жену, с которой прожил десятки ничем не омраченных лет, сменил строгое одеяние сановного самурая на легкомысленный узорчатый шелковый халат и с головой погрузился в жизнь развратного бонвивана; его пьяную, зловонно

икающую, фигуру стали ежедневно видеть на верандах киотоских веселых домов и в канавах, куда он сваливался в бесчувствии; люди, знавшие его, все отвернулись от презренного гнуса, смрадного ренегата, и, когда он валялся на улице, распахнув дорогой с цветистыми узорами халат, некоторые плевали на него, швыряли в него комья грязи и даже били деревянными сандалиями по лицу; он, который раньше был одним из главных приближенных даймьо, вождь заговорщиков, забыл решительно все: забыл клятву, зачинщиком которой был сам; забыл тех, которые ждали его знака, стиснув зубы от нетерпения; забыл самурайскую честь, все наставления своего учителя, философа Ямага (которым два века спустя будет зачитываться генерал Ноги), и окончательно перестал быть человеком; шпионы Кира Кодзукэ, следившие за каждым шагом Оиси Кураносукэ, досконально описывавшие историю его необычайного падения в своих донесениях в Эдо, не ожидали такого оборота дела: Оиси Кураносукэ, доселе имевший кристальную репутацию доблестнейшего самурая, мастерски, оказывается, скрывал свою истинную натуру распутника и жалкого труса. И вот прошел год после харакири несчастного даймьо и разгона его самураев; о последних ничего не было слышно, и четырнадцатого марта, в день годовщины самоубийства, никто не пришел поклониться могильному камню, — все было тихо, спокойно; шпионы, исписав кипы реляций об Оиси, плюнули и вернулись в Эдо, и эту историю все стали постепенно забывать, ибо, как гласит японская поговорка: «молва про людей длится семьдесят пять дней» — «хито но уваса моситидзюгонити»… В октябре этого года в поселок Камакура, что около Эдо, пришел откуда-то пожилой самурай по имени Какими Горобэй и, пробыв три дня, направился в столицу; там он стал вести непонятную жизнь, кочуя из дома в дом своих знакомых — большею частью мелких торговцев, ремесленников, разносчиков, поденщиков и просто людей без определенной профессии: по-видимому, самурай Какими, несмотря на свои мечи, решил вместе со своими знакомыми заняться недостойным делом — открыть торговое предприятие для обслуживания даймьо и, в первую очередь, господина Кира Кодзукэ, ибо Какими и его компаньоны очень часто говаривали о даймьо Кира, его вкусах и привычках, дворце, званых вечерах там, дворцовой челяди, числе закрытых носилок, в коих ездит даймьо, меняя их каждый раз, о характере привратников, которые иногда не пускают торговцев-поставщиков, и даже о глубине пруда, находящегося в дворцовом саду. Когда наступил декабрь, Какими и его друзья стали собираться чаще и, по-видимому, дело выходило, но не хватало чего-то, может быть денег, ибо все что-то

высчитывали на счетах, корпели над грязными, смятыми чертежами и почтительно выслушивали Какими, который был вообще глубоко образованным человеком, — любил цитировать китайских классиков и писать тушью величавые пейзажи в стиле гениального Сэссю. В холодную снежную ночь 14 декабря в доме одного из знакомых. Какими был устроен скромный ужин, на который собралось сорок семь человек; было сакэ, жареные каштаны, рисовые лепешки и суп из морской капусты — ужин был без всяких изысков, но все собравшиеся были в диковинных нарядах: комната, где все собрались, была похожа на кулисы театра «кабуки», так как все были в боевых самурайских одеяниях, в которые уже в течение ста лет ни один самурай не облачался по причине полного отсутствия войн со времени воцарения Токугавской династии, — войны происходили только на вертящейся сцене и на «дороге цветов»; у всех собравшихся были шлемы, нагрудники, шаровары, цепные пояса и внушительные мечи; после полуночи все, по знаку Какими, главного зачинщика этого необычайного маскарада, стали выходить из дому, неся с собой, кроме мечей, еще громадные деревянные молоты и копья; выслушав с серьезными лицами наставления вожака, этого угрюмого потешника, все молчаливой гурьбой пошли по пустым снежным эдоским улицам; между прочим Какими был одет почти так же, как и все, но у него преобладали черные строгие цвета, очевидно, он не любил цветисто-узорчатые одеяния, только у него на черном рукаве верхнего халата странно выделялась, пришитая одним концом, узкая полоска позолоченного картона, эта полоска свешивалась с рукава, на одной стороне ее было написано иероглифами: «Эры Гэнроку пятнадцатого года двенадцатой луны четырнадцатого дня ночью я умер в бою», а на обратной — фамилия: «Оиси Кураносукэ». На следующее утро весь необъятный Эдо был потрясен невероятным событием: под утро в усадьбу даймьо Кира Кодзукэ ворвались сорок семь самураев, которые, перебив всю дворцовую охрану и разыскав, где-то на задворках, трясущегося хозяина, отрубили ему голову; сьогунское правительство, ошеломленное не меньше эдоских обывателей, приговорило эту банду самураев, осмелившихся посредине великой сьогунской столицы разгромить дворец и обезглавить одного из влиятельнейших даймьо, к смерти через харакири. Все умерли четвертого февраля 1704 года. Вот в грубых штрихах вся история сорока семи.

Когда мы говорим о бусидо в его феодалистическом и сегодняшнем банзай-патриотическом аспектах, взор невольно останавливается на выпуклых одиозных очертаниях и не хочет

итти дальше вглубь, сквозь наружную, густо наляпанную, лакировку; но не следует с торопливым нетерпением делать сокрушительный вывод — исступленно пускать, подобно Б. Зильперту, чугунные стрелы в заведомый призрак; можно непримиримо и решительно отвергать бусидо за его внешний облик, отвратную конфигурацию, но неужели же в нем, питавшем в течение стольких столетий один из культурнейших народов мира, нет ничего, ничего, что могло бы быть нами, неяпонцами, — корейцами, китайцами, русскими, европейцами, — принято, хотя бы с кое-какими осторожными оговорками, или, может быть, даже сочувственно оправдано? На это отвечаем: есть. Для этого надо взять те два основоположных принципа самурайской морали, выхватить их из контекста феодальной эпохи, освободить их от кожуры классовых атрибутов самурайства и отчетливо отделить от казенно-казарменного культа сына неба; и вот тогда эти два принципа, взятые вне времени, предельно абстрагированные, сведенные к сокровеннейшей сути, будут означать: всепоглощающее чувство долга и радостную готовность пожертвовать собой ради дела всей жизни. И сорок семь самураев начала XVIII века, которые знали это чувство долга и выполнили этот долг целиком, без остатка, разве они не достойны искреннего и проникновенного сочувствия? Сорок семь человек, нерасторжимо связавших друг друга братской клятвой; безукоризненно проведших с начала до конца изумительную конспирацию в сплошь шпионском Эдо, сокрушивших все заставы бдительности сиятельного врага; не дрогнувших ни разу с первой минуты заговора до последней секунды жизни; давших незабываемый пример монолитно спаянного коллектива; доведших дело всей своей жизни до испепеляющего конца!

(Пильняк Б. Корни японского солнца; Ким Р. Ноги к змее. Л., 1927. С. 135–146.)

Приложение 2.
Р.Ким.
Японский пейзаж

После крутого перевала вдали показалась высокая гора, очень синяя гора со снежной верхушкой. Ближайшая долина была сплошь красной и светлолистовой, сплошь горная азалия и волчий корень. По краям дороги бамбук и трилистник. Надо было отдохнуть, от синей горы шла прохлада через несколько долин, но было жарко. Пять путников подошли к лачуге, вместо вывески висели рекламы зубного порошка и прохладительных пилюль. Все пятеро сели под навесом на скамейки, покрытые красным одеялом.

Из лачуги вышла старушка с подносом, кланяясь перед каждым, поставила чашечки, разлила чай. На большой скамейке около наружной двери лачуги лежали связка соломенных лаптей, открытки, в стеклянном ящике цветные сухарики.

Пожилой иностранец вынул из чемоданчика сандвичи, открыл походную флягу. Японец, молодой парень в альпаковом европейском костюме, купил соломенные лапти и повесил на плечи тяжелые ботинки, подкованные железками. Остальные трое — супруги с маленькой девочкой, все в японском, сняли сандалии, взобрались на скамейки, стали пить чай мелкими глотками.

Иностранец достал «лейку», снял каменную статую бога Дзидзо около скалы, потом подошел к супругам, показал на девочку и спросил:

— Йоросии дэсука [Можно]?

Супруги переглянулись, улыбнулись, муж поправил очки и ответил с поклоном:

— If you please.

Мать поправила девочке челку, пояс сзади. Иностранец усадил девочку на другой конец скамейки так, чтобы на фоне — горы сзади, и щелкнул несколько раз. Затем снял родителей с девочкой, подозвал молодого парня, но тот с улыбкой покачал рукой перед лицом, отказался.

Путники, оставив старухе несколько медяков, пошли дальше.

Еще один перевал, началась чаща причудливо изогнутых сосен, по краям узкой дороги росли желтые ромашки и розовые ойрансо. Синяя гора стала ближе, внизу появилась новая долина, на дне ее виднелась деревушка, десяток хижин с соломенными крышами, шесты, на них сушились халаты. Небольшая речка,

несколько маленьких квадратов рисовых полей.

Иностранец пошел рядом с супругами. Жена тоже знала английский.

— Вы к озеру?

— Да, а вы?

— Я тоже. Люблю путешествовать в японских горах пешком, без всяких гидов и удобств. Когда мы доберемся до озера наверху?

— К вечеру придем. Вы давно в Японии?

— Уже полтора года. Девочка, наверно, устала. Ей трудно ходить по горам так много. Самая молодая туристка в мире.

Иностранец засмеялся и осторожно взял девочку на руки. Супруги узнали, что иностранец — французский посол, Поль Клодель. Жена сказала, что она читала стихи Клоделя в переводе Хоригучи Дайгаку. Посол узнал, что муж был учителем английского языка в одной частной гимназии в Токио. Гимназию закрыли три месяца назад, здание было куплено патриотической организацией. Жена кончила среднюю школу, из-за туберкулеза перестала работать кельнершей на Гиндзе.

Около маленькой кумирни богини Лисы путники остановились пообедать. Парень в альпаковой одежде вынул из сумки алюминиевую коробку с рисом и кусочком кеты. Посол стал хлопать по карманам, обнаружил — выронил по дороге коробку сигарет. Парень вытащил из кармана папиросы и предложил послу. Оба закурили. Супруги, отвернувшись, стыдливо кушали омусуби — соленый рис, скатанный в шарики. Девочка достала из рукава халатика аккуратно сложенную цветную бумажку, расправила ее, стала дуть, оказалось, что это мяч из бумаги, начала подбрасывать в воздух и отбивать рукой. Когда мяч падал на землю, девочка приседала и хохотала.

Когда проходили мимо следующей чайной лачуги, девочка увидела на прилавке лепешки со сладкой гороховой начинкой. Она остановилась около лепешек, засунула палец в рот. Супруги посмотрели друг на друга. Жена сказала:

— Сколько осталось?

— Один эн семьдесят сэнов.

— На гостиницу хватит полтора эна. Купите на остальные. Фумичян очень любит эти лепешки.

Жена поднесла рукав халата к лицу и пошла вперед.

Посол вынул из кармана словарь-разговорник и стал составлять фразы на японском. Парень в альпаке с трудом, но понимал посла.

— Сколько ри осталось до озера?

— Уже близко. Один час.

— Что за будки там внизу?

— Там делают древесный уголь.

— Вы студент?

— Нет. Я не студент. Я…

Парень стал искать в словаре слово «электромонтер», но не нашел. Объяснил размашистыми жестами; посол решил, что парень — цирковой артист.

Дальше пошла прямая дорога в гору мимо отвесных скал. По краям дороги стояли каменные фонари. Вдали показалась группа полицейских, они слезли с велосипедов, остановились. Парень сказал послу:

— По этой дороге далеко очень. Здесь близко. Здесь хорошо.

Парень быстро свернул с дороги, пошел по тропинке вдоль ущелья. Все остальные пошли за ним. Тропинка быстро привела к вершине горы, и оттуда открылся вид на озеро.

Круглое, очень холодное на вид, озеро было окружено со всех сторон высокими горами. На берегу цвели вишни. По сине-зеленому стеклу скользили крошечные яхты. На той стороне озера, на склоне горы среди сосен, виднелись пагода и крыша буддийского монастыря. Ниже монастыря было селение. Когда-то на месте озера был громадный кратер вулкана. От озера шла маленькая речка, через нее был переброшен красный мостик в старинном китайском стиле, игрушечный. Дальше стояли виллы. Речка вела к знаменитому на всю Азию водопаду, о котором говорилось во всех справочниках для туристов.

Пятеро путников долго стояли и смотрели на озеро, вишни, горы и облака. Посол хотел снять, но уже не хватало света. Кругом над озером было абсолютно тихо. Потом показалась моторная лодка, где-то среди сосен несколько раз ударили в гонг, потом опять стало тихо.

Посол вынул блокнот, записал: «Озеро среди гор. Синезелено-розоватые акварельные сумерки. Водопад в нескольких километрах. Пейзаж — нечаянный шедевр вулканов, типично японский. Все одинаковы перед лицом шедевра природы. Император, торговец, кули одинаково забывают свои эфемерные страсти — политику, заботы, обиды. Буддийский пантеизм etc. Японцы умеют особенно тонко гутировать красоту природы. Написать в ответе Валери».

Стало быстро темнеть. Путники спустились к берегу, подошли к гостинице. Все разместились в комнатах; через раздвинутые двери вид на озеро и горы. Служанки предложили прибывшим помыться. Все надели ночные халаты, пошли в ванную. Посол вернулся обратно к себе в комнату, сказал, что будет мыться после. В четырехугольном бассейне поместились

молодой парень и супруги с девочкой; сидели на корточках в очень горячей воде. После ванны гостям подали еду в комнаты. Все рано легли спать, устали. Больше никаких гостей, кроме них, пяти, в гостинице не было. Ночью озера не было слышно, как будто оно не в тридцати шагах от дверей, а где-то за горами.

Рано утром все пять путников покинули гостиницу, разошлись в разные стороны.

Посол вызвал рикшу из селения и поехал дальше в горы, в соседний курорт, чтобы сесть на поезд и к вечеру вернуться в Токио, чтобы быть на рауте во дворце.

Молодой парень нанял лодочника и переправился на ту сторону озера. В монастыре ночью должна была состояться первая конференция нового состава ЦК компартии после большого провала два месяца тому назад.

Супруги с девочкой пошли вдоль берега, перешли мостик, прошли мимо двухэтажных вилл, еще пустых. Они направились прямо к знаменитому водопаду, чтобы броситься в него.

(«Год Восемнадцатый. Альманах восьмой». М., 1935. С. 293–296.)

Приложение 3. Секретные японские документы, добытые Особым отделом ОГПУ — НКВД

I

Сов. секретно.

28 февраля 1932 г.

ЦК ВКП (б) тов. Сталину

Просьба лично ознакомиться с подлинным документом, составленным военным атташе при Японском Посольстве в Москве Касахара — «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза».

Касахара входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят ген. Араки (автор лозунга — «Забайкалье — японо-русская граница») и Хасимото — начальник русского сектора Генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов.

Касахара на днях выезжает в Японию, где он получает ответственное назначение в Японском Генштабе[53].

Зам. пред. ОГПУ В. Балицкий

Перевод с японского.

Документально.

Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза. Военного атташе

при Японском Посольстве в СССР подполковника кавалерии Касахара Юкио.

…В настоящий момент Красная армия по части оснащения и обучения уже достигла требуемого уровня и, пожалуй, превосходит армии блока Польши, Румынии и Прибалтийских государств. Но СССР еще не обладает достаточной мощью для ведения войны в широком смысле этого слова. Экономическая мощь, военная промышленность и единство нации еще не достигли требуемой степени.

Для СССР не представится трудным война с отдельными западными соседями. Но если все они при активной поддержке сильных держав выступят единым фронтом против СССР, последний не сможет провести войну большого масштаба.

Опасения в том, что по проведении пятилетнего плана (вполне возможно, что он будет осуществлен в известной

степени) мощь СССР начнет развиваться чрезвычайно быстро — отнюдь не являются напрасными. Через 10 лет — когда второй пятилетний план будет близок к завершению, военная мощь Союза, подкрепленная обширностью территории, обилием населения и природными богатствами, превратиться в необычайную силу.

В настоящий момент советская политика за исключением идеологической в общем носит пассивный характер. Она сводится к поддержанию мирных экономических взаимоотношений со всеми странами для того, чтобы путем развития внешней торговли накопить достаточные суммы для импорта требуемых машин и западной техники. СССР концентрирует все усилия на проведении пятилетнего плана, на усилении вооружений с тем, чтобы путем увеличения экономической мощи обеспечить грядущий расцвет.

Когда Советский Союз развернет свои мощные крылья, он, опираясь на свою колоссальную вооруженную силу, начнет развертывать активную политику по политической, экономической и идеологической линиям.

… Если наша Империя согласна быть «Малой Японией», то дело другое. Если же она намерена существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать — рано или поздно — войны с СССР.

… В виду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на Сов. Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путем которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и др. государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путем использования белых групп внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций. С этой точки зрения весьма ценным представляется укрепление контакта с дипломатическими и военными кругами государств, граничащих с СССР, и поддержание связи с различными антисоветскими элементами — еще в период мирного времени. В связи с этими задачами наши разведывательные органы нужно дислокировать не только с целью собирания сведений об СССР, но и под углом зрения проведения политических комбинаций против СССР. С этой точки зрения остро ощущается необходимость учреждения наших военных органов в Румынии. В смысле собирания информации об СССР Румыния не представляет особой ценности для нас, но с точки зрения проведения комбинаций она имеет громадное значение, так как в случае японо-советской войны Румыния

вместе с Польшей будет сковывать акции Красной армии против нас.

… Всем известно, что Советский Союз и Красная армия придают колоссальное значение пропаганде и в смысле техники ее проведения оставляют позади себя всех. Советская пропаганда в отношении рабочих капиталистических стран во многих отношениях базируется на истинном положении вещей. Поэтому в военное время, а в особенности в случае, если война затянется, влияние советской пропаганды приобретет такой размах, какой нельзя было наблюдать в войнах, ведшихся до сих пор. Нам надлежит весьма серьезно учесть это обстоятельство. Основная проблема защиты от пропаганды неразрывно связана с проблемой радикальной реформы государственной политики. Я воздерживаюсь от подробных рассуждений на эту тему. В общем, указанная реформа должна сводиться к устранению дефектов западного капитализма, усвоению разумных моментов социализма, иными словами — к установлению такой системы правления, которая, имея в центре императорскую фамилию, будет соответствовать чаяниям всего народа.

… Как уже неоднократно сообщалось в ряде моих донесений, Красная армия в настоящий момент по части оснащения авиацией, химическим оружием, автоматами, артиллерией и бронечастями — т.е. почти по всем видам вооружений превосходит японскую… Для обеспечения победы над врагом у нас остается один метод: сосредоточить все внимание на какой-нибудь одной из важнейших сторон организации и вооружения армии с тем, чтобы этим превосходством в одной отрасли подавить врага, превосходящего нашу армию в других областях… Самой важной задачей для нас является повышение маневренных качеств наших войск… Самым слабым местом Красной армии является отсутствие достаточной маневренной подвижности… Необходимо увеличить нашу авиацию хотя бы до такой степени, чтобы количество наших самолетов равнялось половине самолетов Красной армии… Уступая по количеству вооружений и войск Красной армии, японская армия превосходит ее в одном отношении, а именно — по качеству своего стратегического руководства. Нам необходимо углубить этот момент перевеса… Необходимо принять ряд мер по линии обучения высшего комсостава: учебные сборы чинов генеральского ранга, командировки их, проведение маневров с участием чинов высшего командования, реорганизация системы аспирантуры Военной Академии, проведение военных игр на тему: «Война с Красной армией» под личным руководством Начальника Генерального Штаба… Для усиления изучения Красной армии

нужно первым долгом увеличить количество командированных офицеров…[54] Считаю необходимым командировать в СССР офицеров технических войск и учредить должность военно-технического агента. Если же это предложение будет отклонено под тем предлогом, что этих чинов не удастся устроить в СССР, предлагаю поручить им изучение техники Красной армии, командировав их в страны, граничащие с СССР…

— По Особому отделу.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 15–36.

II

Сов. секретно.

ЦК ВКП (б) — тов. Сталину.

4 марта 1932 г.

Прошу ознакомиться с подлинными документами, посланными японским военным атташе в Москве Касахара в адрес Генштаба…

Зам. пред. ОГПУ В. Балицкий

Перевод с японского.

Документально.

Увеличение вооружений в СССР и его специфическое положение в вопросе о сокращении вооружений. Японский военный атташе в Москве Подполковник Касахара. Послано в Генштаб за №-51 Секретно. Декабрь, 1931 года.

…В сравнении с 1927 годом прибавились от 2-х до 4-х пехотн. дивизий и 1 кав. дивизия. Вооружение этих частей увеличилось следующим образом (если сравним с японской армией, то мы увидим, что СССР значительно превзошел нас):

Количество станковых и ручных пулеметов в пехотном полку:

1927 — 90

1931 — 100 (в особ, дивизиях — 136).

Дивизионная артиллерия. Полев. орудий, крупнокалиб. орудий:

1927 — 48

1931 — 54

(Прим. пер. — На этой странице была сделана наклейка с таблицей вооружений японской армии; эта наклейка была, судя по следам клея, сорвана и уничтожена. На полях имеется пометка, сделанная рукой автора: «Ввиду секретности данных об организации наших войск в мирное время прошу таблицу по прочтении уничтожить»)…

К организации мотомеханизированных частей было приступлено только в начале 1930 года, но в данный момент уже имеется 4 отдельных соединения и 7 мотомеханизированных частей, приданных пехотным дивизиям (у нас в Японии до сих пор нет абсолютно никаких мотомеханизированных частей). Количество танков Красной армии в настоящий момент достигает 600–700, включая танки, состоящие при танковых отрядах и при мотомеханизированных частях. Между количеством танков в японской армии (40–50 танков) и неуклонно растущими силами Кр. армии существует такая же разница, как между небом и землей…

Рост химических вооружений достоин изумления. Уже в 1927 году в пехотных частях Красной армии имелись хим. взводы, но в настоящий момент Красная армия имеет — 1 химический полк, 3 отд. батальона и несколько рот, которые вооружены, главным образом, средствами химического нападения… В противовес этому в японской армии нет ни отдельных химотрядов, ни приданных каким-либо частям…

Количество кадровых офицеров Красной армии в сравнении с общей численностью Красной армии чрезвычайно велико… Отсюда вывод — части военного времени будут весьма насыщены кадровыми офицерами. В этом отношении Красная армия будет значительно превосходить японскую по качеству своего комсостава (ниже ротного командира), ибо последняя в военное время будет иметь в своем составе большое количество офицеров запаса…

— По Особому отделу.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 37, 45–56.

III

Сов. секретно.

22 июня 1932 г.

ЦК ВКП (б) — т. Кагановичу[55].

Дополнительно направляю переводы с подлинных японских документов:

1. Переписка шифром между японским военным атташе в Москве Кавабэ с японским военным атташе в Берлине Саканиси и в Варшаве Хата.

2. Резолюция совещания японских военных атташе — в Стамбуле — Иимура, Москве — Кавабэ, Варшаве — Хата и Риге — Кавамата — по вопросу о разведывательной работе, посланная

шифром Начальнику 2-го Отдела Японского Генштаба.

3. Донесение б. военного атташе в Москве Касахара в Токио — Нач. Упр. Генштаба, в связи с опубликованием 4 марта с.г. передовицы «Известий» с выдержками из японских документов.

4. Шифрованная переписка штаба Квантунской армии с японским военным атташе в Москве Кавабэ.

5. Телеграммы шифром:

а) от японского военного атташе в Лондоне;

б) от японского военного атташе в Москве Кавабэ — в Токио Пом. Нач. Генштаба.

Зам. пред. ОПТУ В. Балицкий

Серия «К»
Перевод с японского.
Документально.
Из Берлина от подполковника Саканиси
19/V/1932 г.
В Москву японскому военному атташе.

Имеется возможность купить здесь шифр-телеграммы Московского Коминтерна, зашифрованные по ныне действующему коду (по 5 знаков в шифр-группе), а также кодовую книгу. Сообщите, нуждаетесь ли Вы в этом материале.

Саканиси
Из Москвы от японского военного атташе
19/V/1932 г.
В Берлин подполковнику Саканиси.

1) Полагаю, что материал, о котором идет речь, хотя и не может быть непосредственно использован здесь, но является чрезвычайно ценным для Токио, хотя бы в качестве подсобного материала. Мне пришлось слышать от одного лица, что советские шифры очень часто меняются. Примите это к сведению.

2) Чрезвычайно благодарен Вам за присылку добытых Вами агентурных сведений о РККА. По данному вопросу с Вами будет беседовать направляющийся к Вам 24 июня Ямаока.

Кавабэ

— По Особому отделу.

Серия «К»
Перевод с японского.
Документально.

Из Токио от Генштаба (даты и № нет).

В Москву японскому военному атташе.

Посылаем Вам телеграфом в адрес Спеши-банка в Лондоне 6000 иен на расходы по разведке.

Что касается употребления этих сумм, то наше пожелание таково: суммы должны быть использованы на:

1) размещение в важнейших пунктах (например, в районе Свердловска и Самары) секретных агентов — для выяснения количества подкреплений, посланных на Дальний Восток и

2) поездку военного атташе или его помощника в ДВК. Если будут полезные материалы, мы обсудим вопрос об их

приобретении. Прошу принять меры в этом направлении.

— По Особому Отделу.

Серия «К»

Перевод с японского.

Документально.

15 мая 1932 г.

Начальнику 2-го Отдела.

От Иимура, Кавабэ, Хата и Кавамата.

В результате совещания мы представляем Вам следующие соображения по вопросу о разведывательной работе в отношении Советского Союза…

1) Всю разведку на СССР сосредоточить в Советской секции, которая помимо изучения, опирающегося главным образом на печатные издания (при ведении разведки на СССР весьма удобно опираться на печатный материал, так как он сравнительно достоверен) должна запрашивать экспозитуры по отдельным моментам.

Для того чтобы секция могла вести работу по отделам: организация Красной армии, вооружение, дислокация частей и т.д., необходимо увеличить количество штатных единиц секции… Если следовать примеру поляков, нам нужно будет иметь секцию по СССР в составе 16 человек.

2) Всю разведку, которая будет проводиться на СССР со стороны всех граничащих с Советским Союзом западных государств (т.е. к северу от Румынии), объединить в руках военного атташе в Польше. (Он же руководит работой военного атташе в Латвии.) Учредить пост помощника военного атташе в Польше[56].

3) Необходимо воспользоваться нынешней ситуацией, в частности хорошими взаимоотношениями между Военным Ведомством и Министерством Иностранных Дел для реализации проекта размещения в важнейших пунктах ДВК [Дальневосточного края] и Сибири военных чинов в качестве

сотрудников консульств.

4) Планы работы отдельных военных атташе будут представлены дополнительно.

— По Особому отделу.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 71–84.

IV

Совершенно секретно.

Секретарю ЦК ВКП (б) тов. Сталину.

Направляю при этом японский документальный материал, изъятый нами агентурным путем, представляющий собой: «Общие рассуждения японского военного атташе Кавабэ о технической оснащенности Красной армии».

Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода

26 февраля 1934 г.

Серия «К».

Документально.

Перевод с японского.

«В.М.Р.» 31.1.34 г.

(Документ написан рукой подполковника Кавабэ).

Пометки на обложке:

1) Написано без черновика, без отделки;

2) Общие рассуждения. Написано 2 экз.

Чрезвычайно секретно.

Общие соображения, касающиеся Красной армии

… Красная армия не жалеет денег на мото-механизацию и без всяких колебаний усваивая новейшие образцы вооружения и методы войны, энергично проводит реорганизацию войск и усиление вооружения. В этом отношении ни одно государство не может угнаться за Советским Союзом… Если мы представим Красную армию в качестве врага и учтем, что в то время как они имеют богатое вооружение по этой линии, а мы — почти ничего, у нас должна возникнуть серьезная тревога… Красная армия особенно большие надежды в будущей войне возлагает на военно-воздушные силы. Количество самолетов и авиационных войск за последнее время растет чрезвычайно быстро… Нас особенно поражает то, что с каждым годом создаются новые типы тяжелых бомбовозов большой мощности…

Советское правительство гордится созданием большого количества фабрик и заводов в результате пятилетнего плана.

Даже те, кто скептически смотрит на это, испытывают изумление. На всех заводах и фабриках продуцируется в той или иной степени военное вооружение. Это видно из того, что даже на тех заводах, которые показываются через посредство ВОКС'а и «Интуриста» иностранным путешественникам, всюду можно наблюдать вооруженных часовых, следящих за приходящими на предприятие. Иногда все же удается увидеть готовое военное снаряжение на этих заводах.

Не подлежит сомнению, что по линии военной промышленности СССР освободился от иностранной зависимости. Что касается количества продукции и возможностей по этой линии, то этот момент является одним из основных вопросов нашей разведки, однако мы до сих пор не имеем по этой части точных материалов…

…До сих пор стратегические доктрины Красной армии заключались в следующем: сконцентрировать максимальное количество войск на границах и вести затяжную оборонительную войну… За последнее время Военная Академия РККА стала проповедовать другую доктрину, заключающуюся с том, чтобы с самого первого момента войны предпринять активное выступление, нанести сокрушительный вооруженный удар неприятельской армии… Этим и объясняется то, что Красная армия регулярно усиливает свои вооружения и в мирное время подготавливает кадры командиров, доводя их численность до штатов военного времени, максимально конспирирует количество войск, количество снаряжения, их настоящего качества и проводит всю подготовку и обучение войск под знаком наступательной стратегии, стратегии сокрушения…

Верно: нач. Особого Отдела ОПТУ Гай.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 186, л. 90–96.

V

Совершенно секретно. 23 августа 1934 г. Секретарю ЦК ВКП (б) тов. Сталину

Направляю Вам полученный нами агентурным путем документальный материал: докладную записку подполковника Кавабэ, представленную им в бытность японским военным атташе в Москве начальнику Генерального Штаба, согласно специальной директиве последнего о предоставлении соображений по вопросу о проведении политико-стратегических мероприятий против СССР.

Заместитель народного комиссара внутренних дел Союза СССР

Агранов

Перевод с японского.

Документально.

Чрезвычайно секретно.

Экз. № 3 (из четырех), апрель 1934 г.

Донесение в связи с директивой, касающейся плана политико-стратегических мероприятий

Военный атташе

при имперском посольстве в СССР подполковник артиллерии Кавабэ Торасиро.

…Очень трудно рассчитывать на то, что какая-либо из национальностей, входящих в состав Советского Союза, может поднять сильное движение исключительно на почве лозунга самоопределения нации и ее независимости. Можно полагать, что национальное движение может возникнуть только как реакция на внутриполитические мероприятия Соввласти или в связи с антисоветским движением, которое будет политически инспирироваться извне. Чисто националистические мотивы могут играть роль только побочную… На основе факта какого-либо антисоветского движения на Украине или недовольства центральной властью среди населения Кавказа нельзя заключать, что на Украине и на Кавказе существует национальное движение.

… Всем известно, что для проведения политики советизации советское правительство во всех нацреспубликах и нацобластях проводит весьма строгий надзор при помощи комиссаров и органов ГПУ, чтобы пресечь антисоветское движение. Этот надзор имеет в виду также предупредить так называемое национальное движение. Организация партийного аппарата, являющегося проводником советизации, и система ГПУ — органа борьбы с контрреволюцией, отличается своей совершенностью и в данных условиях очень трудно возлагать надежды на то, что внутри Советского Союза можно было бы организовать какое-либо антиправительственное движение (однако отрицать наличие подпольного движения нельзя; об этом будем говорить ниже).

Та система, которую практикует Соввласть для объединения и руководства всеми нацменьшинствами, основывается на принципе предоставления почти максимальной свободы всем национальностям. Поводов для того, чтобы способствовать чувству возмущения какой-либо национальности, оперируя данными о том, что эта нация находится на особом счету и находится в тяжелом угнетенном положении — очень мало.

Кроме этого трудно найти сейчас ту национальность в составе Советского Союза, которая обладала бы реальной силой и стремилась бы к независимости. Если что и вызывает недовольство населения, так это непримиримая твердая политика сталинизма. План индустриализации, проводимый в крайне стремительных темпах, и политика государственного капитализма в значительной степени измучили население. Особенностью сталинизма является то, что так называемые лозунги коммунизма, социализма, интернационализма в действительности сильно деформировались и на деле проводится сильный этатизм под лозунгами построения социализма в одной стране и госкапитализма. Сталинизм на словах проповедует мир, а на самом деле милитаризует страну. Среди населения многие утратили веру в обманные декларации и софистику представителей власти. Политические враги Сталина в настоящий момент замаскировались и притаились, но не исключена возможность, что в зависимости от результатов сталинской политики и направления умов населения, а также инспирации извне, антисталинцы могут снова поднять голову и вызвать политическую смуту. Нетрудно предположить, что по мере того, как будут сходить со сцены заслуженные ветераны революции и на их место будут выдвигаться новые слои советской интеллигенции или советской аристократии и на общественной сцене начнет действовать сегодняшняя молодежь, которая получила воспитание в советских условиях, могут возникнуть различные идейные коллизии, а отсюда и политическая борьба. Нам, собирающим данные под углом зрения политико-стратегических мероприятий и подготовляющих их проведение в нужный момент, следует обратить серьезное внимание на настроения среди молодежи. Нам нужно, преодолев все препятствия, добиться установления контакта с наиболее выдающимися представителями советской молодежи.

Все страны, окружающие Советский Союз, неразрывно связаны с последним по линии национальных проблем и чисто политических вопросов. Финляндия, Польша, Германия, Прибалтийские государства, Румыния, Персия, Турция и Афганистан — у всех этих стран имеются те или иные проблемы в отношении Советского Союза, представляющие значение для наших политико-стратегических мероприятий. Нам необходимо подробно изучать эти проблемы, имея в виду их использование.

…Политические враги Сталина. После изгнания Троцкого, остатки его партии были весьма последовательно репрессированы. Также подверглись гонениям Каменев, Зиновьев и Бухарин. В настоящий момент влияние Сталина настолько

сильно, что никто не может в какой-либо степени выступить против него. Вся государственная политика проводится под его руководством, а в плане партийной политики Сталин выставляется как вождь страны, вставший на место Ленина.

Несмотря на это, по нашим агентурным сведениям, остатки троцкистов и оппозиционно настроенные в отношении Сталина продолжают подпольную деятельность и стремятся к тому, чтобы, преодолев все препятствия, связаться со своими единомышленниками за границей. Некоторые из них под лозунгом 4-го Интернационала ставят задачей свергнуть нынешнюю власть и поставить Троцкого[57]. Хотя сила влияния Сталина сейчас достигла предельной степени, все же — если его политика хотя бы в какой-нибудь части в дальнейшем обнаружит свою несостоятельность и начнутся перебои в проведении его политики, — не исключена возможность, что немедленно возникнут антисоветские тенденции. Сталин имеет ряд достоинств, соответственных великому политику, но он имеет в то же время политических врагов. С точки зрения политико-стратегических мероприятий мы должны принять все меры к тому, чтобы наметить наиболее влиятельную группу его политических врагов и установить с ней контакт. Убежден, что это вовсе не является абсолютно невозможным.

…Если использовать ряд политических обстоятельств по линии государств, окружающих Советский Союз, и умело использовать антисоветское движение и национальное движение внутри Советского Союза, можно будет добиться соответствующих эффектов… Если с самого начального момента войны [с Советским Союзом] наша армия начнет одерживать решительные победы на полях сражений, возможность проведения политико-стратегических мероприятий против СССР будет в крайней степени облегчена…

Верно: нач. Особого Отдела ГУГБ НКВД Гай

РГАСПИ, ф. 558, оп. И, д. 187, л. 62–79.

Приложение 4.
Р.Ким.
Детективная литература в Америке

(Доклад на заседании секции приключенческого жанра СП СССР 15 мая 1947 г.)

За все годы существования советской литературы ни в одном журнале не появлялось ни одной статьи, специально посвященной детективной литературе Европы и Америки. Можно указать только на одну рецензию в «Молодой гвардии, на сборник рассказов Конан Дойля и на статью в «Литературе и искусстве», где сказано мимоходом несколько слов о том же Конан Дойле. Можно еще указать на статью-глоссу во Френкелевской литературной энциклопедии, где дана характеристика детективного жанра вообще, и статью В.Б. Шкловского «Новелла тайн», где рассказы Конан Дойля приводятся в качестве иллюстраций к высказываниям по вопросам теории сюжетосложения. Вот и все. В Литературной энциклопедии (в большой) нет статьи о детективной литературе.

Таким образом, мы видим, что советские литературоведы, в частности западники, не считали детективную литературу достойной своего внимания. Такое же пренебрежительное отношение к детективному жанру существовало и в дореволюционной русской литературе. Под детективной литературой всегда подразумевались сыщицко-полицейские рассказы, и она ассоциировалась с пресловутой пинкертоновщиной, т.е. бульварной макулатурой… Но в то же время всем, кто следил за европейской литературой, было известно, что на Западе детективная литература никогда не считалась презренным жанром… В американском биографическом словаре новейшей литературы детективные писатели перечислены наравне с писателями других жанров. Ряд виднейших мастеров художественной прозы параллельно пишет детективные произведения. Их серьезной репутации это не наносит никакого ущерба. Англичане — Честертон, Сомерсет Моэм, Бентлей, поэт и романист Филпотс и многие другие писали и пишут романы и рассказы о детективах и шпионах. Драйзер в «Американской трагедии» и Райт в «Сыне Америки» использовали детективную интригу. Это отнюдь не шокировало ценителей серьезной литературы.

Уже по одному тому, что детективная литература входит в число полноправных жанров художественной литературы, ее нельзя игнорировать. Но, прежде всего, она заслуживает внимания потому, что является литературой, имеющей массового читателя, литературой миллионных тиражей. И особенно она популярна в Америке. Издание детективной литературы является одной из ведущих отраслей издательской промышленности Америки… Многие из нас помнят, как они в детстве стояли зачарованные перед газетными киосками, где красовались книжки с очередными похождениями Холмса, Нага Пинкертона, Ника Картера, Пата Коннера. Сколько гимназических завтраков сожрали эти Пинкертоны и Картеры! Но разница в том, что в Америке перед этими киосками стоят не школьники, а взрослые люди всех возрастов. Разница в том, что если в России и писали об этой литературе, то с гримасой отвращения, а в Америке о ней пишут в книжных обозрениях крупнейших газет и журналов… Детективные произведения передаются по радио и демонстрируются на экранах всех 22 тысяч кинотеатров 48 штатов великой федеративной республики. Разница в том, что в России сочинители детективных книжек получали гроши, а в Америке за каждую книжку получают по несколько десятков тысяч долларов, а иногда и сотни тысяч. И столько же от кинокомпаний — за право экранизации. И еще от радиокомпаний — за право транслирования.

В отличие от русской натпинкертоновщины произведения американских детективных писателей с точки зрения литературной техники стоят на уровне художественной литературы. [Детективная литература] всегда одета и причесана по моде. В детективных романах и рассказах можно встретить и пассажи с потоками сознания в стиле Род Дансени, и описания в стиле Гертруды Стайн, и диалоги с хэмингуэевским акцентом, и типичную скороговорку модернистов… Лидер американской детективной литературы Эллери Куин фигурирует в числе сотрудников нового литературно-художественного журнала Forty seven наравне с Перл Бак, Стейнбеком, Элтоном Синклером и пулитцеровским лауреатом Джоном Херси… Председателем Лиги американских писателей, организации прогрессивного характера, является один из столпов детективной литературы Дэшил Хаммет… Детективная литература — один из кварталов американского Парнаса, его обитатели — полноправные члены цеха литературы.

Несколько терминологических замечаний… Детективная литература в широком смысле — это произведения, фабульную основу которых составляет история тайны. Основоположником

детективной литературы является Эдгар По, автор «Убийства на улице Морг», «Тайны Мари Роже», «Украденного письма» и «Золотого жука». В двух первых новеллах тайна носит криминальный характер, в последних — не криминальный. Но во всех четырех фабула заключается в раскрытии тайны путем умозаключительного анализа, логики. Человеческий ум борется с тайной и побеждает ее. Побеждает ясная мысль, логическое мышление, дневное сознание. От этого По, от его любителя-детектива Огюста Дюпена, произошел конан-дойлевский Холмс. Холмс унаследовал от своего учителя Дюпена ясный ум, мастерство анализа, эрудицию, быстроту и правильность умозаключений, богатство индукции и дедукции. Холмс — детектив с головой ученого и душой артиста.

Холмс создал школу, из которой вышло много учеников… Английская писательница Агата Кристи описала в ряде своих произведений деятельность Эркюля Пуаро. Пуаро не любит ползать по полу, рассматривая следы крови, технической стороной поимки преступника он не интересуется. Он предпочитает сидеть в кресле, суммировать все данные и распутывать тайну преступления путем логического анализа. Он блестящий криминологический этюдист… Весьма способный детективный писатель Крофтс представил нам Френча, скромного агента сыскной полиции. Френч берет не блеском умозрительного таланта, а кропотливой, систематической работой и упорством. Любимая тема Крофтса — это изобретательные алиби, создаваемые преступниками, а любимое занятие его героя Френча — распутывать и разоблачать алиби, придуманные его автором… Есть среди Холмсов и писатель — это Роджер Шеллингэм, созданный Антони Беркли. У него, как у писателя-профессионала, есть изощренная наблюдательность, тонкое знание психологии, умение обобщать данные наблюдений. Он умеет нащупать слабые стороны собеседника и выведать то, что нужно… К числу способнейший учеников Холмса относится и следователь Фроке французского детективного писателя Сименона. [Фроке] методично, шаг за шагом, как бы проводя шахматную комбинацию, рассчитанную на много ходов вперед, сокрушает казуистику допрашиваемого и загоняет его в матовую клетку…

В свое время в университетах пользовались сборником логических упражнений Поварнина — там приводились примеры силлогизмов Холмса. Новые Холмсы тоже могут дать ряд интересных примеров, более свежих. Лучшие произведения детективной литературы показывают торжество аналитической мысли, призывают к тренировке наблюдательности, сосредоточению внимания, повышенной зоркости к самым

незначительным деталям, имеющим подчас большое значение. В частности, рассказы Сименона о Фроке представляют несомненный интерес для следователей (повести Сименона впервые изданы в СССР в 1960 г. — «Желтый пес» и др.; первый русский перевод детектива Агаты Кристи — «Загадка Эндхауса» опубликован в 1965 г. — *И. Просветов)*.

Холмсы второго поколения образовали группу героев классической детективной литературы, которая кладет в основу сюжета аналитическое мышление разгадчика тайн. Пока в американской детективной литературе господствовали [представители этой школы], она была английской колонией. Приходилось импортировать Крофтса, Филпотса, Фримана, Рода, Бентлея и других англичан. Американским издателям это не нравилось. Кинокомпаниям тоже. Все-таки лучше, удобнее иметь дело со своими соотечественниками. Можно давать им советы, указания, делать заказы, требовать, чтобы они приноравливались к вкусу американской публики. А над этим вкусом уже достаточно поработали те же издатели и кинокомпании… За 25 центов американец хочет получить гамму переживаний. Детективные вещи, где сюжет построен на умозаключениях, скучноват, мало действия. Много размышлений, мало трупов… Английская детективная литература как будто предназначена для чтения в удобном кресле, вечером у лампы, когда можно не торопясь смаковать криминологический кроссворд. А американцу детективная литература нужна для чтения в авто, в метро и в лифте, поднимающемся на сороковой этаж. Отсюда требования действенной детективной литературы с духзахватывающим, сердцеостанавливающим сюжетом.

И вот появляется Эллери Куин… Авторы книжных обозрений всячески убеждают читателей, что американский писатель Куин лучше всех английских, у которых детективы больше размышляют, чем стреляют. Куин интересен еще тем, что описывает в своих произведениях не похождения выдуманных героев, а свои собственные… В 1933 году Куин опубликовал «Тайну сиамских близнецов». В этой вещи умозаключения фигурируют, но они очень просты, несложны. Процесс раскрытия тайны показан бегло, все построено на «вдруг». На первом плане страшные события — лесной пожар, угроза смерти, подвал, одно убийство за другим, карты в руках мертвецов… Акцент — на внешних событиях, а не на логике. В 1942 году Куин публикует «Город проклятия». Раскрытие тайны происходит за сценой, решение подается уже в готовом виде. Через всю вещь проходит ожидание катастрофы, нарастание тревоги. Но зато в конце этой книги раскрывается тайна, которая оказалась более интересной,

чем тайна Норы. Тайна самого Куина. Он снял маску. [Куин] — это двоюродные братья Фредерик Даней и Манфред Ли. Они снимают офис на Пятой авеню в НИ и каждое утро ездят туда придумывать убийства. Куин провозглашается главой американского «тека» (сокращенное название детективной литературы)…

И в то же время растет популярность Дэшила Хаммета. Он дебютировал в 1929 году «Красным урожаем». В этой повести описывается деятельность шайки гангстеров в городке Персонвилль. С этой шайкой ведет борьбу сыщик [из агентства] «Континенталь». Разгадки тайны тут нет никакой, потому что ее нет. Гангстеры не делают тайны из своих похождений… «Красный урожай» — скорее роман из жизни гангстеров, чем детроман. Хаммет был провозглашен зачинателем нового течения в «теке». Вслед за Куином он получает премию Гертруды — премию миллионного тиража. Америка ценит своих писателей, ценит их в миллион экземпляров. Произведения Хаммета появляются на экране. Лучшим его произведением считается «Мальтийский сокол»… Впервые появилось это произведение в 1930 году идо 1943 года переиздавалось 15 раз. [Ким подробно пересказывает содержание «Мальтийского сокола».] Здесь тоже фигурируют гангстеры. Но Хаммет не пугает вас зловещими тайнами, растущей тревогой, загадочными смертями. У него нет болезненного смакования ужасных деталей, он динамичен. Он — Джек Лондон от детективной литературы. И если он в дальнейшем начнет изображать подвиги гангстеров в плане разоблачения американской действительности, то это будет полноценной литературой. Хаммет возглавляет прогрессивную Лигу писателей, выражающую свои симпатии к Советскому Союзу (первое издание Дэшила Хаммета на русском языке — роман «Стеклянный ключ», 1969 г. — *И. Просветов)*. В политическом отношении он идет по правильному пути, надо, чтобы он сделал правильный вывод и по части литературы. Надо иметь в виду, что он пользуется колоссальной популярностью в Америке. Его упрекают за рыхлую композицию, но хвалят единодушно за прекрасный американский язык… У него имеются последователи — подражают его манере письма, энергичному, лаконичному, выразительному языку.

В годы войны американский «тек» получает быстрое развитие. Из основной литературы приходит Корнель Ульрич. Его «Женщина-призрак» вызывает шумный восторг. Эту вещь хвалили за то, что ее сюжет построен на алиби. Американцы гордились: у нас появился свой Крофтс. Но еще больше критикам понравились чисто литературные достоинства — изящный язык, композиция,

оригинальная концовка. Чувствовалось, что в «тек» пришел весьма техничный писатель… Куин, Хаммет и Ульрич — писатели различного стиля, но совпадают в одном — в отходе от классического «тека», где в центре — логика разгадывателя тайн. Назревает чисто американская школа «тека», самобытная.

Ее окончательное оформление связано с именем Крейг Райс… Дебютировала она в 1938 году, за семь лет написала 15 произведений, в 1945 году покет-бук с ее вещами разошелся в количестве полумиллиона экземпляров… Крейг Райс действует в чисто американском стиле. Америка узнала, что Райс бежала 19-ти лет из дома своего отца и в течение десяти лет вела распутный образ жизни, шатаясь по кабакам и меняя мужей. Очень любит пить виски. Реклама скандальная, но все-таки реклама — ради славы можно пожертвовать моральной репутацией. Наиболее характерным для ее творчества произведением является «Удивительное преступление». [Ким подробно пересказывает содержание повести.] Ее герои пьют с первой страницы до последней, все время находятся «под мухой». Преступление раскрывается в пьяном виде, случайно. Райс высмеивает логику и разум. В одном из произведений в роли детективов выступают мальчик и девочка. Долой умозаключения, долой логику — преступления могут раскрывать пьяные люди и дети. Кровавый юмор Райс — это, конечно, гротескный юмор. Но это не тот детективный юмор, который встречается в рассказах Твена, Ками и Честертона, а мрачный, извращенный юмор, фарс с трупами, плавающими в соусе из крови и виски.

Гротескный юмор Райс пришелся по вкусу американской публике. Даже Чаплин отдал дать этому юмору. По последним сведениям, он сделал фильм под названием «Рука» [с сюжетом в стиле Райс] … Другие представители чисто американского «тека», например Чандлер, описывают со смаком страшные сцены, атмосферу ужаса. Вместо демонстрации процесса мышления ставят целью терроризировать читателя, чтобы он замер от ужаса, покрылся холодным потом, чтобы его сердце замирало. Появляется произведение Уйата «Надо кому-нибудь следить». Кинокомпания экранизировала эту вещь — выпустила в прошлом году фильм под названием «Винтовая лестница». [Ким подробно пересказывает содержание картины.] Вся вещь с начала до конца выдержана в духе страшных рассказов.

Американские критики констатируют, что после войны вошел в моду жанр «мистерии стори». Но это не просто роман и новелла тайн, а непременно с убийствами. Появился термин «худонит» — от who done it, «кто сделал это?». Кинокомпании охотно экранизируют эти «ктосделалэто» романы и рассказы с кровавыми

тайнами, например — «Ребекка» Хичкока, «Страх», «Пусть она отправится в рай» и другие. Радиокомпании тоже передают страшные вещи. Сейчас транслируется свыше 30 произведений в духе чисто американского «тека». И особенно сейчас в моде истории, где убийства происходят в старинных домах, как в «Винтовой лестнице». Старинные дома, фигурирующие в этих произведениях, дома с кровавой тайной напоминают дом Эшеров Эдгара По, где царит такая же атмосфера ужаса… Сегодняшняя американская детективная литература — полный отход от дюпеновского По, от ясного ума, логики мышления, от По дневного сознания… Ночной По оказал в свое время влияние на европейских декадентов и символистов. Ночной По сейчас — знамя американского «тека». Америка сейчас главный штаб адептов декаданса… Американская детективная литература сейчас — это черная литература в миллионных тиражах.

Но дело не только в книжном рынке Америки. Сейчас Америка ведет идеологическое наступление на весь мир, поставив задачей создать в ряде стран свои идеологические рынки. «Тек» — одна из главных статей литературного экспорта Америки. «Тек» и кино — весьма эффективное средство завоевания рынков, их занимательность и доходчивость используются для духовного закабаления масс. Скоро греки и турки, наверное, будут читать Крейг Райс и с замиранием сердца смотреть на винтовую лестницу, по которой поднимается объятая ужасом Элен. Но «тек» не только должен пугать, но и пропагандировать. Кинокомпания братьев Уорнер скоро выпустит фильм Cloak and rapier («Плащ и шпага»), в котором снимается знаменитый актер Гарри Купер. Он выступает в роли ученого специалиста по атомной физике, сотрудника Стратегического бюро США. Этот детективный фильм посвящен борьбе американской разведки со шпионами энской страны, пытающимися похитить секрет атома.

В прошлом году в New York Times была помещена статья Роберта Магидова, специального корреспондента этой газеты в Москве. Статья касается советской литературы. В конце статьи говорится следующее: «Здесь растет интерес к детективной литературе и “мистери стори”. Союз советских писателей создал специальную комиссию, которой поручено развивать жанр “тека” и “мистери стори”. До сих пор в Советском Союзе этим жанрам не уделялось никакого внимания».

Победа разума, победа логики над тайной — вот кардинальная тема нашей детективной литературы. Геолог, ищущий ценные залежи; наш знаменитый путешественник Козлов, нашедший в пустынях Монголии исчезнувший древний город Хара-Хото; наши востоковеды, которые, будучи вооружены

логикой марксизма, расшифровывают настоящий смысл китайских и арабских классиков; следователь, разматывающий клубок преступлений: физик, проникающий в тайну атомного ядра; Андроников, раскрывающий тайну портрета Лермонтова — вот темы нашей детективной литературы. Наша детективная литература — не от слова «детектив», сыщик, а от более широкого — «детект», раскрывать. Раскрывать тайну во имя интересов нашей Родины. Наш «тек» — «тек» ясного победоносного ума, дневного сознания, раскрывающего тайны…

В японских журналах [в прошлом году] помещались статьи относительно того, что советская литература, которая так хорошо развила жанр художественной прозы, почему-то очень хромает по части сюжетной литературы. Высказывалось предположение, что в России, у русских всегда сюжет был слаб, что всегда психология забивала сюжет. Интерес [к рассказам Ефремова в Японии] показывает, что от нас ждут и продукции другого сектора советской литературы — приключенческого. Так что нам нужно учитывать и зарубежную аудиторию, большей частью молодежную аудиторию, которая учится, ищет, а ее заваливают американской литературой, и она отходит от нас. А таких читателей очень жалко терять.

Я вовсе не в шутку приводил [пример] относительно Андроникова. Я считаю, что романтика раскрытия тайны — это очень интересная тема. Кажется, у Каверина было в романе, как пушкинскую главу нашли, как расшифровали — это очень интересно. Я знаю историю того, как Козлов начал искать исчезнувший со страниц истории город. Это был настоящий детектив, но только научный.

Сейчас можно было бы говорить о создании своего советского «тека», не строящегося непременно на криминальной основе, а «тека» на основе раскрытия больших тайн. Нужно противопоставить американскому «теку» наши книги. Нужно, чтобы советская литература, которая дает новое, и в «теке» создала совершенно новое… Советский «тек» должен учесть эту сторону — романтику логики.

РГАЛИ, ф. 2809, оп. 1, д. 173, л. 9–28 об, 41 об — 42.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Роман Ким, 1920-е гг. (из архива А.М. Буякова)

Владивосток в начале XX в.

Восточный институт во Владивостоке

Университет Кэйо, 1910-е гг.

Японские войска во Владивостоке, 1919 г.

Сотрудники ОГПУна стрельбах. В центре, с маузером — Владимир Шнейдер (из архива А.В. Федорова)

Артур Артузов, создатель советской контрразведки

Роман Ким, 1930-е гг. (из архива А.М. Буякова)

Роман Ким, 1960-е гг.

Бывшее здание японского посольства в Москве (вид со стороны М. Никитской)

Хирота Коки, посол Японии в Москве (1928–1932 гг.), министр иностранных дел Японии (1933–1936 гг.)

ГОД ИЗДАНИЯ 15-й

ИЗВЕСТИЯ

Центрального Исполнительного Комитета СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета СОВЕТОВ Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

№ 63 (4460) ПЯТНИЦА 4 МАРТА 1932 г.

Советский Союз и Япония

Уже больше пяти месяцев прошло с того момента, как японские войска заняли станцию Мукден — Мукден и вся Западная Маньчжурия оккупированный китайский, принадлежащий всем державам территории. С тех пор не было дня, который не принес бы нового обострения положения на Дальнем Востоке, не было получено, которая не свидетельствовала бы о чрезвычайно высоком напряжении происходящих событий. Совершенно естественно, что общественное мнение Советского Союза с особым вниманием следит за событиями, часть которых развертывается у самых границ СССР.

СССР с первых дней дальневосточного конфликта занял позицию твердого нейтралитета. Свидетель трудящихся Советской страны к китайскому народу, подвергшемуся под натиском империалистической интервенции, конечно, отнюдь не безразличен. Но это сочувствие к освободительной борьбе китайских рабочих и крестьян не в какой мере не нарушало той неуклонной линии строгого невмешательства, которую, естественно, выдвинула из общей жизни политика Советского Союза. Благодаря этой последовательной линии советского правительства по отношению к событиям в Маньчжурии один из других рассматривать в ряде промышленных антисоветских кампаний, достаточно вспомнить судьбу широкой демонстрационной кампании в помощь рабочей Советским Союзом голодают Ма, кампания, разбившаяся об камень перед лицом всего мира. Советская политика антивоенного и сохранения мира получила правильную оценку всех стран, за исключением Японии, где со стороны противников Советской страны. Эта политика, проводимая СССР, получила, наконец, признание на этот недолгого количества иностранных газет Англии, сочувственного в отношении паралелить, что японское правительство отказало факт соблюдения полного нейтралитета со стороны СССР.

Что же нужно или является синтезом дальневосточного империализма антисоветских потуг в Маньчжурии. Мы неоднократно писали о том, что японская империалистическая печать, военные круги, правительственные сферы Японии не скрывают от масс, как они открыто заявляют, снижающиеся на Дальнем Востоке. А это значит, победа советской власти обязательно означает, что одно из двух: или обязательно сказать Советский Союз в ударный момент, это — принять все необходимые и неизбежные меры к защите исторических завоеваний своих граждан от нападения извне.

В самом деле разве фактам не говорят об этом? Разве не противоречат приведенных мнениям, мелких и даже мелочам, характеризующим отношение, все новых и новых антисоветских провокаций? Только пройти мимо того факта, что многие приведенные просто китайские военные круги, и не только военных кругов, открыто ставят вопрос о нападении на СССР и отстаивают от него Приморье и Забайкалье. Мы располагаем материалами, которые, по представлению высших военных кругов Японии и сосредоточения планы нападения на СССР и детально его территории.

В связи со всем этим достаточно говорить: «По вопросу о том, следует ли Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считает необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики и отношении Советского Союза, путем готовой начать войну в любой момент. Вооружаться надо, этой войны можно избежать не столько в пределах Японии от конкурентов, сколько и вышеуказанных советских Дальнем Востоком и Восточной Сибири».

В другом документе говорится: «Японо-советская война, страшная не для нас, составит неоценимое преимущество для нас, если будет вызвана с расчетом, как можно скорее начать войну с США».

В том же плановом сказано: «Нельзя не понимать, что несмотря на нашу стратегию сосредоточения и стремление к быстрой развязке, в силу различных причин нельзя будет провозгласить войну в полном соответствии с изложенным планом действий. Вполне может произойти вынужденное вступление в конечном итоге наших военных операций. Разумеется, как нужно будет осуществить предложение до Байкальского озера. Что же касается дальнейших операций, то они будут зависеть от общей обстановки, которая сложится к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния сил, которые будут сосредоточены на Дальневосточном крае».

Таковы факты, таковы документы, которые не могут игнорировать советские граждане. Они должны быть готовы к тому, чтобы осуществить эту ожидаемую часть возможность отразить дальневосточную экспансию империалистов. В виду того, что Японии будет трудно одновременно вести войну на двух фронтах, она не может не использовать создавшуюся на Дальнем Востоке обстановку для нападения на СССР.

Империалистическая Япония, как и все империалистические державы, не может не понимать, что нападение на Советский Союз, на страну, которая в короткий срок превратилась в могучую индустриальную державу, на страну, которая в короткий срок создала мощную Красную армию, на страну, которая в короткий срок создала мощную Красную армию, на страну, которая в короткий срок создала мощную Красную армию

Союз Советских Социалистических Республик
Об'единенное Государственное Политическое Управление при Совнаркоме.

Вх. ____ на № ____ от. ____ 192__ Лит. ____

При ответах ссылаться на №, число и Отдел.

Отдел Секр. Колл.
19 декабря 1931 г.
№ 410833
МОСКВА, Большая Лубянка, 2
Телефон коммутатор

Краткое содержание

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП /б/

тов. С Т А Л И Н У.

Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими материалами, касающимися войны с СССР.

П р и л а г а ю:

1. Памятную записку, составленную японским военным атташе в Москве подполковником КАСАХАРА, о мнении переданном начальнику Генштаба Японии от имени японского посла в СССР ХИРОТА и

2. Конспект доклада, представленного военным атташе КАСАХАРА генерал-майору ХАРАДА, который был командирован Генштабом в Европу с особыми заданиями, связанными с подготовкой к выступлению в Манчжурии; генерал ХАРАДА проезжал через Москву в июле с.г. и имел свидание с послом ХИРОТА и КАСАХАРА.

ЗАМ ПРЕД ОГПУ: (В.БАЛИЦКИЙ)

279 14/II 32.
Секретариат През. РВС. Союза.

Доклад ОГПУ о секретных японских документах, добытых Особым отделом. Декабрь 1931 г. (из фондов РГАСПИ)

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Об'единенное Государственное Политическое Управление при Совнаркоме.

Отдел Секр.Колл.
28 февраля 1932 г.
№ 40163

МОСКВА, Большая Лубянка, 2
Телефон коммутатор О. Г. П. У.

Краткое содержание:

СОВ. СЕКРЕТНО. 15

Вх. № ... на № ... 192... г.

По ... Ответственный исполнитель, число и Отдел ...

ЦК ВКП(б)

тов. С Т А Л И Н У.

Просьба лично ознакомиться с подлинным документом, составленным военным атташе при Японском Посольстве в Москве КАСАХАРА - " Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза".

КАСАХАРА входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят ген.лейтенант АРАКИ (автор лозунга - " ЗАБАЙКАЛЬЕ - ЯПОНО- РУССКАЯ ГРАНИЦА ") и ХАСИМОТО - Начальник русского сектора Генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов.

КАСАХАРА на днях выезжает в Японию, где он получает ответственное назначение в Японском Генштабе.

ЗАМ ПРЕД ОГПУ: (В.БАЛИЦКИЙ)

Доклад ОГПУ о секретных японских документах, добытых Особым отделом. Февраль 1932 г. (из фондов РГАСПИ)

С секретно

Прот. П. Б. № 40 п.137/ок
15.VI.36.

(64)

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)
тов.СТАЛИНУ.

За выполнение особых заданий государственной важности, ходатайствуем о награждении:

1. Заместителя начальника 7-го отдела РУ РККА тов. ЗВОНАРЕВА Бориса Владимировича, работающего в РУ РККА с 1930 г., кандидата ВКП(б) с 1931 г. - орденом "КРАСНОГО ЗНАМЕНИ";

2. Переводчика-референта высшей категории 7-го отдела РУ РККА профессора т.ШУНГСКОГО Павла Матвеевича, работающего в РУ РККА с 1931 г., беспартийного - орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ";

3. Работника Спецотдела ГУГБ НКВД тов.ЕРМОЛАЕВА Григория Васильевича, работающего в органах НКВД с 1931 г., комсомольца с 1924 г. - орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ";

4. Старшего лейтенанта государственной безопасности КИМ Романа Николаевича, 1899 года рождения, в ОГПУ и НКВД с 1922 г., беспартийного, для особых поручений Особого отдела ГУГБ НКВД - орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ";

5. Лейтенанта государственной безопасности КАЛНИНА Павла Кирилловича, 1905 года рождения, в ОГПУ-НКВД с 1929 г., члена ВЛКСМ с 1926 г., Оперативного уполномоченного Особого отдела ГУГБ НКВД - орденом "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ";

6. Специалиста 7-го отдела РУ РККА тов.КАЛИНИНА Ивана Петровича, работника РУ РККА с 1932 г., члена ВКП(б) с 1926 г. - орденом "ЗНАК ПОЧЕТА";

Ходатайство о награждении орденами сотрудников ГУГБ НКВД и Разведупра РККА (начало) (из фондов РГАСПИ)

7. Специалиста 7-го отдела РУ РККА тов.МЫЛЬНИКОВА Германа Яковлевича, работника РУ РККА с 1934 г., члена ВКП(б) с 1928 г. - орденом „ЗНАК ПОЧЕТА";

8. Работницу Спецотдела ГУГБ НКВД тов.ЕРМАКОВУ Валентину Сергеевну, работающую в органах НКВД с 1929 г., беспартийную - орденом „ЗНАК ПОЧЕТА";

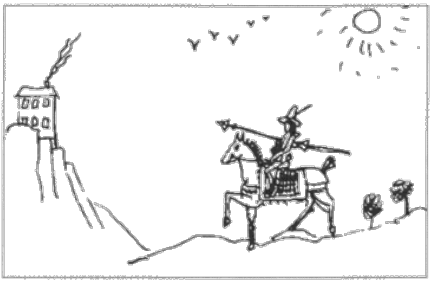
9. Капитана государственной безопасности тов.ФРЕЙБЕРГ Карла Адольфовича, 1891 года рождения, члена ВКП(б) с 1920 г., в ОГПУ-НКВД с 1920 г., оперативного уполномоченного Особого отдела ГУГБ НКВД - орденом „ЗНАК ПОЧЕТА".

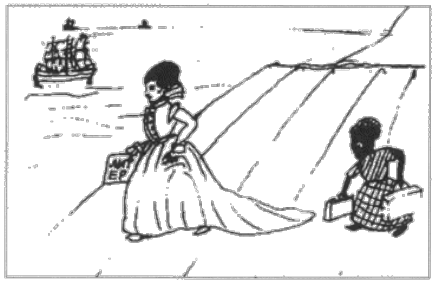
(К.ВОРОШИЛОВ) (Г.ЯГОДА)

„31" Мая 1936 г.

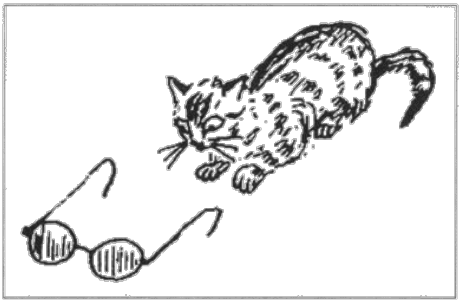
Ходатайство о награждении орденами сотрудников ГУГБ НКВД и Разведупра РККА (окончание) (из фондов РГАСПИ)

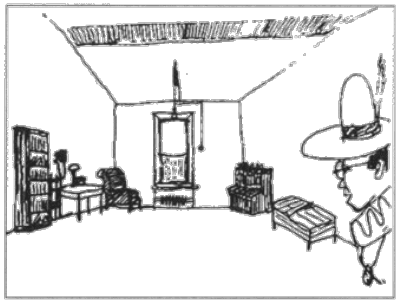
Марианна Цын (из семейного архива)





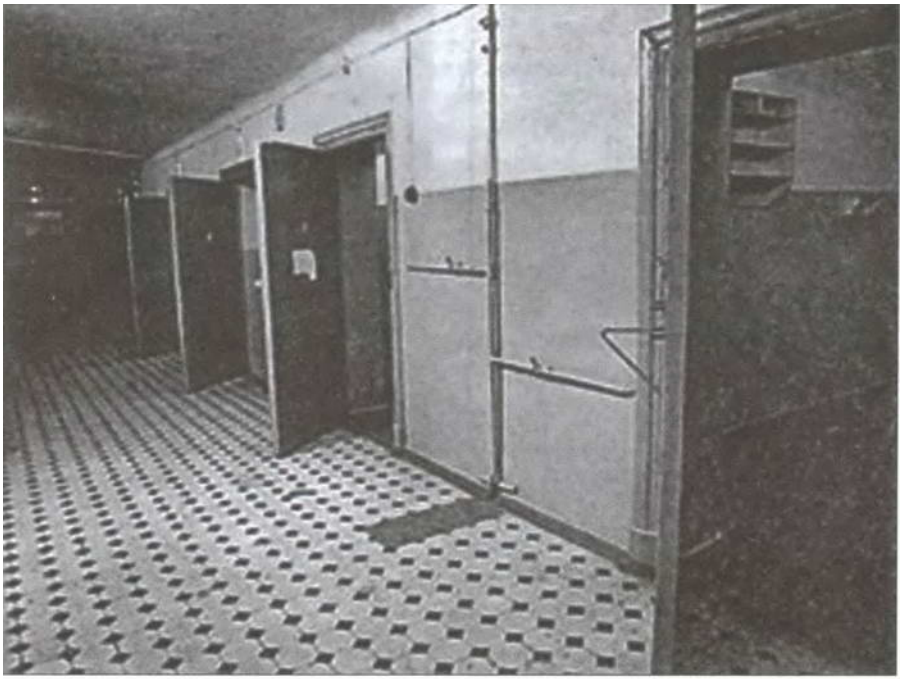
Рисунки Романа Кима (из архива М.Ю. Сорокиной)





Рисунки Романа Кима

Лефортовская тюрьма (фотография из коллекции профессора Питера Реддуэя, предоставлена Сахаровским центром)



Камеры Внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке

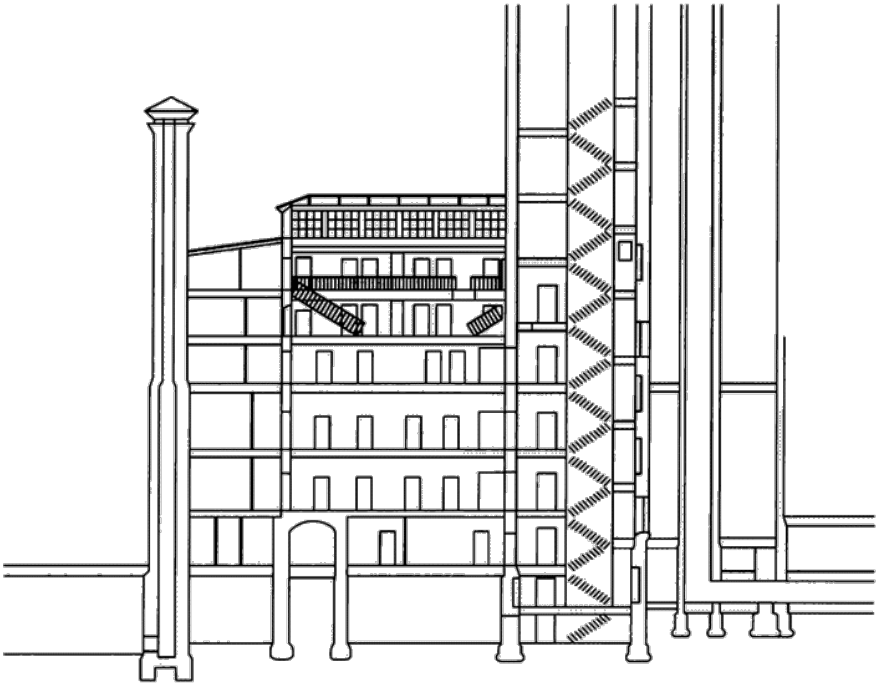
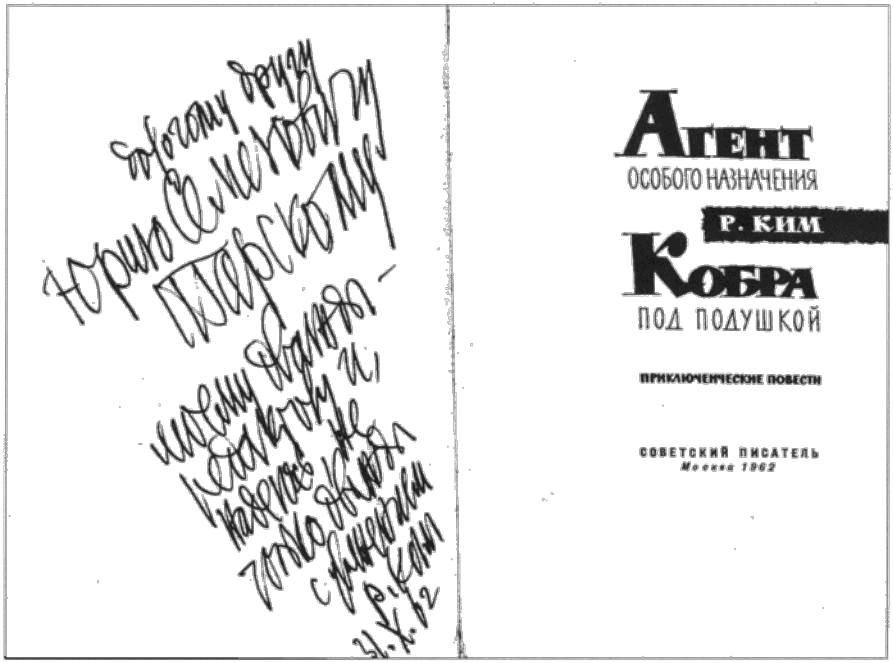


Схема Внутренней тюрьмы НКВД (из архива журнала «Служба безопасности: новости разведки и контрразведки»)

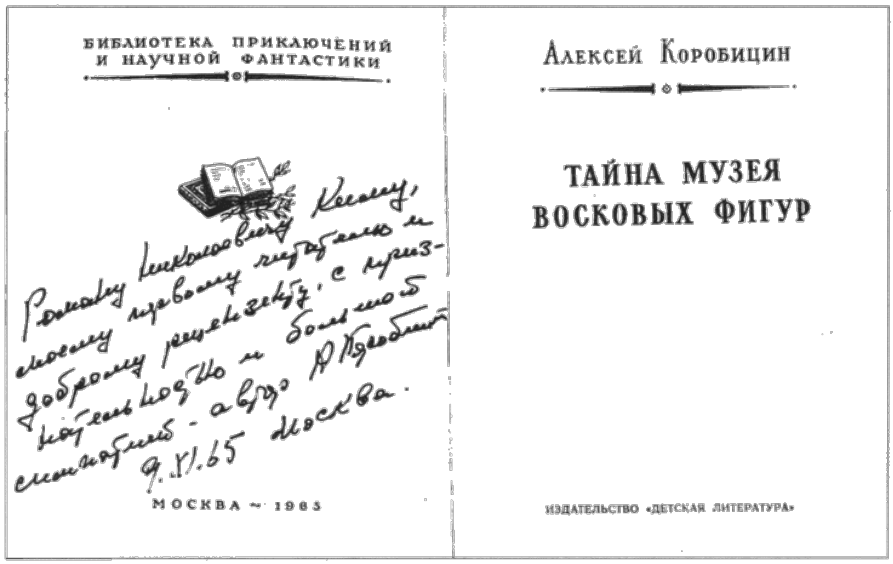
Роман Ким с женой Любовью Шнейдер (из архива А.В. Федорова)

Р. Ким и Л. Шнейдер на встрече с японским журналистом в Москве (из архива А. В.

Федорова)



Сборник повестей Р. Кима с дарственной надписью автора Ю. Тарскому, бывшему военному разведчику



Повесть А. Коробицина, бывшего разведчика-нелегала, с дарственной надписью Р. Киму

* * *

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

Сын бывшего казначея корейского короля, прожив-ший десять лет в Токио. Самый молодой советский профессор-японовед, в середине 1930-х отвечавший за всю контрразведывательную работу по японской линии в Москве. Обвинялся в тягчайшем преступле-нии – измене Родине, но благодаря своим исключи-тельным знаниям избежал расстрела, был приговo-рен к 20 годам заключения, а в 1945 году досрочно освобожден и к тому же награжден медалью «За победу над Японией». К началу 1970-х общий тираж сочинений Романа Кима дорос до знаковой отметки в миллион экземпляров. Но писатель ушел в мир иной, а на литературном небосводе появились новые звезды жанра. Первой величиной среди них стал Юлиан Семенов со своим циклом романов о Максиме Исаеве – Максе фон Штирлице. И мало кто знал, что образ Максима Максимовича подсказал ему автор «Тетради», «Кобры под подушкой» и «Школы призра-ков».

ISBN 978-5-4444-2766-8

9 785444 427668

ВЕЧЕ

notes

Примечания

1

По всей вероятности, опекун Романа Кима до Русско-японской войны владел во Владивостоке «Торговым домом Т. Сугиура» (Тацукицу Сугиура). Имя Рюкичи (Рюкити) иероглифами пишется так:

Они могут читаться и как Тацукицу (пояснение А. Куланова). «Торговый дом Т. Сугиура» вел оптовую и розничную торговлю, открыл банкирскую контору, был агентом нескольких японских пароходств и страхового общества «Ниппон Кайдзио», а также представителем московской мануфактуры Коншина; в 1904 году компания свернула дела во Владивостоке.

2

Об этом Роман Ким поведал японскому историку Кимура Хироси, с которым общался в конце 1950-х — начале 1960 годов (см.: *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. С. 232).

3

«Фэд» — Ф.Э. Дзержинский. Василий Блюхер — военный министр, председатель Военного совета ДВР. Павел Постышев — уполномоченный правительства ДВР по Прибайкальской области, член Военного совета Восточного фронта.

4

Ю. Семенов: «Об этом человеке мне также много рассказывал В. Шнейдер, работавший во владивостокском подполье. Когда [белогвардейцы] были изгнаны из “нашенского города”, Максим Максимович однажды появился в форме ВЧК — вместе с И. Уборевичем. А потом исчез».

5

Вероятно, речь шла о Евгении Фортунатове — большевике со стажем, до 1917 года работавшем во Владивостоке врачом, сотруднике Иностранного (разведывательного) отдела ВЧК с декабря 1920 года. После 1923 года он был резидентом ИНО в Шанхае, затем в Пекине. В 1927 году Фортунатов возглавил Дальневосточный сектор ИНО ОГПУ.

6

На основе дипломной работы Ким подготовил статью «Японская революция 1868 года» (машинописный текст датирован 10–26 февраля 1923 г.). Статья сохранилась в архиве Исполкома Коминтерна среди аналитических материалов по Японии (РГАСПИ, ф. 495, оп. 127, Д. 71).

7

Несмотря на «изобличающие документы», Ватанабе служил генеральным консулом Японии во Владивостоке в 1925–1929 и 1933–1936 гг.

8

Аттестация Гребенщикова была подшита к личному делу Кима в ОГПУ. В архивных фондах «Восточный институт» и «Дальневосточный государственный университет», хранящихся в РГИА Дальнего Востока, «сведений о Киме Романе Николаевиче не обнаружено» (ответ на запрос И. Просветова).

9

С.М. Шпигельглаз — уполномоченный КРО ГПУ, затем ИНО ОГПУ. В 1922–1923 годах работал в Монголии — участвовал в пресечении деятельности белогвардейских формирований в этой стране, добывал через агентуру сведения о стратегических планах Японии и Китая на Дальнем Востоке. С июня 1935 года помощник начальника ИНО ОГПУ. Неоднократно выполнял спецзадания за рубежом. В 1937 году руководил похищением председателя РОВС генерала Миллера из Франции.

10

ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка, объединение писателей, теоретиков и историков литературы и лингвистов, основанное в 1919 году и существовавшее до начала 1930-х.

11

Сэн Катаяма — основатель Коммунистической партии Японии, член Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) с 1922 года, член президиума ИККИ и руководитель Дальневосточного секретариата ИККИ с 1923 года; Профинтерн («Красный интернационал профсоюзов») — международная организация профсоюзов, созданная в Москве в 1921 году, координировала свою работу с Коминтерном.

12

Начальником Особого отдела ОГПУ в 1930–1931 годах был Ян Ольский (начальник КРО с 1927 года, бывший заместитель Артузова). Создатель советской контрразведки Артур Артузов в конце 1927 года перешел в Секретно-оперативное управление ОГПУ, которому подчинялся КРО, а в августе 1931 года возглавил ИНО ОГПУ. В 1931–1933 годах Особым отделом руководил Израиль Леплевский из Секретно-оперативного управления ГПУ Украины, его заместителем был Марк Гай — выходец из Экономического управления ОГПУ. В июне 1933 года Гай возглавил Особый отдел ОГПУ.

13

Интервенция в Маньчжурии началась 19 сентября 1931 года со странного взрыва в вагоне поезда, следовавшего по японскому сектору Южно-Маньчжурской железной дороги, и последующей перестрелки между ротой японских солдат и китайской полицейской охраной. К середине февраля 1932 года японская Квантунская армия оккупировала большую часть территории Маньчжурии. 18 февраля подконтрольный японцам Комитет Северо-восточных провинций обнародовал декларацию о независимости Маньчжурии. 1 марта Всеманьчжурское совещание провозгласило создание государства Маньчжоу-го. Война с Китаем продолжалась силами Квантунской армии.

14

История рассказана Андреем Федоровым, приемным сыном Владимира Шнейдера. Друг Кима начинал карьеру с ростовской ЧК — группы по борьбе с бандитизмом, отучился в кавалерийской школе комсостава РККА, служил в особом отделе кавалерийской части, а затем получил назначение в центральный аппарат ОГПУ. Шнейдер оказался в элитном 4-м отделении Оперотдела, отвечавшем за охрану руководителей партии и правительства. Неясно, когда и как он познакомился и сдружился с Кимом. Примечательно, что именно ему Ким доверился в «провальной» ситуации. В 1938 году Шнейдера перевели из Москвы в УНКВД Сталинградской области и вскоре арестовали (обвинение — шпионаж в пользу Германии). Под следствием он находился до 1942 года, не был осужден и добровольцем пошел на фронт как рядовой солдат. Закончил войну в звании капитана.

15

В 1946 году арестованный генерал-лейтенант Хата Хикодзабуро, бывший начальник штаба Квантунской армии, на допросе в советской контрразведке упомянул о самоубийстве своего помощника в период службы военным атташе в Москве (см.: *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 386).

16

Ким пояснял, что вербовку Адачи провел вместе с Мигбертом и Левитом. Вероятно, с Самуилом Ливент-Левитом из ИНО ГУГБ, до 1935 года находившемся на нелегальной работе в Китае («один из лучших наших нелегалов», по оценке начальника ИНО Слуцкого), и Мироном Мигбертом, помощником начальника 3-го отдела УГБ УНКВД Ленинградской области.

17

Адачи Хисаси дослужился до генерал-майора и в 1945 году возглавлял штаб 40-й армии в Маньчжурии.

18

Мидзуно Кейзо дослужился до генерал-майора и в 1945 году возглавлял штаб обороны Токийского залива.

19

Выяснить что-либо об этой операции и личности Миронова не удалось. Возможно, он был сотрудником НКИД и подозревался в шпионаже в пользу Японии. Ким упоминал, что ему доводилось арестовывать «японских разведчиков с поличным» (том 1, л. 304).

20

Шенберг бьш арестован в августе 1935 году по делу Михайлова-Шофмана — помощника московского корреспондента американского агентства International News Service. По данным Особого отдела ОГПУ, Михайлов-Шофман передал американцам сведения о строительстве подводного флота и железной дороги на Дальнем Востоке, а также «клеветнические материалы о тов. Сталине», собранные через свою агентуру, в которую входил Шенберг — «без определенных занятий, отбывал вместе с Михайловым ссылку за шпионаж в пользу Японии (арестован и сознался)». Дальнейшая судьба Шенберга неясна. Вероятнее всего, он бьш приговорен, как и Михайлов, к расстрелу за измену родине (см.: *Мозохин О.Б.* ВЧК — ОГПУ: на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М., 2004. С. 413–414).

21

Григорий Гаузнер умер в 1934 году, заболев тяжелой формой менингита. Его отец, скорее всего, был агентом-осведомителем Кима и вряд ли выполнял какие-то специальные задания. Иосиф Гузнер в 1920-х годах работал в «Центротекстиле», а на момент ареста в ноябре 1937 года — уполномоченным театральных касс, то есть распространителем театральных билетов. Обвинялся в шпионаже и в январе 1938 года приговорен к расстрелу (справка из базы данных Сахаровского центра «Жертвы политических репрессий в Москве и Московской области (1918–1953)»).

22

Ямамото Кендзо был арестован в ноябре 1937 года по обвинению в шпионаже, на допросе признался, что внедрился в компартию Японии по заданию токийской политической полиции, в Коминтерне и Профинтерне «тормозил и срывал работу этих учреждений»; расстрелян 10 марта 1939 года.

23

О разговоре с Отакэ и своем знакомстве с Кимом Маруяма упомянул в мемуарах, опубликованных в журнале «Mado» в 1972 году; по словам Маруямы, Отакэ и Ким вновь встретились в Москве в 1955 году «как старые друзья» (фрагмент воспоминаний предоставлен А. Куланову Миямото Татиэ, бывшим директором токийской издательской фирмы «Наука»).

24

Адреса Кима указаны в его личном деле и ордере на арест. Адреса и род занятий соседей установлены по базе данных «Жертвы политических репрессий в Москве и Московской области». Биографические сведения о Г. Крамфусе и Г. Чернобыльском взяты из книг: *Андреев А., Берешков В.* Оккультисты Лубянки. М., 2006; *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М., 2005.

25

Выявляя вредителей в народном хозяйстве, отдел Миронова еще в 1932 году раскрыл крупную «шпионско-диверсионную организацию японского Генерального штаба», маскировавшуюся под строительную дорожную контору и подчинявшуюся генконсулу Японии во Владивостоке Ватанабе. По данным следствия, организация базировалась в Дальневосточном крае и «распространила свою работу на Ленинград, Москву, Астрахань, Баку, Майкоп, район Кузбасса, часть Украины, а также на ряд районов у польской границы». Ее участники составляли и передавали японцам карты приграничных районов и крупных промышленных пунктов, сведения военного и экономического характера, под предлогом проведения работ для советских хозорганов подготавливали пути для продвижения японских войск (см.: *Мозохин О.Б.* ВЧК — ОГПУ: на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. С. 387–389).

26

Касательно советского гражданства Кима: подразумевается получение внутреннего общегражданского паспорта (единая паспортная система была введена в СССР в декабре 1932 года).

27

В следственном деле Кима упоминается, что с 1928 года он привлекался как переводчик «в связи с систематической перлюстрацией японской дипломатической почты» (д. Р-23731, том 1, л. 29).

28

Подборка переводов дешифрованной японской переписки, составленная в июне 1932 года зампредом ОГПУ Балицким для Политбюро ЦК ВКП(б), помимо этого сообщения включает указание Генштаба Японии о «размещении в важнейших пунктах (например, в районе Свердловска и Самары) секретных агентов». Эту информацию Роман Ким использовал при составлении докладной записки Менжинскому в июле 1932 года.

29

Мотоно Ичиро в действительности скончался в 1918 году. Упомянутый Риза Хильми — сотрудник Спецотдела ОГПУ (9-го отдела ГУГБ), турок по национальности, член ВКП(б), арестован 21 мая 1937 года.

30

Антоний Оссендовский — польский журналист и писатель, бывший российский подданный, служил в Осведомительном отделе при штабе Колчака, в 1923 году издал на английском языке книгу о гражданской войне в Сибири и Монголии «Звери, люди и боги». Ее русский перевод вышел в Риге в 1925 году. Вероятно, Ким был наслышан о ней или даже читал.

31

Василий Ощепков — в 1907–1913 годах учился в русской семинарии в Токио, обучался дзюдо в школе Кодокан; до 1920 года жил во Владивостоке, служил военным переводчиком; завербован представителем Разведупра РККА, выполнял задания на Сахалине под видом кинопрокатчика, под тем же прикрытием в 1924–1926 годах работал в Токио (первый резидент советской разведки в Японии); с 1929 года в Москве, преподает дзюдо в Государственном центральном институте физической культуры и разрабатывает основы борьбы вольного стиля, впоследствии названной самбо; 1 октября 1937 года арестован, умер в тюрьме от приступа стенокардии 10 октября 1937 года. Трофим Юркевич — в 1923–1929 годах преподавал японский язык в Государственном Дальневосточном университете, в 1930–1933 годах в Московском институте востоковедения; по возвращении во Владивосток был арестован по подозрению в шпионаже, но отпущен и вновь принят преподавателем ГДУ; в 1937 году снова приехал в Москву, арестован 21 марта 1938 года. Драгоман японского посольства Юхаси упоминается во многих протоколах допросов 1937 года как установленный сотрудник японской разведки, сам факт знакомства с ним считается достаточным для изобличения в шпионаже в пользу Японии (см.: *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. М, 2014. С. 342).

32

Список, составленный Верховиным, удивляет хаотичностью, несмотря на привязки к Японии. Компромат собирался не только на лиц, уже находившихся под следствием, но и тех людей, решение об аресте которых будет принято много месяцев спустя. Иван Иванов-Перекрест — резидент ИНО ОГПУ в Харбине во второй половине 1920-х (вербовал агентов, следил за деятельностью японской военной миссии в Маньчжурии, по приезде в СССР в начале 1930-х арестован, дальнейшая судьба неясна); Николай Невский — крупный востоковед, специалист по языкам Восточной Азии (в 1915–1929 годах жил и работал в Японии, вернулся в СССР, преподавал в нескольких ленинградских вузах, арестован 3 октября 1937 года, спустя три недели расстрелян); Николай Мацокин — японист (преподавал в Дальневосточном университете и Московском институте востоковедения, сотрудник ИНО ОГПУ со второй половины 1920-х, арестован в июле 1937 года, расстрелян 8 октября 1937 года); Андрей Лейферт — японист (учился в ДВГУ и Ленинградском восточном институте, работал в полпредстве в Японии в 1928–1930 годах, составил первый советский учебный словарь японских иероглифов, служил в Разведупре РККА, арестован 27 июля 1937 года, расстрелян 9 октября 1937 года); Алексей Наги — журналист (с 1931 года заведующий корпунктом ТАСС в Токио, секретарь парторганизации советской колонии в Японии, в ноябре 1937 года отозван в СССР для партийной проверки, арестован 27 апреля 1938 года, расстрелян 7 сентября 1938 года); Василий Цой-Шену — корейский коммунист (сражался в партизанских отрядах в Приморье, член корейской секции ИККИ, с 1931 года профессор Коммунистического университета трудящихся Востока, арестован 26 августа 1937 года, расстрелян 22 ноября 1937 года); Арсений Вознесенский — востоковед (первый советский полпред в Китае, работал корреспондентом ТАСС в Японии, в 1930-х годах заместитель директора Московского института востоковедения, арестован 31 мая 1937 года, расстрелян 25 декабря 193 7 года); Василий Смагин — полковник РККА (в Разведупре РККА с 1926 года, помощник военного атташе СССР в Японии в 1926–1930 годах, преподаватель Военной академии им. Фрунзе с 1935 года, арестован 16 декабря 1937 года, расстрелян 26 августа 1938 года). Из «ряда вон выходят» корреспондент Азис-Азад и Николай Бассехес — австрийский журналист, сочинявший критические статьи о советской политической жизни и экономике и

высланный из СССР в июне 1937 года. При этом Кима не спрашивали о писателе Борисе Пильняке, уже находившемся под наблюдением НКВД (арестован 28 октября 1937 года).

33

КУТК — учебное заведение Коминтерна, работавшее в Москве в 1926–1930 годах; помимо языков, политэкономии, основ марксизма и ленинизма там преподавали и военное дело.

34

Иван Чибисов до 1923 года служил заместителем полномочного представителя ГПУ по Дальнему Востоку, затем участвовал в создании 5-го (восточного) отделения КРО ОПТУ. Награжден орденом Красного Знамени, знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ 1917–1922» за № 271. Курировал работу КРО по линии японского посольства и атташата В 1932 году был назначен заместителем начальника, затем начальником Особого отдела полномочного представительства ОПТУ в Восточно-Сибирском крае. «Особенно его [Чибисова] увлекали комбинированные смелые разработки по японским разведывательным органам. В этой области, будучи заместителем начальника одного из отделений КРО, он достиг значительных успехов, — вспоминал разведчик Борис Гудзь. — Когда я изложил ему свои соображения по операции “Мечтатели”, то он с воодушевлением поддержал их. Чибисов был настоящий мастер агентурных комбинаций» *(Гбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. М., 2002. С. 178–179,181). Арестован в 1938 году, приговорен к высшей мере наказания.

35

Борис Савинков — до 1917 года один из лидеров партии эсеров, организатор и участник ряда терактов; после Февральской революции фронтовой комиссар Временного правительства; Октябрьский переворот не принял, создал Союз защиты родины и свободы, подготовил белогвардейский мятеж в Ярославле; в эмиграции непримиримый «антисоветчик»; в августе 1924 года завлечен чекистами в СССР в ходе операции «Синдикат-2» (продолжение операции «Трест»), на суде признал свою вину и поражение в борьбе против советской власти; в мае 1925 года покончил жизнь самоубийством во Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке.

Эти показания Добисов-Долин дал 20 июня 1939 года; тремя месяцами ранее он утверждал, что «никем не был завербован ни в отделе, ни на закордонной работе» и никаких японских разведчиков не знает, «кроме наших агентов, работавших в японской разведке» (там же, с. 374).

37

Историю этой операции впервые рассказал полковник СВР в отставке В. Мотов в статье «Сломавшаяся “ось”» («Новости разведки и контрразведки», № 3–4, 2004). Идзуми продолжал информировать советскую разведку после отъезда Елены с сыном в Москву в мае 1941 года (ее мать в 1930-х была арестована и осуждена на десять лет заключения за шпионаж). В августе он передал резиденту в Софии введенные после нападения Германии на СССР новые коды, ключи-распределители и декадные бланки для переписки японских дипорганов в Европе.

38

Трофим Корниенко учился в Институте востоковедения им. Нариманова, в 1933–1934 годах служил помощником уполномоченного, затем уполномоченным 4-го отделения Особого отдела ОГПУ (возможно, был знаком с Кимом). Работал в других отделениях Особого отдела. После реорганизации ГУГБ оставлен в 3-м (контрразведывательном) отделе, служил начальником отделения, при Берии повышен до заместителя начальника отдела, с июня 1939 года — начальник 3-го отдела ГУГБ.

39

Соломон Лозовский — заместитель наркома иностранных дел.

40

Если исключить вероятность, что Судоплатов ошибся в воспоминаниях, то дешифровка и перевод этой телеграммы были сделаны дважды. Лондонская агентура НКВД («кембриджская пятерка») передала в Москву частично дешифрованный текст телеграммы, перехваченной англичанами, о чем начальник Разведывательного управления НКВД Павел Фитин доложил Сталину 10 декабря 1941 г. Перевод цитируется по этому спецсообщению (см.: Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939–1946. Сборник документов. М., 2006. С. 320).

41

Линия имперского правительства, о которой говорит министр Тани: «Отношения между Советским Союзом и Японией на севере остаются неизменными и мирными».

42

О факте переписки автору рассказала М.Сорокина, общавшаяся с М. Цын в 1990-е годы. Марианна Цын отбывала срок в поселке Княж-Погост (Коми АССР) — первоначально в системе Ухтинско-Печерского ИТЛ. В 1938 году Ухтпечлаг расформировали на четыре лагеря, в том числе Севжелдорлаг, созданный для строительства Печерской железной дороги. Как вспоминала М. Цын, благодаря высшему образованию ее распределили на «блатную» работу — учетчицей в отделе материального снабжения.

43

О ходатайстве мужа составителям справочника «Люди и судьбы» рассказывала М. Цын. В ее архивном следственном деле материалы, касающиеся пересмотра дела, закрыты для ознакомления.

Марианна Цын стала соавтором двух учебников японского языка и «Большого японо-русского словаря», удостоенного в 1970 году Государственной премии СССР. Скончалась в Москве в феврале 2002 года в возрасте 98 лет.

45

Статья 193 входила в раздел «Воинские преступления» УК РСФСР. Пункт 17а: «Злоупотребление властью, превышение власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии… Лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».

Автором рецензии был Сергей Борзенко — журналист-фронтовик, Герой Советского Союза, спецкор «Правды» в КНДР в годы Корейской войны.

47

Авторский лист — мера объема литературного произведения (22 страницы машинописного текста, или 40 000 знаков).

48

Л.П. Берия с 1946 года занимал пост заместителя председателя Совета министров СССР, курировал Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности, в 1953 году объединил их и возглавил МВД СССР. В.Н.Меркулов (начальник ГУГБ НКВД СССР в 1938–1943 гг., нарком государственной безопасности СССР в 1943–1946 гг.) на момент ареста был министром государственного контроля СССР; В.Г. Деканозов (начальник разведывательного и контрразведывательного отделов ГУГБ в 1938–1939 гг.) — министром внутренних дел Грузинской ССР; Б.З. Кобулов (начальник Следственной части НКВД СССР в 1938–1939 гг., первый заместитель наркома госбезопасности СССР в 1943–1946 гг.) — первым замминистра внутренних дел СССР; Л.Е. Влодзимирский (замначальника контрразведывательного отдела ГУГБ в 1940–1941 гг., начальник Следственной части НКВД — НКГБ СССР в 1941–1946 гг.) — начальником Следственной части по особо важным делам МВД СССР; С.А. Гоглидзе (в 1943–1951 гг. уполномоченный НКГБ — МГБ СССР по Дальнему Востоку) — начальником контрразведывательного управления МВД СССР.

49

А.А. Гузовский в 1941–1944 гг. возглавлял дальневосточный отдел 2-го (контрразведывательного) управления ГУГБ — НКГБ, в 1944–1946 гг. — резидент НКГБ в Париже; В.И. Пудин в 1927–1932 гг. служил в восточном отделении КРО и Особого отдела ОГПУ, был нелегальным агентом в Харбине, с 1932 года работал в ИНО, в годы Великой Отечественной войны возглавлял диверсионную группу в германском тылу, с 1943 года — в центральном аппарате внешней разведки; М.С. Яриков служил в ИНО с 1927 года, на момент ареста в 1938 году возглавлял восточное отделение 5-го отдела (внешняя разведка) ГУГБ, осужден, освобожден в 1941 году по инициативе Судоплатова, работал в 4-м (диверсионном) управлении ГУГБ.

50

Борис Изаков — собкор «Правды» в Лондоне в 1931–1933 гг., затем международный обозреватель «Правды»; в годы войны — фронтовой корреспондент, воевал в партизанском отряде. В 1950–1960-е гг. совмещал журналистику с работой литературного переводчика (в частности, в 1959 году перевел шпионские романы Грэма Грина «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване»).

51

Согласно советскому «Дипломатическому словарю» 1986 года, Георгий Самсонов в 1953–1954 гг. и 1957–1961 гг. был сотрудником центрального аппарата МИД, в 1954–1957 гг. — сотрудником посольства СССР в Корее (должности не указаны).

52

Последние адреса Кима установлены по архивным документам (заявлению о реабилитации и авторским договорам). Крыло дома на Зубовском бульваре, в котором находилась его квартира, снесли в конце 1970-х при строительстве Пресс-центра Олимпиады-80.

53

Касахара вернулся в Токио в апреле 1932 года и был назначен начальником Советского отдела 4-й секции (разведка в Европе и США) 2-го бюро Генерального штаба Японии.

54

В апреле 1932 года Реввоенсовет СССР продлил договор с Японией о взаимном обмене офицерскими кадрами для стажировки в военно-учебных заведениях и воинских частях. В декабре 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «договор с японским командованием о стажерах не расторгать». Военный атташе Хата получил от Генштаба инструкцию начать переговоры насчет увеличения числа командируемых офицеров. В качестве варианта сотрудничества был предложен обмен офицерами для изучения русского и японского языков. Весной 1935 года четыре советских офицера отправились по этой линии в Японию, четыре японских — прибыли в СССР (один из них, Адачи Хисаси, был завербован Романом Кимом).

55

Первый секретарь Московского горкома ВКП(б) Лазарь Каганович руководил работой Политбюро ЦК ВКП(б) в периоды отпусков Сталина и, как его заместитель, получал доклады из ОПТУ.

56

Осенью 1931 года японский и польский Генеральные штабы договорились о военном сотрудничестве, направленном против СССР (об этом факте в марте 1932 года в Москву сообщил источник ИНО ОГПУ во французском Генштабе, общавшийся с начштаба польской армии). В мае 1932 года Особый отдел ОГПУ представил председателю РВС СССР К.Ворошилову переводы трех «Бюллетеней по СССР», составленных Генеральным штабом Японии и полученных японским военным атташе в Москве. В одном из них в числе источников разведывательных данных о численности, вооружении и дислокации частей РККА указывались Генеральные штабы Польши и Латвии.

57

В эмиграции Троцкий создал Международную левую оппозицию, которая сперва пыталась сформировать антисталинистскую фракцию в Коминтерне, а затем пропагандировала необходимость создания нового, 4-го Интернационала. Сведения Кавабэ о подпольной оппозиции можно назвать устаревшими. В 1933 году ОПТУ раскрыло «контрреволюционную группу Смирнова», поддерживавшую связи с троцкистами за рубежом и ссыльными оппозиционерами в СССР (при обысках была изъята «переписка со ссылкой» и статьи Троцкого, опубликованные за границей). По этому делу были осуждены 86 человек, в том числе члены ВКП (б), занимавшие видные посты в наркоматах. Процесс не был публичным. Если Кавабэ удалось что-то узнать о следствии по «группе Смирнова», он мог предполагать, что ликвидация реальной советской оппозиции еще не закончилась.

comments

Ссылки

1

Неизвестный Юлиан Семенов. Письма, дневники, путевые заметки. М., 2008. С. 13–15.

2

Славин Л. Мой чувствительный друг. Рассказы. Записки. Портреты. М., 1973. С. 333; *Сафонов В.* Последний рассказ Романа Кима // Ким Р.Н. Тайна ультиматума. М., 1969. С. 317.

З

Краткая литературная энциклопедия. Том 3. М., 1966.

4

Люди и судьбы: биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003. С. 200.

5

Буяков А.М. Ведомственные награды ОПТУ — НКВД. Часть II. Знак «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)». Владивосток, 2008. С. 356–358.

6

По Дальнему Востоку. Сборник описательных статей. Москва, 1905. С. 18–22.

7

Следственное дело № 11626 по обвинению Ким Р.Н. ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 86, 109, том 2, л. 2–3,6; архивная справка по личному делу Р.Н. Кима из фонда Союза писателей СССР — РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 2735.

Пак Б.Д. Россия и Корея. М, 2004. С. 139–140.

9

Там же, с. 220–221.

10

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 86, том 2, л. 2; справка по личному делу Р.Н. Кима из фонда Союза писателей СССР.

11

Справочная книга г. Владивостока. Хабаровск, 1902 (с. 108); Систематический сборник постановлений Владивостокской Городской Думы за 1901–1912 гг. Владивосток, 1913 (с. 306); Памятная книжка Приморской области. Владивосток, 1903 (с. 145); Прибавление к памятной книжке Приморской области. Владивосток, 1906 (с. 102); Памятная книжка Приморской области. Владивосток, 1907 (с. 134).

12

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 21,100, том 2, л. 2.

Пак Б.Д. Россия и Корея. М, 2004. С. 368–373.

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. М., 2014. С. 232.

15

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 90, 109.

16

Там же, л. 299.

17

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 21–22,89–90, 299.

18

Пак Б.Д., *Цой В.В.* Чхве Джэхён (Цой Петр Семенович). М., 2010. С. 34–35; *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. С. 231.

19

Справка по личному делу РН. Кима из фонда Союза писателей СССР; служебная автобиография Р.Н. Кима (см.: *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. С. 324).

20

Систематический сборник постановлений Владивостокской Городской Думы за 1901–1912 гг. Владивосток, 1913 (с. 292); Путеводитель по Владивостоку и промыслам Приморской области, Камчатки и Сахалина. Владивосток, 1909 (отд. I, с. 110, отд. II, с. 2, 11); Справочная книжка по гор. Владивостоку Приморской области. Владивосток, 1914 (с. 87); Торгово-промышленный справочник города Владивостока и его пригородов. Владивосток, 1912 (с. 238).

21

Пак Б.Д., Цой В.В. Чхве Джэхён (Цой Петр Семенович). М, 2010. С. 40-42.

22

Памятная книжка Приморской области. Владивосток, 1914. С. 64.

23

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. С. 232–233.

24

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 86–87, том 2, л. 4.

Пильняк Б. Корни японского солнца; *Ким Р.* Ноги к змее. Ленинград, 1927. С. 157–159.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 128, 150.

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. М., 2014. С.323.

28

Савченко С.Н., Левкин Г.Г. Интервенционистские силы Японии на российском Дальнем Востоке (1918–1922) // «Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке». Хабаровск, 1999. С. 148–149.

29

Революция на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Москва — Петроград, 1923. С. 17.

30

Там же, с. 216–217.

Симонов Д. Г. Мобилизации сибирской интеллигенции в белую армию в 1918–1919 гг. // «Гуманитарные науки в Сибири», № 2, 2009. С. 52–56.

32

Буяков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // «Известия Восточного института», № 5, 1999; *Кирмель К.С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М, 2013. С. 277–278.

33

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 99–100, том 2, л. 4.

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. М., 2014. С.325.

35

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 100–101, том 2, л. 4–6.

Аничков В.П. Екатеринбург-Владивосток (1917–1922). М, 1998. С. 284.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 7–10.

38

Для описания политической обстановки и событий на Дальнем Востоке в 1920–1921 гг. использовались книги: Революция на Дальнем Востоке. Москва — Петроград, 1923; *Губельман М.И.* Борьба за Советский Дальний Восток (1918–1922). М., 1955; *Григорцева С.С.* Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М, 1957; *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957; *Савченко С.Н., Левкин Г.Г.* Интервенционистские силы Японии на российском Дальнем Востоке Хабаровск, 1999; Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX в.). Владивосток, 2004.

39

«Дальневосточное обозрение» (Владивосток), 16 мая 1920 г.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 9.

41

Из воспоминаний члена Дальбюро ЦК РКП(б) М. Губельмана («Революционный Восток». Вып. 4. М., 1936. С. 139), помощника начальника разведслужбы Военного совета земской управы К. Харнского («Линия огня». Владивосток, 1982. С. 13), журналиста С. Третьякова («Новый Леф», № 8–9, 1927. С. 56).

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 21.

Ким Р. Приморские комментаторы // Год Восемнадцатый. Альманах восьмой. М., 1935.

Шинин О.В. Советская разведка в Приморской области (май 1921 — октябрь 1922 гг.) // «Россия и АТР», № 4, 2012; *Улько Е.* Солдаты партии // Линия огня. Владивосток, 1982.

Семенов Ю. Пароль не нужен // «Смена», № 10, 1967.

Семенова О.Ю. Юлиан Семенов. М., 2006. С. 91; Неизвестный Юлиан Семенов. Том 1. М., 2008, с. 13.

47

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 71.

48

РГИА ДВ, ф. Р-727, оп. 1, д. 29, л. 11–12об.

49

РГИА ДВ, ф. Р-727, оп. 1, д. 29, л. 52об.

50

РГИА ДВ, ф. Р-727, оп. 1, д. 29, л. 54.

Линия огня. Владивосток, 1982. С. 21.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 60.

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. С. 117.

Ким Р.Н. Тайна ультиматума. М., 1969. С. 108.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1,л. 101,116, том 2, л. 10.

Моргун З.Ф. Японская газета «Урадзио-ниппо» во Владивостоке (1917–1922 гг.) // «Известия Восточного института», № 5, 1998.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 130.

Там же, л. 150–152; *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. С. 322.

59

РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, д. 286, л.1.

Хейфец М. Советская жизнь: опыт и мысли // Интернет-журнал «Заметки по еврейской истории», № 3, 2010.

Булатов И. Первые чекисты Приморья // Линия огня. Владивосток, 1982. С. 26.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 10.

63

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 300–301, том 2, л. 11–12.

РГАЛИ, ф. 2809, оп. 1, д. 173, л. 28об, 42-^12об.

Булатов И. Первые чекисты Приморья. С. 27; ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 11.

Федичкин Д. Именем революции // Линия огня. Владивосток, 1982. С. 167.

Фунакава Х. Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке // «Ойкумена», № 1,2012.

Федичкин Д. Именем революции. С. 167–168.

Куртинец С.А. Разведывательно-подрывная деятельность японского консульства во Владивостоке в начале 20-х годов XX века // «Власть и управление на востоке России», № 1, 2011. С. 100–102.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 116–117, том 2, л. 12–13.

71

См.: *Куланов А.Е.* В тени Восходящего солнца. С. 225.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 117–118, 154.

Быстролетов Д.А. Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 544.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 14;

Ким Р.Н. О фашизме в Японии // «Новый Восток», №4, 1923. С. 416–421.

Два рассказа Акутакава Рюносукэ. Пер. Р.Н. Кима // «Восточные сборники. Литература — искусство». Вып. I. М., 1924. С. 187.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 270–272.

Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 73.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 302, 313.

Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2009. С. 603–604.

Горбунов Е.Л. Схватка с Черным Драконом. М., 2002. С. 53.

82

Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Часть II. М., 1925. С. 46–47.

83

Пильняк Б. Корни японского солнца. *Ким Р.* Ноги к змее. Ленинград, 1927. С. 135–146.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 533.

85

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 29, том 2, л. 14.

Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М., 2002. С. 428.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 283.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 312.

Цын М.С. Как это было (воспоминания о Н.И. Конраде) // «Япония сегодня», № 12, 2000.

90

Следственное дело по обвинению Цын М.С. ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 14; Биографическая справка о Цын СМ. // «Энциклопедия Забайкалья» (интернетверсия).

91

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 71.

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 15.

93

Там же, л. 23.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 46, 170,279–280, 302.

95

Показания бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хата Хикодзабуро от 30 января 1946г. // Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 387.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 33.

Быстролетов Д.Л. Путешествие на край ночи. М., 1996. С. 361.

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 4–5, 46-48.

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М, 2000. С. 349, 352, 598; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1932). Сборник документов. М, 2008. С. 601.

100

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 2.

101

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 18–24.

102

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 41.

103

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 71, 76.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 71.

Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2009. С. 688–695.

106

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 90–96.

107

Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 349, 600–601; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 467, 498.

108

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 3, 77–78.

109

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 7–8.

Там же, л. 309.

111

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 342.

«Известия», 22 сентября 1933 г., 30 сентября 1933 г.

113

Сталин и Каганович. Переписка. С. 375–376.

Там же, с. 383–384.

115

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 2, 163, 225; том 2, л. 14.

116

РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 560, л. 63–65.

117

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 309, 313–314.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 73, 278.

119

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 41,69,71–73.

120

Чекулаева Е. И вместе им не сойтись… // «Огонек», № 8, 2004.

121

Кириченко А. А. Из записок чекиста-японista// «Япония наших дней». Выпуск 12. М, 2012. С. 107.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 48; том 2, л. 22.

123

Мозохин О.Б. Противоборство. С. 386; *Цыганкова С.* Карельский сын японского генерала // «Труд», 21 ноября 2001 г.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 48, 275, том 2, л. 22.

125

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 22, 41, 48, 69, 278.

126

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 48–50, 165, 278.

127

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 277.

Славин Л. Мой чувствительный друг. М., 1973. С. 333–334.

129

Ким Р. Три дома напротив, соседних два // «Год Шестнадцатый. Альманах второй». М., 1933.

130

Ким Р. Японский пейзаж // «Год Восемнадцатый. Альманах восьмой». М., 1935.

131

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 272.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л.282.

133

РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, д. 1037, л. 82.

Ким Р. Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских оборонных писателей // «Залп», № 8, 1934. С. 26.

135

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 11—11об.

Семпер-Соколова Н. Портреты и пейзажи: частные воспоминания о 20 веке. М., 2007. С. 156.

137

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 10 — 10об.

138

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 158–159.

139

Копия хранится у М.Ю. Сорокиной, соавтора библиографического словаря «Люди и судьбы»; опубликована в журнале «Природа» № 4, 2006 (статья «Жизнь, похожая на коробку спичек»).

Семпер-Соколова Н. Портреты и пейзажи: частные воспоминания о 20 веке. М., 2007. С. 156, 164.

141

Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. М, 2003. С. 443–444.

142

Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М, 2012. С. 216–217,222–231; *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. М., 2002. С. 173–203; Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. С. 463.

143

Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 268–281, 283–284, 289–297, 301–305; Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. С. 526, 551–553.

144

РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 558, л. 201, д. 560, л.2.

145

Процесс Антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 253–255.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. М, 2004. С. 73–74.

147

Там же, с. 109–110.

148

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. С. 639.

149

Арест Кима описан на основе сведений из ордера на арест и обыск, протокола обыска и приложенных служебных записок (ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 6, 7–7об, 8,9), первый допрос — на основе протокола допроса (д. Р-23731, том 1, л. 21–22) и других материалов следственного дела (д. Р-23731, том 1, л. 169,279).

150

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 159.

151

Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001. С. 32.

152

Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям», 1964 г. // Военно-исторический архив. Том 2. М., 1997. С. 29–32.

153

Зенькович Н.А. XX век. Высший генералитет в годы потрясений. М., 2005. С. 206.

154

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 11.

155

Там же, л. 1.

Там же, л. 2–3.

157

Там же, л. 16.

Там же, л. 165–170.

Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С. 124–125;

Гронский И.М. Арест. Лагерь // «Звезда», № 5, 2008.

161

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 298, 307, том 2, л. 15.

162

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 1,3–6; *Цын М.С.* Несбывшаяся Лучезария // «Личный интерес», № 4, 2000.

163

Сцена допроса описана на основе документов из следственного дела Кима (д. Р-23731, том 1, л. 23–37, 77, 107–108).

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 38–52.

165

Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. М., 2003. С. 207.

166

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 163–164.

167

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 13–14.

168

Сцена допроса описана на основе протокола допроса от 15–16 августа 1937 года (ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 53–64).

169

«Подрывная работа японской разведки» // «Правда», № 187, 188 (9 и 10 июля) 1937 г.

170

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 10–12.

171

Там же, л. 6,13.

Там же, л. 7, 14–15.

173

Там же, л. 22–24.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 217–228.

175

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 69–74.

176

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 41; *Цын М.С.* Ухтарка. Из моей жизни в сталинских тюрьмах и лагерях // Покаяние. Т. 8, ч. 2. Сыктывкар, 2006. С. 403.

177

Письмо Л. Славину от 11 апреля 1965 г. РГАЛИ, ф. 2811, оп. 1, д. 241, л. 3.

178

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 16, 315, том 2, л. 16.

179

РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 188, л. 105–146.

180

Доклад наркома обороны СССР и начальника Генштаба РККА в ЦК ВКП(б) о плане развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. //1941 год. Сборник документов. Книга вторая. М., 1998. С. 532–548.

181

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 16.

182

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 143–147.

183

Лубянка. Советская элита на сталинской Голгофе. 1937–1938. Документы и комментарии. М., 2011. С. 183–184.

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. М., 2014. С. 301.

185

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 183–195.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 216.

187

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 162,285–286.

Гладков Т.К. Король нелегалов. М., 2000. С. 133–135.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 151.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 16.

191

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 78.

192

Допрос Ким Даня — декабрь 1937 г., Н. Пака — апрель 1938 г. См.: Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. С. 24; Корейцы — жертвы политических репрессий в СССР, 1934–1938 гг. Кн. 5. М, 2004. С. 168.

193

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 107, 123–124.

Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. М., 2002. С. 376.

195

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 131–142.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 261.

197

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 309.

Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001. С. 99.

199

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 261.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 275–288.

201

Там же, л. 290–293.

202

Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш», 1939 — март 1946. Сборник документов. М., 2006. С. 109.

203

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 297–304.

Там же, л. 305.

205

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 1. Кн. 1. М., 1995. С. 253–254.

Там же, с. 102, 232.

207

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 51.

208

РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1383, л. 90–94.

209

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 1. Кн. 2. М., 1995. С. 138, 171, 217.

Там же, с. 212,254,280.

Там же, с. 254–264,269,280–283.

Там же, с. 284–296.

213

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 2. Кн.1 М., 2000. С. 319–320; *Горбунов Е.А.* Схватка с Черным Драконом. М, 2002. С. 481–483.

Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001. С. 376–377.

215

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 4. Кн. 1. М., 2003. С. 185, 195, 210.

216

Там же, с. 119.

217

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 5. Кн. 2. М., 2007. С. 133–134.

218

ЦА ФСБ России, д. Р-26797, л. 41–42.

Цын М.С. Несбывшаяся Лучезария // «Личный интерес», № 4, 2000.

220

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 306–316.

221

Архивная справка по личному делу Р.Н. Кима из фонда Союза писателей СССР. РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 2735.

222

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 317–318, том 2, л. 1.

223

Там же, том 2, л. 2, 51.

Там же, том 1, л. 281–282.

225

Там же, том 2, л. 23,25.

Там же, том 2, л. 26–27.

227

Там же, том 2, л. 45.

228

Архивная справка по личному делу Р.Н. Кима из фонда Союза писателей СССР.

Ким Р. О современной японской литературе // Запад и Восток. Сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. М., 1926.

РГАЛИ, ф. 2809, оп. 1, д. 173, л. 9–28,41–42.

231

Там же, л. 2–7, 39–41.

232

Письмо А.К. Тарасенкову от 30.07.1951. РГАЛИ, ф.2587, оп. 1, д. 476, л. 1–2.

233

Там же, л. 2.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 50, 84–87, 89.

235

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 2, л. 50, 88–90.

236

Письмо А.С. Галису от 05.05.1961. РГАЛИ, ф. 2826, оп. 1, д. 19, л. 1.

237

РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, д. 629, л. 16–17.

238

РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, д. 629, л. 7.

239

Там же, л. 15.

240

Письмо А.С. Галису от 05.05.1961. РГАЛИ, ф. 2826, оп. 1, д. 19, л. 1.

241

Славин Л. Рука друга // *Ким Р.Н.* Тайна ультиматума. М, 1969. С. 310.

242

РГАЛИ, ф. 2826, оп. 1, д. 19, л. 3.

Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца. М., 2014. С. 201.

Ардаматский В. Встречи с Кимом; *Сафонов В.* Последний рассказ Романа Кима // *Ким Р.Н.* Тайна ультиматума. М, 1969. С. 312–313,317–318.

245

РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, д. 629, л. 17.

Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. М., 2009. С. 32.

247

Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. М., 2008. С. 310–311, 313–314, 468, 612–614; Неизвестные Стругацкие. 1963–1966 гг. С. 145–146, 159.

248

РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, д. 630, л. 12.

Семенова О.Ю. Юлиан Семенов (2-е издание, исправленное и дополненное). М., 2011. С. 168–172.

Ардаматский В. Встречи с Кимом. С. 312.

251

РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, д. 629, л. 18.

Там же, л. 19.

253

Там же, л. 19.

ЦА ФСБ России, д. Р-23731, том 1, л. 235.

255

См.: *Мозохин О.Б.* Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М, 2012. С. 382.

256

РГАЛИ, ф. 1234, оп. 19, д. 629, л. 12–13.

257

Там же, л. 16,18.

Там же, л. 11.

259

Там же, л. 2.

Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки. М, 1954; М, 1959; М, 1966; М, 1972; М., 1976.

261

РГАЛИ, ф. 2811, оп. 1, д. 241, л. 1,3.

Ким Р.Н.Таita ультиматума. С. 314, 318.

Мамонов А.И. Встречи на берегах Едогавы. М, 1975. С. 62.

Сафонов В. Последний рассказ Романа Кима. С. 318–319.